D16 1477

22 1/36
916 1477

Академикъ А. А. Шахматовъ.

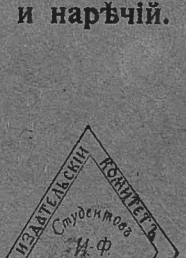
ВВЕДЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ЧАСТЬ I.

Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.



ИЗДАНІЕ
Студенческаго Издательскаго Комитета
при Историко-Филологическомъ Факультетѣ Петроградскаго Университета.
ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Д16 1477

Академикъ А. А. Шахматовъ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ЧАСТЬ I.

Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Издательскій Комитетъ Студентовъ И.-Ф. ф. Университета

22 Ш31 I

102 05

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „НАУЧНОЕ ДѢЛО", Загородный пр., 74.

1916 г.

455911

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСКАГО КОМИТЕТА.

Вслѣдствіе краткости учебнаго 1914—1915 года, когда академикомъ А. А. Шахматовымъ былъ читанъ курсъ «Введенія въ исторію русскаго языка», намѣченная въ главѣ «Задачи и планъ курса» программа не могла быть выполнена. Полностью былъ изложенъ только пунктъ I вышеупомянутой программы, а по другимъ пунктамъ были сообщены лишь краткія свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя для послѣдующихъ отдѣловъ курса исторіи русскаго языка. Въ слѣдующемъ же учебномъ году академикъ Шахматовъ, по соображеніямъ, обусловленнымъ задачами университетскаго преподаванія, будетъ читать курсъ великорусской діалектологіи.

Издательскій Комитетъ, признавая, однако, за полностью прочитанной частью «Введенія» самостоятельную цѣнность для студентовъ-филологовъ и заручившись любезнымъ согласіемъ академика Шахматова, рѣшилъ издать отдѣльнымъ выпускомъ эту часть предполагавшагося на 1914—1915 уч. годъ курса. Такимъ образомъ, печатаемая книга содержитъ только изложеніе историческаго процесса образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Издательскій Комитетъ предполагаетъ въ будущемъ съ согласія академика Шахматова печатать послѣдующіе отдѣлы курса исторіи русскаго языка.

Въ заключеніе Издательскій Комитетъ приноситъ благодарность академику А. А. Шахматову, любезно согласившемуся на изданіе его лекцій и предоставившему ихъ рукопись въ распоряженіе Комитета.

ВВЕДЕНІЕ

въ курсъ исторіи русскаго языка.

ЗАДАЧИ и ПЛАНЪ КУРСА.

«Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка» имѣетъ своей задачей сообщить рядъ свѣдѣній, необходимыхъ для уясненія тѣхъ языковыхъ явленій, которымъ посвящены послѣдующіе отдѣлы моего курса,—явленій звуковыхъ, морфологическихъ, синтактическихъ.

Наиболѣе существеннымъ представляется мнѣ, во-первыхъ, уяснить въ такомъ введеніи историческій процессъ, пережитый русскимъ языкомъ въ связи съ исторіей русскаго народа, во-вторыхъ, познакомитъ Васъ съ тѣмъ сложнымъ матеріаломъ, которымъ долженъ пользоваться изслѣдователь при возстановленіи тѣхъ или иныхъ языковыхъ явленій.

Исторія языка основывается главнымъ образомъ на данныхъ современнаго живого языка въ его говорахъ, ибо эти данныя, если они точно описаны, могутъ служить наиболѣе надежными отправными точками для изслѣдованія; сравнительное изученіе современныхъ говоровъ ведетъ къ возстановленію общаго для этихъ говоровъ языкового основанія и даетъ, такимъ образомъ, прочный и надежный матеріалъ для заключеній о составѣ языка въ болѣе отдаленныя эпохи и о процессахъ, по которымъ шло его измѣненіе. Поэтому въ настоящемъ «Введеніи» будутъ сообщены данныя о современныхъ русскихъ говорахъ. Даннымъ этимъ я предпошлю краткія свѣдѣнія о звуковомъ составѣ нашей живой рѣчи, ибо наши познанія въ другихъ русскихъ говорахъ основываются главнымъ образомъ на сравненіи ихъ съ собственною нашею рѣчью.

Но исторія языка получаетъ яркое освѣщеніе и со стороны письменныхъ памятниковъ. Наша письменность восходитъ къ **XI** вѣку; анализъ памятниковъ письменности **XI — XIX** вѣка даетъ весьма цѣнныя, иногда непререкаемыя данныя о наличности тѣхъ или иныхъ звуковыхъ явленій въ указанныхъ хронологическихъ предѣлахъ. Поэтому «Вве-

деніе» дастъ общее обозрѣніе памятниковъ и выяснитъ пріемы ихъ изслѣдованія.—Пріемы эти усложняются тѣмъ обстоятельствомъ, что письменный языкъ нашъ заимствованъ нами съ готовою письменностью изъ древней Болгаріи, при чемъ графика, приспособляясь вообще къ живой русской рѣчи, подвергалась кромѣ того особеннымъ процессамъ, независимымъ отъ измѣненій звукового состава языка.

Знакомство съ русскимъ языкомъ въ его современныхъ говорахъ и историческихъ памятникахъ несомнѣнно освѣщаетъ прошлое языка и ходъ постепенныхъ его измѣненій; умѣлое пользованіе извлекаемыми изъ говоровъ и памятниковъ данными приводитъ и къ возстановленію фактовъ языка той отдаленной эпохи, отъ которой до насъ не дошло памятниковъ. Древнѣйшій періодъ русскаго языка мы опредѣляемъ какъ ***періодъ общерусскаго праязыка***, ибо нѣкогда русскій языкъ, въ противоположность современному, представлялъ большее единство, препятствовавшее распаденію его на обособленныя нарѣчія. Возстановленіе общерусскаго праязыка достигается не только изученіемъ данныхъ позднѣйшихъ эпохъ и современной намъ эпохи жизни русскаго языка, но также сравнительнымъ изученіемъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Всѣ славянскія нарѣчія, а въ томъ числѣ и общерусскій праязыкъ, выдѣлились изъ одного общаго основанія, опредѣляемаго какъ ***общеславянскій праязыкъ***. Познаніе ближайшаго предка общерусскаго языка—праязыка общеславянскаго—ведетъ неминуемо къ лучшему пониманію состава языка въ древнѣйшій русскій періодъ; такимъ образомъ для возстановленія отправныхъ точекъ въ изученіи исторіи русскаго языка, а такими точками являются данныя общерусскаго праязыка, необходимо сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ. Поэтому во «Введеніи» будутъ опредѣлены отношенія этихъ языковъ къ ихъ общеславянскому основанію и намѣчены тѣ пріемы, по которымъ возможно получать освѣщеніе явленій русскаго языка по даннымъ другихъ славянскихъ языковъ.

Цѣнныя данныя для возстановленія русскаго языка въ древнѣйшіе его періоды можно извлечь—такъ кажется по крайней мѣрѣ въ теоріи—изъ изученія заимствованій, проникавшихъ изъ русскаго языка въ другіе сосѣдніе языки (финскіе, литовско-латышскіе). Нѣкоторыя соображенія относительно этого источника познанія русскаго языка въ его исторіи должны быть сообщены въ настоящемъ «Введеніи».

Итакъ, въ составъ «Введенія» вводится, во-первыхъ, уясненіе общаго историческаго процесса жизни русскаго языка, во-вторыхъ, знакомство съ данными и пріемами, ведущими къ освѣщенію и возстановленію частностей этого историческаго процесса; въ-третьихъ, я предложу во «Введеніи» и краткій обзоръ изученій русскаго языка, гдѣ

будутъ указаны главнѣйшія пособія. Въ предложенной программѣ, какъ Вы видите, недостаетъ такого отдѣла, гдѣ были бы сообщены общія теоретическія соображенія относительно свойства языковыхъ явленій, причины измѣненій въ языкѣ, законовъ, регулирующихъ эти измѣненія; но я думаю, что соотвѣтствующія свѣдѣнія Вы найдете въ общихъ курсахъ языковѣдѣнія. Освѣщеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ данныхъ будетъ предложено мною тамъ, гдѣ я сообщу Вамъ очеркъ звукового состава нашей живой рѣчи и притомъ примѣнительно къ доступнымъ Вашему непосредственному наблюденію фактамъ.

Сообразно всему вышесказанному «Введеніе» къ курсу исторіи русскаго языка распадается на слѣдующіе отдѣлы и подотдѣлы:

I.—Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

II.—Данныя для возстановленія историческаго процесса языковыхъ измѣненій.

1.—Современные русскіе говоры:

а) звуковой составъ современнаго литературнаго языка,

б) три главныя русскія нарѣчія и ихъ развѣтвленія.

2.—Памятники русскаго языка.

3.—Славянскія нарѣчія и извлекаемыя изъ нихъ данныя для возстановленія общеславянскаго праязыка.

4.—Заимствованныя изъ древнерусскаго языка слова въ сосѣднихъ языкахъ финскихъ и балтійскихъ.

III.—Главнѣйшіе труды по изученію русскаго языка.

Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Основныя понятія и отправныя точки.

Подъ *русскимъ языкомъ* въ научномъ употребленіи этого термина мы разумѣемъ совокупность тѣхъ нарѣчій и говоровъ, которыми какъ въ настоящее время, такъ и въ предшествующія эпохи пользовались, въ качествѣ материнскаго, роднаго языка, русскія племена. Всѣ эти нарѣчія и говоры восходятъ къ одному общему основанію: это видно для поверхностнаго наблюдателя изъ близкаго ихъ сходства между собою; это вытекаетъ въ видѣ научнаго вывода изъ болѣе глубокаго историческаго изученія названныхъ нарѣчій и говоровъ. Каждый представитель русскаго племени, будь то великорусъ или бѣлорусъ или малорусъ (украинецъ), можетъ назвать свой родной языкъ *русскимъ:* онъ русскій по его происхожденію и въ силу этого своего происхожденія останется русскимъ, какимъ бы измѣненіямъ не подвергся съ теченіемъ времени. Передъ нами, такимъ образомъ, въ настоящее время множество различныхъ другъ отъ друга русскихъ *индивидуальныхъ языковъ:* ихъ столько же, сколько индивидуумовъ, говорящихъ по-русски. Но уже при самомъ поверхностномъ наблюденіи оказывается, что эти индивидуальные языки по своимъ особенностямъ могутъ быть распредѣлены на болѣе или менѣе обширныя группы, образующія части еще большихъ группъ. Эти подгруппы, вмѣщающія въ себѣ однородные индивидуальные языки, можно назвать *говорами;* а группы сходныхъ между собою говоровъ называютъ *поднарѣчіями* или *нарѣчіями.* Обширныя языковыя группы, нарѣчія, оказываются, такимъ образомъ, дѣленіями того великаго цѣлаго, которое называется *языкомъ* (языкомъ народа, племени,) заключающимъ въ себѣ всю совокупность индивидуальныхъ языковъ, связанныхъ между

собою сходствомъ; сходство же это зависитъ прежде всего отъ единства происхожденія.

Обращаясь къ русскому языку, видимъ, что индивидуальные русскіе языки могутъ быть сгруппированы по такимъ говорамъ, какъ говоры той или иной губерніи — говоры вятскіе, калужскіе, могилевскіе, подольскіе; эти говоры распредѣляются по болѣе обширнымъ группамъ — поднарѣчіямъ и нарѣчіямъ; такъ вятскіе, пермскіе, вологодскіе, олонецкіе говоры оказываются ближайшимъ образомъ сходными между собою и образуютъ вмѣстѣ съ другими говорами сѣверное поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія; калужскіе, тульскіе, рязанскіе вмѣстѣ съ другими сосѣдними съ ними говорами образуютъ южное поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія. Говоры могилевскіе вмѣстѣ съ виленскими, минскими, витебскими и другими сосѣдними входятъ въ составъ бѣлорусскаго нарѣчія. Говоры подольскіе, кіевскіе, волынскіе, галицкіе вмѣстѣ съ другими съ ними сосѣдними и съ ними сходными образуютъ малорусское нарѣчіе, въ которомъ рѣзко различаются нѣкоторыя поднарѣчія, напр. сѣверное — въ Волынской, части Гродненской, Холмской и др. губерніяхъ, южное—въ Украинѣ и Галиціи, угорское или угрорусское—въ сѣверовосточной Венгріи, и т. д. Такимъ образомъ, всѣ индивидуальные русскіе языки, образующіе въ научномъ и историческомъ отношеніи единое цѣлое, одинъ ***русскій языкъ,*** распадаются на три главныхъ нарѣчія: ***великорусское, бѣлорусское*** и ***малорусское,*** а въ составѣ этихъ трехъ нарѣчій индивидуальные русскіе языки распредѣляются на рядъ поднарѣчій и говоровъ.

Какъ отмѣчено уже выше, дробныя дѣленія въ составѣ указанныхъ нарѣчій опредѣляются сходствомъ между собою соотвѣтствующихъ говоровъ, а сходство это стоитъ въ прямой зависимости отъ сосѣдства, отъ территоріальной ихъ связи и близости. Правда, колонизаціонныя движенія въ позже населенныя мѣстности южной, юго-восточной и восточной Россіи въ значительной степени нарушаютъ указанную зависимость между группировкой говоровъ и занятой ими территоріей, но зависимость эта проводится довольно послѣдовательно въ мѣстахъ старыхъ поселеній. Такъ, южновеликорусское и сѣверновеликорусское поднарѣчія занимаютъ сплошныя территоріальныя пространства, опредѣляемыя извѣстными непрерывными границами; такія же сплошныя пространства могутъ быть отведены малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ, а также нѣкоторымъ изъ поднарѣчій, на которыя они распадаются. Связь языковыхъ дѣленій съ дѣленіями территоріальными ведетъ изслѣдователя къ неизбѣжному заключенію о связи ***языковыхъ дѣленій*** съ ***дѣленіями племенными.*** И дѣйствительно, тремъ

главнымъ русскимъ нарѣчіямъ, нами указаннымъ, соотвѣтствуетъ дѣленіе русскаго племени на три отрасли — великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую. Эти племенныя отрасли, эти различныя русскія народности опредѣляются не только различіями въ ихъ языкѣ: различіямъ языка соотвѣтствуютъ и другія глубокія этнографическія различія въ духовной и матеріальной культурѣ великорусовъ, бѣлорусовъ и малорусовъ. Совершенно ясно, что территоріальное распаденіе русскаго народа, его разселеніе и послѣдующее обособленіе отдѣльныхъ его частей повело за собою самостоятельное развитіе этихъ частей въ области какъ матеріальной, такъ и духовной культуры, а также языка. Такимъ образомъ, исторія образованія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій,—а затѣмъ и поднарѣчій и говоровъ, также тѣсно связанныхъ съ опредѣленною территоріей и опредѣленною частью русскаго племени, обладательницей этой территоріи и носительницей соотвѣтствующаго поднарѣчія или говора, — находится въ прямомъ отношеніи къ исторіи русскаго племени, его территоріальнымъ дѣленіямъ и колонизаціоннымъ движеніямъ. Историкъ языка, желающій уяснить себѣ ходъ раздробленія нѣкогда болѣе или менѣе единаго русскаго языка на рядъ нарѣчій, а также распаденія этихъ нарѣчій на поднарѣчія и говоры, долженъ удѣлить напряженное вниманіе исторіи разселенія русскаго племени изъ территоріи сравнительно тѣсной и небольшой по обширной площади современной Европейской Россіи.

Опредѣленіе относящихся къ исторіи русскаго языка хронологическихъ моментовъ, выясненіе взаимныхъ отношеній русскихъ нарѣчій, указаніе на послѣдовательность ихъ образованія и развитія — все это пріобрѣтетъ осязательныя очертанія и твердую почву при условіи тѣснаго сближенія представляющихся выводовъ съ данными исторіи русскаго народа. Вотъ почему я считаю себя вынужденнымъ теперь, въ началѣ своего курса предложить Вамъ краткій очеркъ образованія русскихъ нарѣчій и народностей. Думаю, что, только продумавъ вмѣстѣ съ Вами рядъ относящихся сюда явленій во всей ихъ совокупности, связавъ исторію языка съ исторіей его носителя, народа, я стану на болѣе конкретную, менѣе отвлеченную почву, когда буду говорить и о современномъ разнообразіи индивидуальныхъ языковъ, и о памятникахъ русскаго языка, и объ явленіяхъ языка старшихъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію періодовъ.

Предлагаемый очеркъ будетъ кратокъ и въ извѣстной степени поверхностенъ. Краткость его обусловливается непосредственно стоящею передо мной задачей — дать Вамъ вводные въ исторію русскаго языка

очерки; а поверхностность его зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что я недостаточно знакомъ съ исторіей колонизаціонныхъ движеній въ среднихъ періодахъ нашей исторіи, съ движеніями населенія въ московскій періодъ на сѣверовостокѣ и въ литовскорусскій періодъ на югозападѣ. Впрочемъ, изслѣдованіе этихъ историческихъ явленій особенно важно для исторіи образованія русскихъ поднарѣчій и говоровъ; что до русскихъ нарѣчій, то образованіе ихъ относится къ древнему періоду. Скудныя данныя объ этомъ періодѣ въ достаточной степени приведены въ извѣстность и разработаны нашими историками.

Исходное положеніе.

Прежде чѣмъ перейти къ указанной темѣ, я долженъ остановиться на одномъ изъ основныхъ положеній, развитомъ уже въ предидущемъ изслѣдованіи и лежащемъ въ основаніи послѣдующаго. Положеніе это относится къ единству въ прошломъ, къ единству по происхожденію, всѣхъ трехъ главныхъ русскихъ нарѣчій: великорусскаго, малорусскаго, и бѣлорусскаго.

Съ перваго взгляда положеніе это представляется какъ-будто безспорнымъ. Всѣ три нарѣчія объединены названіемъ «*русскій*», это названіе указываетъ, слѣдовательно, на общее ихъ происхожденіе изъ нѣкогда единаго, нераздѣльнаго русскаго языка. Далѣе, если бы даже не придавать значенія терминологіи и оставить въ сторонѣ общее названіе «*русскій*», то на единство происхожденія всѣхъ трехъ названныхъ нарѣчій указываетъ, какъ-будто съ непререкаемою силой, ихъ взаимная близость, ихъ сходство въ настоящее время.

Но кажущаяся безпорность и непререкаемость обоихъ доводовъ въ пользу общаго происхожденія изъ нѣкогда единаго русскаго языка всѣхъ трехъ названныхъ русскихъ нарѣчій встрѣчается съ нѣкоторыми серьезными возраженіями, серьезными, однако, какъ мнѣ кажется, не столько по существу, сколько по формѣ и по идеѣ.

Впрочемъ, противъ аргумента, основаннаго на общемъ названіи «*русскій*», можно выставить и существенныя возраженія. «*Русь*», «*русскій*»—это не старое племенное названіе, объединявшее восточныхъ славянъ, это терминъ прежде всего политическій: *Русью* называли себя и свою страну жители Кіевскаго Поднѣпровья; съ распространеніемъ кіевскаго политическаго могущества, терминъ «*русскій*» охватывалъ всѣ племена, объединившіяся въ Кіевской державѣ Владиміра и Ярослава, но не скоро стала называться *Русью* напр. сѣверновосточная область Владиміра Залѣсскаго или сѣверныя области Новгородцевъ; въ Новгородѣ въ **XII** и **XIII** в., какъ видно изъ мѣстной лѣтописи, *Русью* назывался именно Кіевскій югъ. Политиче-

ское значеніе термина *Русь* способствовало пріобрѣтенію имъ и значенія культурнаго: испытавшія на себѣ культурное вліяніе Кіева племена, принявшія въ частности изъ Кіева христіанскую вѣру, стали называть себя *русскими*, а свою вѣру *русскою*, ср. *руська віра*, въ значеніи православная, въ Угорской Руси и на Буковинѣ. Между русскими историками нѣтъ полнаго согласія относительно происхожденія имени *Русь*, многіе изъ нихъ отрицаютъ утвержденіе Нестора и его послѣдователей, т. н. норманистовъ, о томъ, что названіе Русь принесено въ Кіевъ вмѣстѣ съ основаніемъ тамъ варяжскаго владычества, но думаю, что всѣ наши историки согласны въ признаніи за терминомъ *Русь*, *русскій* значеній культурнаго и политическаго, согласны также и въ томъ, что онъ не былъ исконнымъ племеннымъ названіемъ для восточнаго Славянства. Итакъ, объединеніе такъ называемыхъ ***украинцевъ*** съ великорусами терминомъ, «*русскій*» не можетъ свидѣтельствовать объ общемъ ихъ происхожденіи въ доисторическую эпоху, а свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ политическомъ и культурномъ единеніи въ сферѣ Кіевскаго государства.

Соглашаясь со всѣми этими доводами, я самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркиваю, что исконное единство малорусовъ и великорусовъ я не основываю на общемъ ихъ имени: политическія и культурныя имена могутъ объединять совершенно различныя по происхожденію этническія группы. Вспомнимъ, напр., германское по происхожденію названіе Французовъ, перенесенное на романизированныхъ Галловъ вмѣстѣ съ Франкскимъ владычествомъ. Русское имя, общее малорусамъ и великорусамъ, свидѣтельствуетъ, конечно, не объ исконномъ ихъ единствѣ, а объ единствѣ позднѣйшемъ, являясь, такимъ образомъ, важнымъ доводомъ въ пользу общихъ культурныхъ переживаній въ началѣ исторической жизни обоихъ этихъ племенъ. Ихъ исконное единство, такъ же какъ общее съ ними происхожденіе третьяго племени—Бѣлорусовъ, доказывается прежде всего общностью языка, образованіемъ малорусскаго и великорусскаго языка изъ одного общаго языка, который, какъ до насъ не дошедшій, мы назовемъ ***праязыкомъ общерусскимъ.***

Но вотъ это утвержденіе, эти доказательства, встрѣчаются съ тѣми возраженіями, о которыхъ я говорилъ, характеризуя ихъ какъ серьезныя по идеѣ, по замыслу, но не состоятельныя по существу. Возраженія эти исходятъ не только отъ диллетантовъ, выступающихъ съ ними для доказательства такихъ положеній, которыя въ подобныхъ аргументахъ не нуждаются,—для доказательства права малорусскаго языка на самостоятельное развитіе, для доказательства законности его упо-

требленія въ литературѣ и публицистикѣ. Возраженія противъ исконнаго единства обоихъ русскихъ языковъ—малорусскаго и великорусскаго—выставлялись и серьезными учеными, между прочимъ и Миклошичемъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей славяновѣдѣнія. Эти ученые не отрицали близости малорусскаго языка къ великорусскому, но они не видѣли необходимости заключать отсюда о существованіи общерусскаго праязыка. Великорусскій языкъ близокъ также къ польскому и сербскому, но близость между этими языками объясняется вполнѣ удовлетворительно происхожденіемъ ихъ изъ одного общаго праязыка—общеславянскаго; такъ же, по ихъ мнѣнію, должно объяснить сходство и близость языковъ великорусскаго и малорусскаго: эти языки выдѣлились изъ одного общаго основанія, но основаніе это не было чѣмъ-то отдѣльнымъ, обособленнымъ отъ праязыка общеславянскаго; великорусы и малорусы—это отпрыски общеславянской семьи, такіе же отпрыски, какъ поляки, сербы, чехи, словенцы.—Нѣкоторые ученые, имѣя въ виду тѣ или иныя языковыя черты, особенно тѣсно сближающія великорусовъ съ малорусами (напр. ***полногласіе***), готовы нѣсколько видоизмѣнить слишкомъ рѣзкое утвержденіе объ отсутствіи между обоими русскими языками большей близости, чѣмъ между остальными славянскими языками: они допускаютъ, что великорусы и малорусы выдѣлились изъ восточной половины общеславянской семьи. Общеславянскій праязыкъ, какъ всякій вообще языкъ, представлялъ лишь относительное единство; въ немъ были діалектическія отличія, были говоры; восточные говоры общеславянскаго праязыка легли въ основаніе языковъ великорусскаго и малорусскаго, тогда какъ напр. западные говоры лежатъ въ основаніи польскаго, чешскословацкаго и лужицкихъ языковъ, южные—въ основаніи сербскаго, словенскаго и болгарскаго. Противоположное утвержденіе, т.-е. утвержденіе того, что общеславянская семья языковъ выдѣлила изъ себя единый (единый, конечно, относительно) языкъ ***восточнославянскій*** (позже получившій названіе ***русскаго***) и что великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій языки выдѣлились уже изъ этого восточнославянскаго праязыка, а не непосредственно изъ праязыка общеславянскаго—это утвержденіе основывается прежде всего на большомъ количествѣ общихъ всѣмъ русскимъ языкамъ признаковъ. Но представители другого взгляда справедливо устраняютъ доказательную силу многихъ изъ такихъ признаковъ, указывая, что сходныя явленія имѣются и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Остановлюсь на примѣрахъ. Въ великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ общеславянскому сочетанію **tj** соотвѣтствуетъ звукъ **č** (**ч**),—напр. *свѣча, хочу* изъ *svьtja, xotjǫ*, тогда какъ напр. въ западнослав. языкахъ **tj** давало **c (ц)**, — сравните ***польск.***

swieca, chcę, ***чешск.*** *svíce,* — а въ болгарскомъ **шт** — ***древнеболг.*** *свѣшта, хоштж*; сближеніе великор. и малор. языковъ въ отношеніи къ этому явленію не признается характернымъ, въ виду того, что и въ словенскомъ языкѣ **tj** даетъ **č** *(svěča)*. Въ великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ общеслав. звукъ **ъ** перешелъ въ **о** (напр. *сон, ропот, рот* и т. д.), между тѣмъ въ западнославянскихъ — находимъ на мѣстѣ **ъ** звукъ **е** (***польск.*** и ***чешск.*** *sen*), а въ сербскомъ — **а** *(сан, мах);* измѣненіе **ъ** въ **о** въ обоихъ русскихъ языкахъ не представляется признакомъ достаточно характеристичнымъ, ибо переходъ **ъ** въ **о** знали также древнеболгарскіе говоры, его знаютъ современные словацкій и лужицкіе языки. Въ великорусскомъ и малорусскомъ носовые гласные **ǫ** и **ę** замѣнены неносовыми **u** и **а** (напр. *путь, пять*), между тѣмъ носовые держались въ древнеболгарскомъ *(пѫть, пѧть)*, сохраняются до сихъ поръ въ польскомъ *(sąd, pięć)*, а напр. въ словенскомъ они замѣнены черезъ **о** и **е** *(sod, pet);* и эта утрата носовыхъ не характерна для близости малорусскаго языка къ великорусскому, ибо **ǫ** и **ę** перешли въ **u** и **а** также въ чешскомъ языкѣ *(soud* изъ *sud, pátý* изъ *pʼatyj)*, а переходъ **ǫ** въ **u** извѣстенъ и изъ сербскаго и изъ лужицкихъ языковъ. — Отсюда видно, что рядъ сближающихъ оба языка—великорусскій и малорусскій—явленій можно объяснить какъ случайныя, впрочемъ, вполнѣ естественныя между родственными языками совпаденія; малор. языкъ могъ измѣнить **tj** въ **č**, замѣнить **ǫ** и **ę** черезъ **u** и **а**, а **ъ** черезъ **о** совершенно независимо отъ великорусскаго, такъ же какъ независимо и отъ малорусскаго, и отъ великорусскаго измѣнилъ **tj** въ **č** словенскій языкъ, или **ǫ** и **ę** въ **u** и **а** чешскословацкій, или **ъ** въ **о** древнеболгарскій въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ. Правда, можно указать рядъ общихъ малорусскому и великорусскому явленій, совсѣмъ неизвѣстныхъ другимъ славянскимъ языкамъ, напр. ***полногласіе,*** т. е. измѣненіе исконныхъ сочетаній **ол, ор, ел, ер** въ **оло, оро, ело, ере**, или переходъ **dj** въ **ж** *(одежа, вижу)*, или переходъ начальнаго **е** въ **о** *(озеро, олень)* и нѣкоторыя другія, но и эти явленія могли развиться въ обоихъ родственныхъ языкахъ независимо, подобно тому какъ въ нихъ развивались независимо нѣкоторыя явленія, не чуждыя и другимъ славянскимъ языкамъ.

Какъ видите, аргументы противниковъ общерусскаго единства представляются довольно обоснованными. Мы напрасно старались бы убѣдить ихъ въ правотѣ нашей точки зрѣнія подыскиваніемъ еще новыхъ чертъ, сближающихъ между собою русскіе языки и отличающихъ ихъ отъ другихъ славянскихъ языковъ: они стали на принципіально противоположную позицію, допускающую, что всѣ эти тождественныя или сходныя явленія развивались въ изслѣдуемыхъ языкахъ уже по ихъ обособленіи, въ отдѣльной жизни каждаго изъ нихъ. Свою увѣренность въ правильности нашей

точки зрѣнія мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Сравнительный методъ можетъ давать непререкаемые результаты только тогда, когда онъ одновременно историченъ; сравнительному методу, въ данномъ случаѣ пользующемуся сопоставленіемъ фактовъ изъ современной жизни русскихъ языковъ, изъ періода конечнаго ихъ развитія, мы противополагаемъ методъ сравнительно-историческій, который пользуется фактами въ ихъ исторіи. Для насъ не имѣютъ значенія многія данныя въ пользу сходства или различія малорусскаго и великорусскаго языка, если они основаны на фактахъ позднѣйшей жизни этихъ языковъ: такъ оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ переходъ **ъ** въ **о**, ибо дошедшіе до насъ памятники свидѣтельствуютъ, что въ историческую эпоху **ъ** еще существовалъ въ русскомъ языкѣ, отличаясь отъ звука **о**, въ который онъ позже перешелъ; оставляемъ въ сторонѣ, съ другой стороны, такія черты различія между малорусскимъ и великорусскимъ языками, какъ дифтонгизацію **о** въ первомъ изъ нихъ и отсутствіе дифтонгизаціи во второмъ (*малор. дуом*, откуда *дім*, при *великор. дом*), такъ какъ мы знаемъ, что дифтонгизація эта произошла уже послѣ паденія весьма краткихъ (полукраткихъ) звуковъ **ъ** и **ь** и вызвана ихъ паденіемъ, между тѣмъ паденіе ихъ произошло въ историческій періодъ жизни русскаго языка, такъ какъ памятники ясно доказываютъ, что напр. въ **XI** и первой половинѣ **XII** в. звуки **ъ** и **ь** сохранялись при всякомъ ихъ положеніи въ словѣ. Важное для насъ значеніе имѣютъ сейчасъ только тѣ явленія, возникновеніе которыхъ можно перенести въ эпоху доисторическую: въ историческую эпоху русскій языкъ раздробился, но въ эпоху доисторическую онъ по нашему предположенію представлялъ извѣстное единство. И вотъ, если выяснится, что рядъ явленій, общихъ великор. и малор. языку, можетъ быть возведенъ къ эпохѣ доисторической, то окажется, что предокъ великор. языка, такъ же какъ предокъ малорусскаго, въ доисторическую эпоху своего существованія, слѣдовательно съ момента выдѣленія изъ общеслав. праязыка до **XI** в., пережили рядъ общихъ явленій и образовали вмѣстѣ языкъ, отличный отъ языка старшей эпохи, эпохи общеславянской. Извлекаемыя нами изъ исторіи великорусскаго и изъ исторіи малорусскаго языка явленія для доисторической эпохи оказываются тождественными. На этихъ явленіяхъ я подробно останавливаюсь въ курсѣ исторической фонетики русскаго языка. Здѣсь же, чтобы не быть голословнымъ, я перечислю тѣ звуковыя явленія великорусскаго, а потомъ малорусскаго языка, которыя имѣли мѣсто въ доисторическую эпоху ихъ жизни. Мы отнесемъ эти явленія къ указанной эпохѣ потому, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, именно, съ одной стороны, — сѣверныхъ (принадлежащихъ къ совре-

менной великорусской области), а съ другой—южнорусскихъ (современной малорусской области) они засвидѣтельствованы на письмѣ. Въ виду этого мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ явленія, которыя, хотя и относятся къ эпохѣ доисторической, но на письмѣ (по свойству церковнославянской и древнерусской графики) не засвидѣтельствованы.

Явленія правеликорусскія, извлекаемыя изъ сѣверныхъ памятниковъ: 1] Сочетанія **dl, tl** перешли въ **l** (примѣры: *мыло* вм. *mydło, стьла* вм. *stьdła, молитва* вм. *modlitva;* относящіеся сюда примѣры изъ памятниковъ могутъ объясняться и какъ факты древнеболгарскаго языка, ибо и въ болгарскомъ языкѣ имѣло мѣсто то же звуковое явленіе). 2] Сочетанія **kv** и **gv** передъ **ѣ** (а въ извѣстныхъ случаяхъ также передъ **i** въ концѣ слова) перешли въ **c'v** и **z'v** (примѣры: *цвѣтъ, звѣзда*; и такіе примѣры изъ памятниковъ могутъ объясняться какъ факты древнеболгарскаго языка). 3] Сочетанія **p, b, v, m** + **j** перешли въ **pl', bl', vl', ml'** *(люблю, земля, прославлю, купля;* въ древнеболгарскомъ по діалектамъ замѣчалось колебаніе между сочетаніями губная + **л** и мягкими губными, но въ русскихъ памятникахъ такого колебанія нѣтъ).—4] **Носовое о** перешло въ **u**, а **носовое е** перешло въ **а** *(рука, хвалю, с'а д у, п'а т ь)*.—5] **Носовое ѣ** (которому въ древнеболгарскомъ соотвѣтствуетъ **а**) перешло въ **ѣ** неносовое (*род. вд. дѣвицѣ, доушѣ, вин. мн. моужѣ*).—6] Сочетанія **tj, dj**, перешли въ **č, ž** *(хочю, ноужа, одежа, чюжемоу)*. 7] Сочетанія **kt, gt** перешли въ **č** *(дъчере, печь)*.—8] Начальное въ словѣ сочетаніе **je** при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ **о** *(озеро, одинъ)*.— 9] Звуки **е** и **ь** передъ **л** въ концѣ слога перешли въ **о** и **ъ** *(*молко,* откуда далѣе *молоко*, изъ *мелко*, ср. *древнеболг. млъко* изъ *мелко*; *вълкъ* изъ *вълкъ*, ср. *древнеболг. влькъ)*.—10] Сочетанія **or, ol** въ началѣ слова перешли въ **ro, lo** *(локъть, розвязати, лодия,* что соотвѣтствуетъ *древнеболгарскимъ лакъть, развязати, ладия)*. — 11] **Полногласіе** *(городъ* изъ *gordъ, золото* изъ *zolto, веремя* изъ *vermę, молоко* изъ *молко*, которое, согласно предидущему, изъ *melko)*.—12] Согласные передъ гласными передняго ряда смягчились (памятники свидѣтельствуютъ, именно, о смягченіи согласныхъ передъ исконнымъ **е носовымъ**: *сѧдоу* изъ общеслав. *sędǫ*.

Явленія прамалорусскія, извлекаемыя изъ южнорусскихъ памятниковъ: 1] Сочетанія **dl, tl** перешли въ **l** (примѣры тѣ же, что выше).—2] Сочетанія **kv** и **gv** передъ **ѣ** (и **i**) перешли въ **c'v** и **z'v** (примѣры тѣ же, что выше).—3] Сочетанія **p, b, v, m**+**j** перешли въ **pl', bl', vl', ml'** (примѣры тѣ же, что выше).— 4] **Носовое о** перешло въ **u**, а **носовое е** перешло въ **а** (примѣры тѣ же, что выше). —5] **Носовое ѣ** перешло въ **ѣ** неносовое (примѣры тѣ же, что выше). —6] Сочетанія **tj** и **dj** перешли въ **č** и **ž** (примѣры тѣ же, что выше).

—7] Сочетанія **kt** и **gt** перешли въ **č** (примѣры тѣ же, что выше). —8] Начальное въ словѣ сочетаніе **je** при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ **o** (примѣры тѣ же, что выше).—9] Звуки **e** и **ь** передъ **л** въ концѣ слога перешли въ **o** и **ъ** (примѣры тѣ же, что выше).—10] Сочетанія **or**, **ol** въ началѣ слова перешли въ **ro**, **lo** (примѣры тѣ же, что выше). —11] **Полногласіе** (примѣры тѣ же, что выше).—12] Согласные передъ гласными передняго ряда смягчились (примѣры тѣ же, что выше).

Приведенныя двѣ таблицы могутъ быть пояснены и дополнены обильнымъ фактическимъ матеріаломъ. Не трудно извлечь рядъ русизмовъ, съ одной стороны, изъ памятниковъ сѣверорусскихъ (конца XI и XII в.), писанныхъ въ Новгородѣ, и, съ другой,—изъ памятниковъ южнорусскихъ (напр. писаннаго въ Кіевѣ «Сборника Святослава» 1073 года и многихъ другихъ памятниковъ, какъ XI, такъ и XII в.). При этомъ окажется, что иныхъ русизмовъ (кромѣ, однако, явныхъ діалектическихъ особенностей, какъ напр. смѣшенія **ч** и **ц** въ сѣвернор. нар.), не предусмотрѣнныхъ обѣими вышеприведенными тождественными таблицами, въ этихъ памятникахъ не найдется. Вотъ почему наши таблицы получаютъ доказательную силу при развитіи нижеслѣдующаго положенія: сѣверорусское нарѣчіе въ **XI** в. въ основныхъ чертахъ своихъ, отличающихъ его отъ языка общеславянскаго, было тождественно съ южнорусскимъ нарѣчіемъ.

Замѣчу, что болѣе точное изученіе исторіи обоихъ русскихъ языковъ—великорусскаго и малорусскаго—даетъ основаніе увеличить число общихъ обоимъ имъ исконныхъ явленій въ области звуковъ. Но я не рѣшаюсь войти здѣсь въ подробное ихъ разсмотрѣніе, боясь отвлечь Ваше вниманіе отъ того существеннаго результата, который нами уже полученъ.

Мы убѣдились въ тождествѣ отличій сѣверорусскаго и отличій южнорусскаго языковъ отъ языка общеславянскаго, и при томъ—сѣверорусскаго и южнорусскаго языковъ древнѣйшаго періода, опредѣляемаго **XI—XII** вѣкомъ. Отсюда заключаемъ, что необходимо допустить существованіе общаго промежуточнаго періода между общеславянскимъ праязыкомъ и начальною жизнью языковъ сѣверорусскаго, съ одной стороны, и южнорусскаго, съ другой. Этотъ періодъ мы называемъ ***періодомъ общерусскаго единства,*** а языкъ этого періода—***общерусскимъ праязыкомъ.***

Полученный выводъ кладемъ въ основаніе всего послѣдующаго нашего изслѣдованія. Обращаясь къ древнѣйшимъ судьбамъ русскихъ племенъ, равно также къ изложенію исторіи русскихъ языковъ, мы исходимъ изъ доказаннаго выше поло-

женія объ исконномъ единствѣ русскихъ племенъ и языковъ, притомъ единствѣ по происхожденію не только изъ общеславянской семьи, но и изъ болѣе поздней, выдѣлившейся изъ общеславянской семьи, группы, которую опредѣляемъ, слѣдовательно, какъ ***группу общерусскую.*** Исходя изъ этого положенія и имѣя въ виду, во-первыхъ, несомнѣнную продолжительность общерусскаго періода, а во-вторыхъ, и позднѣйшее, уже исторически засвидѣтельствованное единство культуры, воспринятой русскими племенами, мы въ правѣ разсматривать всѣ современные русскіе языки во всемъ ихъ разнообразіи какъ одно, въ научномъ отношеніи, цѣлое. За индивидуальными чертами, опредѣляющими великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій языки, мы видимъ тѣ общіе признаки ихъ, по которымъ эти языки должны разсматриваться какъ части одного языка — русскаго.

Рѣшительно предостерегаю, однако, отъ какихъ-либо практическихъ выводовъ изъ только-что выставленнаго научнаго положенія. Языкъ въ современномъ его состояніи, какъ отмѣчалось уже выше, не можетъ быть единымъ, ибо онъ представляетъ соединеніе отдѣльныхъ индивидуальныхъ языковъ. Рѣшеніе практическихъ вопросовъ должно основываться на томъ, насколько близки другъ къ другу въ настоящее время эти индивидуальные языки. Но и на этомъ пути никакихъ положительныхъ выводовъ извлечь нельзя. Человѣческія общества сближаются или раздѣляются единствомъ или различіемъ въ культурѣ. Широко поставленное культурноисторическое освѣщеніе можетъ объяснить, почему разноязычные по происхожденію народы пользуются въ культурномъ другъ съ другомъ общеніи однимъ языкомъ, а съ другой стороны, почему одноязычные по происхожденію народы стремятся къ созданію двухъ, трехъ ***культурныхъ языковъ*** вмѣсто одного. Намъ не придется останавливаться на этихъ вопросахъ. Замѣчу только, что подобные ***культурные языки*** надо отличать отъ тѣхъ ***индивидуальныхъ языковъ,*** которые составляютъ главный предметъ наблюденія лингвиста. Индивидуальные языки нельзя оторвать отъ той или иной этнографической обстановки: въ отношеніи къ индивидуальнымъ русскимъ языкамъ мы, поэтому, будемъ пользоваться этнографическими терминами— ***великорусскій***, ***малорусскій*** и ***бѣлорусскій.*** Напротивъ, культурные языки стремятся перейти за этнографическіе предѣлы. Культурный языкъ великорусскаго племени, получившій значеніе языка государственнаго, носитъ названіе ***русскій языкъ.*** Культурный языкъ малорусскаго племени называется теперь его носителями ***украинскимъ.***

455911

Общеславянская семья языковъ.—Славянская прародина.

Путемъ аналогичнымъ тому, который привелъ насъ къ убѣжденію въ исконномъ единствѣ русскихъ языковъ и русскихъ племенъ, приходимъ къ заключенію объ исконномъ единствѣ славянскихъ языковъ и славянскихъ племенъ. ***Русскіе, поляки, чехи, словаки, лужичане, словенцы, сербы, хорваты, болгары*** произошли всѣ отъ одной племенной группы; ихъ языки восходятъ частью непосредственно, частью посредствомъ промежуточныхъ группъ къ тому общему языку, которымъ говорило раздробившееся впослѣдствіи, а нѣкогда единое славянское племя. Я упомянулъ о промежуточныхъ группахъ: такъ великорусы, малорусы и бѣлорусы связываются съ общеславянской семьей промежуточною группой—***общерусскою;*** чехи и словаки ведутъ свой языкъ отъ группы ***чешско-словацкой;*** верхніе и нижніе лужичане—отъ группы ***лужицкой;*** сербы и хорваты—отъ группы ***сербско-хорватской.*** Сравнительное изученіе языковъ славянскихъ ведетъ къ возстановленію ***общеславянскаго праязыка;*** болѣе сложное сравнительное же изученіе другихъ этнографическихъ особенностей отдѣльныхъ славянскихъ племенъ можетъ привести къ болѣе или менѣе полному возстановленію общаго этнографическаго облика единаго славянскаго племени.

Его научная характеристика достигается еще и инымъ путемъ. Славянское племя представляется отраслью обширной племенной группы, обнимающей большую часть языковъ Европы и нѣсколько языковъ Азіи. Распавшаяся въ далеко стоящемъ за предѣлами исторіи періодѣ племенная группа, опредѣляемая условными терминами ***индоевропейская,*** или ***индогерманская,*** или, наконецъ, ***аріоевропейская,*** представляла нѣкогда единство, обусловливавшее возможность пользованія однимъ языкомъ. Языкъ этотъ возстанавливается путемъ сравненія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ—***славянскихъ*** (въ лицѣ ихъ общаго родоначальника), ***греческаго, латинскаго, германскихъ*** (въ лицѣ ихъ общаго родоначальника), ***кельтскихъ, иранскихъ, индійскихъ*** (въ лицѣ ихъ общаго родоначальника—***древнеиндійскаго*** языка) и др. языковъ. Подобно тому, какъ мы изъ сопоставленія ***великор.*** слова *дом* съ ***бѣлор.*** *дом* и ***малор.*** *дім* заключаемъ о томъ, что это слово восходитъ къ общерусскому праязыку, такъ же точно изъ сопоставленія, напр., словъ какъ ***древнеболг.*** *мати* съ ***греческимъ (дорическимъ)*** μάτηρ, ***латинск.*** *mater*, ***древнеинд.*** *mātar-* , ***нѣмецк.*** *Mutter* и т. д. слѣдуетъ, что слово *mātēr* восходитъ къ индоевропейскому праязыку. Возстановивъ путемъ сравнительнаго изученія

индоевропейскихъ языковъ словарный запасъ и звуковой составъ предполагаемаго индоевропейскаго праязыка, мы получаемъ опредѣленныя указанія на тотъ языковой матеріалъ, съ которымъ началъ свою отдѣльную жизнь обособившійся отъ прочихъ индоевропейскихъ языковъ *языкъ славянскій* или *праславянскій*, какъ онъ можетъ быть опредѣленъ въ древнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія. Такимъ образомъ, данныя сравнительнаго индоевропейскаго языкознанія въ значительной степени освѣщаютъ явленія славянскихъ языковъ, въ особенности же общеславянскаго праязыка.

Приведу два примѣра. Русскимъ такъ называемымъ *полногласнымъ сочетаніямъ* **оро, оло, ере, ело** соотвѣтствуютъ въ южнослав. языкахъ и въ чешскословацкомъ сочетанія **ra, la, rѣ, lѣ**, въ польскомъ и другихъ западнославянскихъ—**ro, ło, rze, le**; ср. *русское ворона, древнеболг. врана, польск. wrona;* или *голова — глава — głowa; волоку — влѣкж — wlekę*. Вопросъ о томъ, какъ звучали подобныя слова въ общеславянскомъ праязыкѣ, разрѣшается между прочимъ сравненіемъ ихъ съ соотвѣтствующими словами другихъ индоевропейскихъ языковъ; общеславянскія формы vorna, golva, velkǫ возстанавливаются между прочимъ на основаніи *литовскаго varna, galva, греч.* ἑλκύω изъ **ϝελκύω*. — И въ древнерусскомъ и въ древнеболгарскомъ языкѣ, какъ это исторически засвидѣтельствовано, существовали особые звуки **ъ** и **ь**, въ позднѣйшей жизни обособившихся славянскихъ языковъ частью выпавшіе, частью перешедшіе въ гласные **о, е, а**. Ср. *древнерусск. мѣхъ, сонъ, льнъ, вѣсь, современн. великор. мох, сон, л'он, в'ес, сербск. мах, сан, лан, польск. mech, sen, len* и т. д. Вопросъ о томъ, какъ же звучали **ъ** и **ь** въ древнерусскомъ, древнеболгарскомъ и въ общеславянскомъ праязыкѣ, освѣщается частью указаніемъ на то, что они по свидѣтельству другихъ индоевропейскихъ языковъ произошли изъ болѣе древнихъ **ŭ** и **ĭ**. Ср. *литовск. musai, visas, греч.* ὗπνος изъ **supnos, лат. linum.*

Подобно какъ древнѣйшія явленія въ области славянскаго праязыка освѣщаются путемъ сравненія съ другими индоевропейскими языками, такъ же точно древнѣйшія явленія племенной жизни славянъ выясняются такимъ же сравнительнымъ изслѣдованіемъ. Первый, коренной вопросъ въ жизни славянства — вопросъ о славянской прародинѣ — ставитъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ другимъ вопросомъ — вопросомъ о прародинѣ индоевропейцевъ; уясненіе послѣдняго вопроса ведетъ неминуемо къ освѣщенію перваго. Едва ли, однако, при современномъ состояніи нашихъ знаній могутъ быть разрѣшены съ достовѣрностью оба эти вопроса—о прародинѣ индоевропейцевъ и о прародинѣ славянъ. Ученые изслѣдователи предложили намъ нѣсколько гипотезъ, нѣсколько

предположительныхъ рѣшеній. Остановлюсь сначала на вопросѣ объ индоевропейской прародинѣ.

Индоевропейская прародина.

Въ первой половинѣ **XIX** столѣтія (напомню Вамъ, что научная разработка сравнительнаго индоевропейскаго языковѣдѣнія началась только съ начала названнаго столѣтія) считалось несомнѣннымъ, что прародина индоевропейцевъ была въ Азіи. Находясь частью, быть можетъ, подъ вліяніемъ смутныхъ преданій отдѣльныхъ индоевропейскихъ народностей, производившихъ и себя и свою культуру съ востока, частью подъ вліяніемъ библейскаго міросозерцанія, научная аргументація основывалась между прочимъ на томъ, что въ Азіи живетъ до сихъ поръ значительная часть индоевропейцевъ — индійскія и иранскія племена. Языки именно этихъ племенъ извѣстны изъ глубокой древности, древнеинд. культура восходитъ чуть ли не къ третьему тысячелѣтію до Р. Х., между тѣмъ какъ исторія Европы освѣщается только въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х.

Но въ пятидесятыхъ годахъ впервые англичанинъ **Латамъ** [Latham] выступилъ съ весьма трезвой критикой на гипотезу объ азіатской прародинѣ индоевропейцевъ, выдвинувъ гипотезу объ европейскомъ ихъ происхожденіи. Аргументы Латама показали всю шаткость и неосновательность аргументовъ въ пользу азіатской гипотезы: бо́льшая древность культуры древнеиндійцевъ и иранцевъ никоимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать ни объ исконности ихъ поселеній, ни объ этнографической ихъ бо́льшей древности сравнительно съ европейцами. Высказываясь за Европу, какъ за индоевропейскую прародину, Латамъ и его послѣдователи имѣли въ виду между прочимъ то обстоятельство, что культура индоевропейской семьи, насколько она возстанавливается сравнительнымъ изученіемъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, соотвѣтствуетъ условіямъ жизни въ Европѣ въ большей степени, чѣмъ условіямъ жизни въ Азіи.— Я не могу останавливаться сколько-нибудь подробно на всѣхъ относящихся сюда доказательствахъ, да и считаю себя въ правѣ не дѣлать этого въ виду того, что Вамъ не трудно познакомиться съ исторіей вопроса изъ доступныхъ сочиненій. Отсылаю между прочимъ къ трудамъ О. Шрадера.

Защитники новой теоріи объ европейской прародинѣ искали территорію этой прародины: одни — въ южной Россіи, другіе — въ средней Европѣ.

Гипотеза о томъ, что прародиной индоевропейцевъ были южнорусскія степи, имѣющія свое естественное продолженіе въ степяхъ юго-

востока Россіи, а затѣмъ и Средней Азіи, подробно развита только-что названнымъ ученымъ, **О. Шрадеромъ**, теперь профессоромъ университета въ Бреславлѣ. Своею гипотезой О. Шрадеръ значительно сблизилъ оба старшихъ ученія: первое,—искавшее нашу прародину въ Азіи, и второе, — полагавшее ее въ Европѣ.

Аргументы О. Шрадера не представляются мнѣ достаточно убѣдительными. Во-первыхъ, надо имѣть въ виду, что вопросъ объ индоевропейцахъ и ихъ прародинѣ — вопросъ прежде всего не антропологическій, а культурно-этнографическій. Не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ въ настоящее время индоевропейская семья вмѣщаетъ въ себѣ самые разнородные антропологическіе типы, такъ же точно разнороденъ былъ антропологическій составъ этой семьи въ глубокой древности. Путемъ культуры или завоеванія къ первоначальному индоевропейскому ядру пріобщились разнородныя и антропологически и этнографически, слѣдовательно также лингвистически, племена Европы и Азіи. Во-вторыхъ, первоначальная территорія индоевропейскаго племени не могла быть обширною. Сравнительное языковѣдѣніе открываетъ, правда, въ составѣ индоевропейскаго праязыка въ эпоху, предшествовавшую его распаденію, значительныя діалектическія отличія, но при этомъ вполнѣ ясно выясняется еще болѣе древняя эпоха, когда этотъ праязыкъ былъ единымъ, разнообразясь настолько, насколько вообще разнообразятся индивидуальные языки, входящіе въ составъ однородной по составу языковой группы.

Имѣя въ виду эти двѣ предпосылки, я думаю, что прародина индоевропейцевъ должна быть отнесена къ такой мѣстности Европы, гдѣ были налицо условія для образованія болѣе или менѣе цѣльной культуры. Эта мѣстность была исходнымъ центромъ для обширнаго района, захваченнаго съ теченіемъ времени Индоевропейской культурой, которая и превращала разнородныя по своему антропологическому и этнографическому происхожденію племена въ индоевропейцевъ.

Въ настоящее время, благодаря успѣхамъ, достигнутымъ въ области археологіи и изслѣдованія доисторическихъ древностей, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что культура Европы была исконно едина. Тѣсно связанная съ культурой Малой Азіи и сѣверныхъ побережій Африки, она можетъ быть опредѣлена какъ культура Средиземноморская. Всѣ культурныя пріобрѣтенія, распространявшіяся въ Европѣ, проникали въ нее черезъ Средиземноморскіе центры; врѣзавшіяся въ море южныя части Европы были тѣмъ базисомъ культуры и прогресса, для котораго остальная Европа была периферіей. Балканскій и Аппенинскій

полуостровы имѣли преимущественное значеніе въ распространеніи Средиземноморской культуры. Гораздо слабѣе было значеніе Сѣвернаго Черноморскаго побережья, какъ это можно заключить изъ позднѣйшихъ, доступныхъ историческому изученію эпохъ; его периферія была весьма ограниченна: водный путь по Днѣпру, напримѣръ, сталъ торговымъ путемъ, соединявшимъ бассейнъ Чернаго моря съ Балтійскимъ бассейномъ, сравнительно въ позднее время.

Гдѣ же въ Европѣ могла создаться почва для возникновенія и развитія производной (ибо вся культура Европы въ доисторическое время была производной, заимствованной), но вмѣстѣ съ тѣмъ однородной и активной культуры, культуры индоевропейцевъ?

Она не создалась на южныхъ окраинахъ Европы, что зависѣло прежде всего отъ зависимаго и непрочнаго положенія этихъ передовыхъ постовъ, подверженныхъ завоеваніямъ, не обезпеченныхъ ни съ юга, ни съ сѣвера. Позднѣйшая исторія Европы показываетъ, что южныя ея окраины становятся предметомъ стремленій, цѣлью достиженія болѣе сѣверныхъ народовъ; южные очаги европейской культуры, втягивая въ свою сферу варварскіе народы сѣвера, цивилизуя, образовывая ихъ, съ теченіемъ времени покоряются этими сѣверными народами: Балканскій полуостровъ — Греками, Иллирійцами, Ѳракійцами, позже Кельтами, Германцами, Славянами; Аппенинскій — Италиками, позже Кельтами и Германцами.

Ясно, что эти, нѣкогда сѣверныя индоевропейскія племена были втянуты въ сферу Средиземноморской культуры еще тогда, когда сидѣли на сѣверѣ, ибо, только вооружившись, слѣдовательно пріобрѣтши уже значительную степень матеріальной культуры, народы сѣвера могли отваживаться на завоеваніе источниковъ питавшей ихъ культуры — средиземноморскихъ центровъ Балканскаго и Аппенинскаго полуострова. Подобно тому, какъ въ историческое время Германцы и Славяне, сидя въ исконныхъ своихъ жительствахъ, гдѣ-то на сѣверѣ, испытывали тамъ на себѣ вліяніе Средиземноморской культуры и, пріобщаясь къ ней, двигались на югъ для овладѣнія свѣтившими имъ очагами культуры, точно такъ же въ эпоху доисторическую Италики и Греки проникли на Аппенины и Балканы съ сѣвера. Такимъ образомъ, изъ исторіи колонизаціоннаго движенія на югъ сначала Италиковъ и Грековъ, позже Кельтовъ и Германцевъ выясняется, что первоначальная родина индоевропейцевъ находилась на сѣверѣ отъ Средиземноморскихъ культурныхъ центровъ.

Всего вѣроятнѣе, что мы должны искать ее въ средней Европѣ, быть можетъ въ современной южной Германіи

и западныхъ областяхъ Австріи, т. е. въ тѣхъ странахъ, которыя издревле находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Средиземноморской культуры, проникавшей сюда по исконнымъ, въ доисторическое время проторенным торговымъ путямъ. Въ этихъ странахъ, въ преддверіи аванпостовъ Средиземноморской культуры, свивавшей себѣ прочныя гнѣзда на Балканскомъ и Аппенинскомъ полуостровѣ, должна была естественно сложиться своя, производная по существу, но самобытная по условіямъ этнографическимъ культура, которая пріобщала къ цивилизаціи дикія племена Европы. Проникшая въ указанныя области культура прежде всего вооружила ихъ жителей такими орудіями и такимъ оружьемъ, которыя позволили имъ стать господами средней и сѣверной Европы, а потомъ дали имъ возможность мечтать объ овладѣніи самими источниками культуры—Италіей, Греціей, Малой Азіей. На сравнительно небольшомъ, ограниченномъ прежде всего опредѣленными экономическими условіями пространствѣ возникла и развилась своя особая Индоевропейская культура, поведшая и къ опредѣленному развитію языка, къ созданію того ***индоевропейскаго праязыка***, который легъ въ основаніе языковъ такъ называемой ***индоевропейской семьи.*** Отсюда путемъ завоеванія и культурнаго вліянія этотъ языкъ получилъ широкое распространеніе къ сѣверу, сѣверозападу и сѣверовостоку Европы, захватывая прежде всего, вѣроятно, области племенъ, этнографически и антропологически связанныя съ предполагаемой родиной индоевропейцевъ, но затѣмъ, быть можетъ, покоряя себѣ и племена не родственныя, антропологически чуждыя: ни культура, ни завоеваніе не останавливаются на порогѣ естественныхъ преградъ, лежащихъ между человѣческими обществами; скорѣе, самыя преграды между ними создаются такими факторами, какъ культура и завоеваніе.

Распаденіе индоевропейской семьи.

Уже этотъ ходъ распространенія Индоевропейской культуры, ходъ, естественно вытекающій изъ предидущихъ соображеній, показываетъ, что въ расширенной индоевропейской семьѣ не могло существовать единства и языкового однообразія. Во-первыхъ, всякая сколько-нибудь обширная территорія располагаетъ языкъ къ дробленію и къ индивидуализаціи, обновленію отдѣльныхъ частей племени. Во-вторыхъ, въ составъ расширенной индоевропейской семьи съ самаго начала могли войти этнографически и антропологически разнородные элементы: усвоивая себѣ языкъ покорителей или цивили-

заторовъ, эти элементы должны были внести въ него кое-что свое, въ области ли произношенія или словарнаго состава.

Я упоминалъ о нарѣчіяхъ индоевропейскаго праязыка. Совершенно отчетливо выясняется существованіе въ немъ по крайней мѣрѣ двухъ большихъ діалектическихъ группъ. Одну изъ нихъ можно назвать ***западною***, другую — ***восточною.*** Различались онѣ существенно слѣдующимъ звуковымъ признакомъ: западная группа представляла произношеніе ***средненебныхъ согласныхъ*** **k, g, kh, gh** и, быть можетъ, допускала измѣненіе ихъ въ ***задненебные*** **k, g, kh, gh**; восточная группа на мѣстѣ этихъ согласныхъ имѣла звуки свистящіе или шипящіе: **š, ž, šh, žh** или **s, z, sh, zh**. Въ западной группѣ говорили, напр., *ḳṃtóm* (ср. ***греч.*** *ἑκατόν*, ***лат.*** *centum* съ **c** произносившимся, конечно, какъ **k**, ***нѣм.*** *hundert*), *deḳṃt* (ср. ***греч.*** *δέκα*, ***лат.*** *decem*, ***готск.*** *taihun*), *bhǧgos* (***древневерхненѣм.*** *bircha*), *gheimā* (ср. ***греч.*** *χειμών*, ***лат.*** *hiems*, ***древнекимрск.*** *gaem*), *ǧeghō* (***лат.*** *veho*, ***готск.*** *gawiga*, ***древнеирл.*** *fēn* возъ, ср. ***греч.*** **Fόχος*, откуда *ὄχος*) и т. д. Въ восточной группѣ говорили: *sṃtóm* (***древнеиндѣ.*** *çatám*, ***лит.*** *szimtas*), *desṃt* (***древнеиндѣ.*** *dáça*, ***арм.*** *tasn*, ***лит.*** *deszimt*, ***древнеболг.*** десѧть), *bhǯzos* (***древнеиндѣ.*** *bhūrjas*, ***древнеболг.*** *брѣза*, ***лит.*** *beržas*), *zeima* (***древнеболг.*** зима, ***древнеиндѣ.*** *himás*, ***лит.*** *žëma*), *ǯezō* (***древнеболг.*** везѫ, ***авест.*** *vazấti*, ***древнеиндѣ.*** *vahati*, ***лит.*** *vežu*) и т. д. Какъ видно частью изъ приведенныхъ примѣровъ, къ ***западной*** діалектической группѣ восходятъ языки западной части Европы: ***германскій, кельтскій, латинскій, греческій;*** къ ***восточной*** группѣ — языки восточной части Европы: ***славянскій, литовскій,*** также ***албанскій*** (ведущій къ ѳракійской языковой вѣтви), и языки Азіи: ***армянскій, иранскій*** (армянскій и осетинскій языкъ, принадлежащій къ языкамъ иранской вѣтви, извѣстны также на Кавказѣ) и, наконецъ, ***древнеиндійскій.*** Такимъ образомъ, и до сихъ поръ размѣщеніе индоевропейскихъ языковъ на восточные и западные соотвѣтствуетъ предполагаемому древнему ихъ размѣщенію. — Впрочемъ, въ послѣднее время обнаружено существованіе особаго индоевропейскаго, нынѣ исчезнувшаго языка, который употреблялся въ предѣлахъ современнаго Китайскаго Туркестана. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія открытъ рядъ рукописей на неизвѣстномъ языкѣ. Усиліями ученыхъ удалось установить его индоевропейскій характеръ, а ближайшій анализъ показалъ, что говорившіе на немъ ***Тохары*** измѣнили средненебные согласные въ задненебные, согласно съ языками западной группы, а не въ свистящіе или шипящіе, согласно съ языками группы восточной. Ср. ***тохарское*** *šäk* (десять) съ **k**, а не съ **s** или **š**. Едва ли, однако, это доказываетъ исконно западное происхожденіе Тохаровъ: возможно, что Тохары оторвались отъ индо-

европейцевъ еще тогда, когда средненебные сохранялись у нихъ безъ измѣненія, и уже сами, независимо отъ индоевропейцевъ западной группы замѣнили средненебные въ задненебные согласные.

Предпосылки о прародинѣ Славянъ.

Итакъ, діалектическое распаденіе индоевропейскаго праязыка на западную и восточную группы даетъ намъ первое опредѣленное указаніе на исконное географическое положеніе славянъ. Славянскій языкъ вышелъ изъ восточной группы индоевропейскаго праязыка. Ближайшими сосѣдями Славянъ были, какъ видно, предки Литовцевъ, предки Иранцевъ и древнихъ Индійцевъ; напротивъ, сидѣвшіе къ западу отъ нихъ предки Грековъ, Италиковъ, Кельтовъ и Германцевъ были, очевидно, сосѣдями болѣе отдаленными.

Съ теченіемъ времени восточная вѣтвь индоевропейцевъ, очевидно вслѣдствіе рѣзкаго движенія къ югу предковъ Иранцевъ и древнихъ Индійцевъ, распалась. Славяне остались въ Европѣ вмѣстѣ съ предками Литовцевъ и остались здѣсь несомнѣнно въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ этимъ племенемъ, что видно частью изъ историческихъ судебъ, не разлучившихъ оба племени и до сихъ поръ, частью изъ особенной близости языковъ славянскихъ и балтійскихъ. — Къ *балтійскимъ языкамъ*, кромѣ *литовскаго* восходятъ языки *латышскій* и *древнепрусскій*.

Прародина восточныхъ индоевропейцевъ.

Если высказанныя нами выше соображенія о первоначальной родинѣ индоевропейцевъ представляются такъ или иначе обоснованными, то принадлежность къ индоевропейской области тѣхъ восточныхъ племенъ, которыя были предками Славянъ, Балтійцевъ, Арійцевъ (подъ *Арійцами* разумѣются общіе предки *Иранцевъ* и *Индійцевъ*), а также Ѳракійцевъ, несомнѣнно зависѣла отъ того, что занятая ими область была связана культурно съ среднею Европой. Область эта лежала въ восточной Европѣ. Остается опредѣлить, гдѣ же именно она находилась — на сѣверозападѣ современной Россіи или на югозападѣ.

Несомнѣнно, что и сѣверозападъ и югозападъ Россіи могли находиться въ культурной зависимости отъ средней Европы: связь ея съ сѣверозападомъ Россіи устанавливалась Балтійскимъ моремъ, связь съ югозападомъ — Дунаемъ. Но думаю, что сѣверозападъ Россіи находился въ болѣе тѣсной и исключительной зависимости отъ средней Европы, а черезъ посредство ея — отъ Средиземноморскихъ центровъ

культуры, чѣмъ югозападъ Россіи, который былъ открытъ и многимъ другимъ вліяніямъ—Черноморскихъ центровъ, Кавказа и даже Средней Азіи. Вотъ почему считаю вѣроятнымъ, что исконною территоріей восточныхъ индоевропейскихъ племенъ, въ томъ-числѣ и предковъ Славянъ, былъ сѣверозападъ Россіи, бассейнъ Балтійскаго моря. Подтвержденіе же этому вижу въ томъ, что Балтійцы сидятъ до сихъ поръ на этой территоріи, при чемъ какихъ-нибудь данныхъ въ пользу того, что они здѣсь не автохтоны, что они пришли сюда съ юга, изъ южной Россіи, мы не имѣемъ.

Думаю, что движеніе Арійцевъ изъ предѣловъ Европы находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе именно при этомъ предположеніи. Въ силу опредѣленныхъ культурныхъ и экономическихъ явленій, часть восточныхъ индоевропейцевъ двинулась изъ Балтійскаго бассейна въ бассейнъ Чернаго моря. Можно догадываться, что Арійцы въ своихъ исконныхъ мѣстахъ жительства стали въ ту или иную связь съ народами, жившими въ сферѣ Черноморской культуры; это имѣло слѣдствіемъ ихъ движеніе въ область Чернаго моря. Такъ позднѣе, на памяти исторіи восточные Славяне, попавши, благодаря движенію съ юга, въ область Балтійской культуры, устремляются вмѣстѣ съ другими народами Сѣвера (Скандинавами и Финнами) къ овладѣнію среднимъ и южнымъ Поднѣпровьемъ.

Попавъ въ область Черноморской культуры, въ южную Россію, Арійцы оказались оторванными отъ сложившейся въ средней Европѣ Индоевропейской культуры. Это служитъ косвеннымъ указаніемъ на разобщеніе южной Россіи и средней Европы въ области культуры. Арійцы подпали подъ другія теченія. Теченія эти шли изъ Средней Азіи; проводниками ихъ были тѣ или иныя кочевыя народности, обитавшія въ южнорусскихъ степяхъ. Слѣдуя навстрѣчу этимъ теченіямъ, Арійцы проникаютъ въ восточныя области Ирана или степью, или черезъ Кавказъ.

Такъ же какъ Арійцы, оторвались отъ восточной группы индоевропейцевъ и Ѳракійцы. Въ силу извѣстныхъ условій они поддаются другому теченію и проникаютъ на Балканскій полуостровъ, а отсюда выдѣляютъ вѣтвь, устремляющуюся въ Малую Азію *(Фригійцы)*.

Общая прародина Балтійцевъ и Славянъ.

Въ исконныхъ своихъ мѣстожительствахъ — въ сѣверозападной Россіи, въ Прибалтійскомъ краѣ — остаются Балтійцы и Славяне.

Это послѣднее предположеніе подтверждается нѣсколькими еще соображеніями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимся ниже, а на главномъ и существенномъ можемъ основаться теперь.

Сравнительное изученіе индоевропейскихъ языковъ доказываетъ особенную близость между славянскими и балтійскими языками. Близость эта не можетъ быть случайною и не можетъ зависѣть только отъ общаго ихъ происхожденія изъ индоевропейскаго праязыка: въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ замѣчается рядъ общихъ отклоненій отъ исконныхъ отношеній, и эти общія отклоненія свидѣтельствуютъ объ общей ихъ жизни въ такую эпоху, когда они отдѣлились уже отъ остальныхъ индоевропейскихъ языковъ. Входить въ доказательства этого положенія не представляется мнѣ умѣстнымъ здѣсь; сошлюсь на то, что большинство лингвистовъ принимаетъ существованіе ***славяно-балтійской эпохи,*** допускаетъ, слѣдовательно, въ прошломъ единство балтійскихъ и славянскихъ языковъ.

Существованіе такого единства свидѣтельствуетъ весьма опредѣленно о томъ, что Славяне и Балтійцы жили нѣкогда на одной территоріи. Соглашаясь съ утвержденіемъ многихъ лингвистовъ и археологовъ о томъ, что Балтійцы въ Прибалтійскомъ краѣ были автохтонами, признаемъ, что этотъ край былъ прародиной предковъ Славянъ, когда они составляли одно цѣлое съ Балтійцами.

Указаніе на общую Славянамъ и Балтійцамъ прародину на востокѣ Европы извлекается еще изъ слѣдующаго обстоятельства. Ни въ славянскихъ, ни въ балтійскихъ языкахъ нѣтъ своего исконнаго названія для обозначенія дерева букъ; букъ же, какъ извѣстно, не растетъ восточнѣе черты, идущей приблизительно отъ Кенигсберга черезъ Польшу на Подолью (точнѣе граница проходитъ западнѣе Прегеля черезъ Ломжинскую, Сѣдлецкую и Люблинскую губерніи, направляясь къ устьямъ Дуная); слѣдовательно, Славяне и Балтійцы жили восточнѣй этой черты. — Правда, въ славянскихъ языкахъ есть общее многимъ изъ нихъ слово *букъ*, но звуковая сторона этого слова не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно заимствовано изъ германскаго. Какъ увидимъ, второй славянской прародиной надо признавать Повислинье; перейдя сюда и встрѣтивъ здѣсь буковые лѣса, Славяне назвали букъ словомъ, принадлежащимъ автохтонамъ Повислинья — Германцамъ.

Распаденіе Балтійско-славянской семьи.

Въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ ***Балтійско-славянская семья*** языковъ распалась на двѣ семьи — ***Балтійскую*** и ***Славянскую.***

Распаденіе выразилось прежде всего въ разселеніи, въ территоріальномъ разъединеніи обѣихъ обособившихся вѣтвей — славянской и балтійской. И вотъ передъ нами возникаетъ вопросъ, въ какомъ другъ

къ другу географическомъ положеніи оказались эти вѣтви: сидѣли ли Славяне на югъ отъ Балтійцевъ, или на сѣверъ, востокъ, западъ отъ нихъ?

Въ историческое время мы несомнѣнно увидимъ Славянъ на западѣ отъ Балтійцевъ; ср. положеніе западнославянскихъ племенъ (Поляковъ и Поморянъ) въ Повислиньѣ, на западъ отъ Литовцевъ и Прусовъ. Но занятіе Славянами Повислинья произошло сравнительно поздно, какъ это слѣдуетъ изъ того, что Повислинье было нѣкогда занято Германцами: восточными германскими племенами Скировъ, Готовъ и др. Слѣдовательно, утверждать, что и въ исконной своей прародинѣ Славяне сидѣли западнѣе Балтійцевъ, мы не можемъ. Однако самый фактъ ихъ появленія въ болѣе позднее время на западѣ отъ Балтійцевъ какъ-будто намекаетъ на то, что и въ своей прародинѣ они сидѣли западнѣе ихъ.—Возможно, впрочемъ, и иное предположеніе: Славяне сидѣли южнѣе Балтійцевъ, они занимали сѣверное Поднѣпровье, современную Бѣлоруссію и даже Полѣсье, между тѣмъ какъ Балтійцы сидѣли по Нѣману и Западной Двинѣ. Предположеніе это является господствующимъ. Едва ли, однако, это господствующее воззрѣніе выдерживаетъ всѣ возраженія.

Во-первыхъ, сидя въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, Славяне оказались бы въ тѣсной связи съ Черноморскимъ бассейномъ, куда приводило бы ихъ теченіе Днѣпра. Между тѣмъ ясно, что Славяне исконно тяготѣли не на югъ, а на западъ—къ Германцамъ, отъ которыхъ они заимствовали свою матеріальную культуру, свой военный бытъ, политическое устройство. Ср. относящіяся къ этимъ областямъ слова, заимствованныя общеславянскимъ праязыкомъ изъ языковъ германскихъ: *брѣня, *шелмъ* (откуда *шлѣмъ, шеломъ*), *тржба, тынъ, мѣчь, кънязь, усерязь* и *усерязь* (серьга), *хомѫтъ; цѣта, склязь, пѣнязь* (названіе монеты), *мыто* (плата, подать), *жборькъ* (мѣра емкости), *котьлъ, стькло, купити, скотъ, хлѣвъ, мелко* (откуда *млѣко, молоко*), *хызъ* (хижина, домъ), *хыжина, чѧдо, хлѣбъ, олъ, блюдо, колязь* (откуда *колодязь, кладязь*), *истъба, лукъ; лѣкарь, хѫдогъ* (искусный, свѣдущій), *пласати, готовъ, гобзъ* (обиліе).—На югѣ, въ Черноморскомъ бассейнѣ, сидѣли Иранцы, въ лицѣ сначала Скиѳовъ, потомъ Сарматовъ. Число словъ, заимствованныхъ изъ языковъ иранскихъ, представляется въ общеславянскомъ праязыкѣ незначительнымъ, при чемъ весьма знаменательно, что тѣ же слова имѣются и въ финскихъ языкахъ (западныхъ и восточныхъ), почему возможно предположеніе, что посредниками между Иранцами южной Россіи и Славянами были Финны, сидѣвшіе, такимъ образомъ, между Славянами и Иранцами—на югѣ отъ первыхъ, на сѣверѣ отъ послѣднихъ. Сюда относятся слова какъ *богъ* (ср. ***древнеперс.*** *baga,* ***авест.*** *baγa,* откуда въ ***восточнофинскихъ*** языкахъ *павас*, у ***мордвы-эрзи*** *паз*),

сѣто (возможно, впрочемъ, что это и не заимствованное слово; по-славянски мы ожидали бы *сѧто*, но форма *сѣто* могла быть извлечена изъ *трисѣта*, *двѣсѣтъ*, ср. *финск. sata, авест. sata-*), *топоръ* (ср. *финск. tappari*). Если бы допустить значительное тяготѣніе Славянъ къ Черноморскому бассейну и Черноморской культурѣ, едва ли они оказались бы въ извѣстную эпоху своей жизни въ Повислиньѣ, а несомнѣнно, что именно Повислинье было второю славянскою колыбелью: Славянъ потянуло бы на югъ, и на историческую сцену они могли бы выступить и раньше Германцевъ и независимо отъ нихъ, а между тѣмъ ясно, что Славяне, сидя за спиной Германцевъ, появились на исторической сценѣ послѣ нихъ, идя слѣдомъ за ними.

Во-вторыхъ, весьма замѣчательно, что въ славянской прародинѣ росли дерево тисъ и вьющееся растеніе плющъ. Это видно изъ того, что *тисъ* (Taxus) является общеславянскимъ словомъ и также общеславянскими оказываются слова *блющь*, *плющь*, равно и *бршлянъ*, *бршганъ* въ томъ же значеніи; между тѣмъ и тисъ и плющъ растутъ на западѣ отъ той самой черты, которая идетъ черезъ островъ Эзель въ Курляндію, раздѣляя ее на западную и восточную части, далѣе черезъ Ковенскую и Виленскую губернію на Гродно, Каменецъ-Подольскъ и Кишиневъ. Замѣчу, что въ Лифляндіи, въ западной ея части, также имѣются и тисъ и плющъ. Слѣдовательно, мы не можемъ отнести прародину Славянъ въ Полѣсье и въ сѣверное Поднѣпровье, но съ полною вѣроятностью относимъ ее къ Балтійскому морю, восточное побережье котораго южнѣе Финскаго залива знаетъ въ дикорастущемъ состояніи и плющъ и тисъ.

Въ-третьихъ, общеславянскимъ словомъ и при томъ извѣстнымъ также изъ германскаго, кельтскаго и латинскаго языковъ является слово *море* (*лат.* mare, *герм., древневерхненѣм. meri*, *кельтск., древнеирл.* muir). Между тѣмъ въ балтійскихъ языкахъ соотвѣтствующій корень (*marės*) означаетъ озеро и только въ частности — Рижскій заливъ, для обозначенія же моря имѣется другое слово (*jurės*, *jurios*). Это, мнѣ кажется, указываетъ на то, что было время, когда Славяне оставались у моря, между тѣмъ какъ литовцы были оттиснуты отъ него на востокъ.

Первая прародина Славянъ.

Образованіе и развитіе индоевропейскихъ племенъ, какъ частью указано выше, представляло на всемъ занятомъ ими пространствѣ сходныя черты. Въ извѣстную эпоху наступалъ моментъ, когда они, выходя изъ мрака неизвѣстности, оказывались въ предѣлахъ цивилизованнаго міра, а именно на югѣ, въ районѣ культурныхъ областей со старою, долголѣтнею цивилизаціей. Уже это указываетъ, что въ мракъ

неизвѣстности ихъ окутывало пребываніе на сѣверѣ: сѣверныя области были далеки отъ центровъ цивилизаціи. Но лучи цивилизаціи проникали и туда; подъ вліяніемъ ихъ дикари становились варварами, т. е. полудикарями, получая культурныя блага, способствовавшія ихъ самосохраненію, дававшія имъ опредѣленный политическій и общественный укладъ, наконецъ вооружившія ихъ не только для защиты, но и для нападеній. Варвары естественно устремляли свои взоры на питавшіе ихъ источники цивилизаціи: при малѣйше благопріятныхъ условіяхъ они тянулись, подобно тому какъ къ свѣту тянется растеніе, туда, гдѣ по ихъ представленію скоплено неисчислимое богатство, гдѣ стекаются всѣ богатства земли. Такъ въ X вѣкѣ варваръ Святославъ объяснялъ свое стремленіе на югъ, въ предѣлы Болгаріи, въ ея столицу Преславъ: «*яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь*». Правда, объ обстоятельствахъ, приведшихъ Арійцевъ въ Среднюю Азію, а отсюда на Иранъ и въ Индію, мы можемъ судить только предположительно, гадая, что и здѣсь дѣйствовалъ тотъ же законъ тяготѣнія варваровъ къ культурнымъ центрамъ, при чемъ тяготѣніе это захватило Арійцевъ тогда, когда они оказались въ Черноморскихъ степяхъ, а въ эти степи привело ихъ изъ сѣверозапада Россіи тяготѣніе къ Черноморской культурѣ. Но гораздо болѣе увѣренно можемъ мы утверждать, что образованіе и развитіе всѣхъ европейскихъ племенъ шло по одному общему пути, подчиняясь общимъ законамъ. Рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Греки вторглись въ Пелопонесъ съ сѣвера, заставъ здѣсь старинную культуру Пелазговъ; равнымъ образомъ съ сѣвера вторглись на Аппенинскій полуостровъ Италики, овладѣвъ культурой Этрусковъ и послѣ долгой борьбы задавивъ ихъ. На памяти исторіи видимъ стремленія къ югу ѳракійскихъ Дакійцевъ. Кельты проникаютъ въ Италію, когда она уже занята народами италійскими, и остановленные ихъ отпоромъ, осаживаются въ сѣверной Италіи, куда стремятся и Иллирійцы; Кельты проникаютъ и на Балканскій полуостровъ, а черезъ него—и въ Малую Азію, гдѣ основываютъ государство Галатію. Еще ближе къ намъ по времени—движенія Германцевъ. Ихъ сѣверноевропейское происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію. Въ извѣстную, уже историческую эпоху видимъ ихъ прочно осѣвшими у Чернаго моря, гдѣ основывается государство Остготовъ. Появленіе германцевъ въ Крыму и у Дона можетъ быть сопоставлено съ предположеннымъ пребываніемъ на югѣ Россіи, въ южнорусскихъ степяхъ Арійцевъ, которые, какъ и Германцы, могли придти съ сѣвера; но Германцы, какъ, слѣдовательно, въ свое время Греки, устремляются и на Балканскій полуостровъ; какъ Италики и

Кельты, Германцы съ теченіемъ времени овладѣваютъ Италіей; ихъ привлекаетъ даже Испанія, откуда германское племя Вандаловъ переходитъ и въ Африку.

Совершенно такъ же представляется намъ первоначальная судьба Славянъ. Это жители сѣвера. Нужны были извѣстныя благопріятныя условія для движенія ихъ къ югу, къ очагамъ Средиземноморской культуры. Въ сравнительно позднее время и при томъ, какъ увидимъ, не раньше **V**, конца **V** вѣка, началось это движеніе: мы видимъ въ **VI** в. и позже Славянъ у Чернаго моря, въ Приднѣпровьѣ и дальше на востокъ, у Дона—ясно, что придти сюда они могли по тѣмъ самымъ путямъ, что привели на югъ восточныхъ Германцевъ; видимъ Славянъ утвердившимися на Балканскомъ полуостровѣ, Пелопонесѣ и даже въ Малой Азіи—ясно, что эти движенія Славянъ повторяли движенія Кельтовъ и Германцевъ. Но отсюда, изъ выясняющейся такимъ путемъ аналогіи, мы выводимъ и то, что нѣкогда Славяне были жителями сѣвера и при томъ сидѣли сѣвернѣе Германцевъ, ибо только движенія послѣднихъ на югъ очистили пути въ южную Европу и Славянамъ.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаемъ мы тѣмъ ученымъ, которые въ большей или меньшей степени склоняются признать Славянъ автохтонами въ предѣлахъ современной Австріи и даже на Балканахъ: этому противорѣчитъ весь ходъ образованія и развитія индоевропейскихъ племенъ, представленный выше. Если бы Славяне жили южнѣе Германцевъ, они раньше ихъ вступили бы на историческую сцену. Автохтонисты основываются на нѣкоторыхъ научныхъ соображеніяхъ, а именно на анализѣ географической номенклатуры, обнаруживающей какъ-будто славянскіе элементы въ географическихъ названіяхъ такой эпохи (**II** и **III** в. по Р. Х.), когда по мнѣнію другихъ ученыхъ Славяне были еще далеко за предѣлами тѣхъ придунайскихъ странъ, гдѣ отыскиваются эти названія. Такъ указываютъ на старыя названія рѣкъ, близко напоминающія славянскія *Быстрицу* и *Черную*, въ числѣ правыхъ притоковъ Дуная; древнее названіе Тисы—*Pathissa*—сопоставляютъ со славянскимъ *Потисье* (*сербск. Potisje*); старое названіе Блатенскаго озера на западѣ Австріи—*Pelso*—отождествляютъ со славянскимъ *Плёсо* и т. д. Подобныя этимологіи не имѣютъ, однако, доказательной силы; здѣсь возможно случайное созвучіе. Въ частности *Pelso* не можетъ быть тождественно съ *Плесо*, ибо въ послѣднемъ словѣ слогъ **пле** произошелъ не путемъ перестановки; названіе *Tierna* скорѣе объясняется изъ кельтскаго *Tigerna* и т. д.

Но такъ же рѣшительно возразилъ бы я и тѣмъ ученымъ, которые первоначальныя жительства Славянъ полагаютъ на Карпатахъ или, какъ мы видѣли, восточнѣе, въ бассейнѣ Припяти, въ современ-

номъ Полѣсьѣ... Допустивъ, что Славяне сидѣли нѣкогда ближе, чѣмъ Германцы, къ очагамъ Средиземноморской культуры, мы не поймемъ, почему блага этой культуры, по ясному свидѣтельству языка, проникали къ нимъ черезъ посредство Германцевъ. Допустивъ, что Славяне исконно продвинулись въ среднюю Европу, мы не поймемъ, напр., того, почему знакомство Славянъ съ Кельтами или съ рѣкою Дунаемъ предполагаетъ германское посредство. Славяне называли италіанцевъ Волохами, названіемъ, заимствованнымъ у Германцевъ, которые обозначали имъ Кельтовъ, распространяя это имя и на сидѣвшихъ южнѣе Кельтовъ—романизированныхъ Кельтовъ, а потомъ и на италіанцевъ; звуковая сторона общеславянскаго слова *волхъ* (откуда *южнослав. vlach, западнослав. włoch, русск. волохъ*) доказываетъ, что это германское заимствованіе, ибо славянское **х** является въ соотвѣтствіи съ исконнымъ **k** этого слова. Славянское слово *Дунай*, въ сопоставленіи съ исконнымъ, кельтскимъ названіемъ этой рѣки *Dânuvios*, звукомъ **u** (**у**) въ первомъ слогѣ обнаруживаетъ свое непосредственное происхожденіе изъ прагерманскаго *Dônavia*. Но главнымъ возраженіемъ моимъ является то, что, сидя въ Полѣсьѣ или на Карпатахъ, Славяне оказывались бы въ районахъ, промежуточныхъ между двумя культурами—во-первыхъ, той Средиземноморской, которая шла къ нимъ черезъ посредство Германцевъ, во-вторыхъ, той, которая должна была бы вліять на нихъ съ юга, съ береговъ Чернаго моря или съ Балканскаго полуострова. Нахожденіе подъ вліяніемъ двухъ культуръ привело бы Славянъ къ неминуемому распаденію на двѣ культурныя области; между тѣмъ славянскіе языки въ исконномъ своемъ словарномъ составѣ не обнаруживаютъ подобной раздвоенности. Далѣе, вліяніе двухъ культуръ не могло бы привести къ активному движенію въ одномъ направленіи, а между тѣмъ весьма вѣроятно, что Повислинье стало второю родиной для всего Славянства, а не только для западной его вѣтви.

Итакъ, вотъ тѣ главныя мои основанія, которыя заставляютъ меня предположить, что первой, исконной родиной Славянъ было Балтійское побережье, точнѣе — нижнее теченье Нѣмана и ~~Сѣверной~~ Западной Двины.

Бросимъ взглядъ на окружавшія при этомъ Славянъ условія.

Сосѣди Славянъ въ ихъ первой прародинѣ.

Восточными сосѣдями Славянъ были ***Балтійцы,*** предки ***Литовцевъ, Латышей*** и древнихъ ***Прусовъ.*** Балтійцы занимали верхнія теченія Нѣмана и ~~Сѣверной~~ Западной Двины. Это обстоятельство дѣлало ихъ доступными вліянію Германцевъ съ запада (а черезъ Германцевъ—вообще средиземноморской культуры), ибо Германцы сидѣли, согласно сказанному выше, въ Повислиньѣ.

Къ югу отъ Балтійцевъ, слѣдовательно прежде всего въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, сидѣли Финны. Западныя поселенія Финновъ, занимавшихъ Полѣсье въ бассейнѣ Западнаго Буга. могли граничить и со Славянами, въ отношеніи которыхъ Финны были южными сосѣдями, между тѣмъ какъ югозападными сосѣдями Славянъ были Германцы.

Финны оказывались, такимъ образомъ, также въ сферѣ германскаго вліянія. Краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о немъ словарный составъ финскихъ языковъ, содержащій очень большое число заимствованій изъ германскихъ языковъ: нѣкоторыя изъ нихъ оказываются весьма древними. Изслѣдователи опредѣляютъ одну часть заимствованій какъ ***праготскія***, другую—какъ ***готскія*** и, наконецъ, третью—какъ ***древнесѣверскія*** (древнескандинавскія). Отмѣченная древность заимствованій доказывается тѣмъ, что они начались въ праготскую эпоху. Германское вліяніе обнаруживается только въ западнофинскихъ языкахъ, тогда какъ дальше на востокъ, въ восточнофинскіе языки оно не проникало*). Изъ древнѣйшихъ заимствованій приведу такія слова, какъ *kuningas* (*герм. kuningaz*), *ruhtinas* князь (*герм. druhtinaz*), *airut* вѣстникъ (*гот. airus*), *kulta* золото (*готск. gultha*), *rengas* кольцо (*герм. hringaz*), *satula* сѣдло (*нѣм. Sattel*), *lammas* овца (*нѣм. Lamm*), *multa* пыль (*готск. mulda*), *armas* дорогой, любимый (*нѣм. arm*), *kaunis* красивый (*skauniz*), *miekka* мечъ (*готск. mēki*), *pelto* поле (*нѣм. Feld*), *paita* верхняя одежда (*готск. paita* въ значеніи χιτών), *rauta* желѣзо, желѣзная руда (*древнесѣверск. raudi*).

Анализъ словарнаго состава финскихъ языковъ доказываетъ, что Финны, и при томъ не только предки Западныхъ Финновъ, но и предки Финновъ Восточныхъ, находились подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ еще трехъ другихъ языковъ: во-первыхъ,—балтійскихъ, во-вторыхъ,—славянскихъ и, въ-третьихъ, —иранскихъ.

Вліяніе Балтійцевъ, сѣверныхъ сосѣдей Финновъ, было, какъ кажется, обусловлено тѣмъ, что Балтійцы, находившіеся подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Германцевъ, были цивилизованнѣе Финновъ. Вліяніе это было чрезвычайно значительно. Приведу нѣсколько примѣровъ для заимствованныхъ Финнами изъ балтійскихъ языковъ словъ: ***финск.*** *hammas*, ***вепс.*** *hambas* зубъ, ср. ***лит.*** *žambas зазубрина*, щербина; ***финск.***

*) Къ *западной* или *прибалтійской* группѣ финскихъ (финно-угорскихъ) языковъ (племенъ) принадлежатъ языки **суоми** *(собственно-финскій)*, **водскій, вепсскій, карельскій, эстонскій, ливскій** и др. Къ *поволжской* группѣ — **мордовскій** и **черемисскій** языки. Отдѣльно стоятъ, съ одной стороны,— **лапландскій** языкъ, съ другой,— *сѣверо-восточная* группа финскихъ языковъ, въ которую входятъ языки **вотяцкій, зырянскій, остяцкій** и **вогульскій**, а также языкъ **мадьярскій**. Подъ *восточно-финскими* языками понимаю языки поволжской и сѣверо-восточной группъ.

heinä, *эст. hein* сѣно, трава, ср. *лит. szënas* сѣно; *финск. morsian* невѣста, ср. *лит. marti* невѣста; *финск. paimen* пастухъ, ср. *лит. pëmů* (основа *pëmen-*) пастухъ; *финск. siemen* сѣмя, ср. *лит. sẽmens* посѣвъ, *древнепрусск. semen* сѣмя; *финск. taivas* небо, ср. *лит. dëvas*, *древнепрусск. deiwas* Богъ; *финск. tarha* садъ, ср. *лит. daržas* садъ; *финск. perkele*, *морд.-эрз. purgine*, *pirgine* громъ, ср. *лит. perkunas*; *финск. papu* огонь, *морд.-мокш. päna-kud* печь, ср. *древнепрусск. panno* огонь; *финск. kerta* порядокъ, очередь, ср. *древнепрусск. en kerdan* во-время; *финск. hanhi* гусь, *морд. šenš* утка, ср. *лит. žansìs* гусь; *морд.-эрз. p'eel* ножъ, *мокш. p'ejel'*, ср. *лит. peilis* ножъ; *морд.-эрз. suro* хлѣбъ, зерно, *мокш. sura* просо, ср. *лит. sora* пшено, и мн. др. Вліяніе на финскіе языки балтійскихъ и германскихъ языковъ по существу однородно: это было вліяніе Балтійскаго культурнаго района на финскіе языки, очевидно примыкавшіе къ этому району.

Однородно было вліяніе на Финновъ и со стороны Славянъ. Но, какъ сказано выше (стр. 28,33), Славяне лишь въ незначительной части граничили съ Финнами и, при томъ, именно съ Западными Финнами, между тѣмъ какъ Балтійцы граничили съ ними на большомъ протяженіи, сталкиваясь также съ Восточными Финнами; это было причиной того, что славянское вліяніе обнаруживается только въ западнофинскихъ языкахъ и, при томъ, въ ограниченныхъ размѣрахъ. Самый вопросъ объ этомъ вліяніи представляется недостаточно выясненнымъ. Господствуетъ мнѣніе, что Финны только въ сравнительно позднее время встрѣтились со Славянами и, при томъ, только въ лицѣ Русскихъ. Но ближайшее изученіе славянскихъ элементовъ въ финскихъ языкахъ обнаруживаетъ въ нихъ такія слова, которыя своею звуковою формой ясно свидѣтельствуютъ о древности заимствованія, о заимствованіи въ эпоху прарусскую, слѣдовательно—общеславянскую.—Сюда относится, напр., 1) рядъ словъ съ сочетаніями **ar**, **al**, которымъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ сочетанія **оро**, **оло**, а въ общеславянскомъ—**or**, **ol**. Финскихъ сочетаній **ar**, **al** нельзя объяснить изъ **ara**, **ala**, т. е., слѣдовательно, изъ русскихъ **оро**, **оло**; поэтому необходимо возвести ихъ къ общеславянскому періоду. Ср. *финск. karsta*, *русск. короста*, *сербск. краста*; *финск. palttina*, *русск. полотно*, *старослав. платьно*, *общеслав. polťno*; *финск. varpu* воробей, ср. *русск. воробей*, *ст.-слав. врабии* (изъ vorbii); *финск. talkoo* толока, *русск. толока*, *сербск.* и *слов. tlaka*, *польск. tłoka*. Сравните, далѣе, 2) такое слово, какъ *финск. artti* споръ, ссора, ср. *русск. рать*, *сербск. рат*; далѣе, 3) слова, обнаруживающія въ своемъ корнѣ носовые звуки: *финск. suntia*, *suntio* церковный служитель, *эст. s u n' d* судья, приказъ, судъ, *ливск. s u n' d* судить, наказывать, ср. *древнеболг. сѫдии*, *сѫдити*, *польск. sędzia*; *финск. kuontalo* пакля, *древнеболг. кѫдѣль*, *польск. kądziel*, *русск. кудель*; *эст. und* удочка, *ливск. ūnda*, ср *древнеболг. жда*, *польск. węda*, и др. 4) *Общеславянское* сочетаніе **tj**, откуда въ русскомъ

языкѣ **ч**, въ древнеболг. **шт**, сохраняется до сихъ поръ въ *финск. kaatio* штанина, ср. *древнеболг. гашти, русск. гачи, сербск. гаће,* и т. д.—Не исключена возможность предположенія, что заимствованія изъ общеславянскаго праязыка попали въ западнофинскіе языки тогда, когда Славяне поселились во второй своей родинѣ, въ Повисльиѣ, и заняли, такимъ образомъ, въ отношеніи Финновъ то-самое западное положеніе, которое нѣкогда занимали въ отношеніи къ Финнамъ Германцы, но во всякомъ случаѣ съ увѣренностью можемъ утверждать существованіе связи Славянъ съ Финнами въ эпохи доисторическія, предшествующія распаденію общеславянской семьи.

Перехожу къ вопросу о вліяніи на финскіе языки со стороны языковъ иранскихъ.—Вліяніе это весьма значительно. Оно обнаруживается во всѣхъ финскихъ языкахъ. Приведу сначала нѣсколько примѣровъ, отмѣтивъ при этомъ, что и здѣсь, какъ въ германскихъ заимствованіяхъ, обнаруживается нѣсколько слоевъ—старшія и младшія заимствованія. Старшія заимствованія восходятъ къ эпохѣ праиранской—эпохѣ *арійской* (когда древнеиндійскій и иранскіе языки составляли еще одно цѣлое), младшія—къ эпохѣ отдѣльныхъ иранскихъ языковъ.—Вотъ нѣсколько словъ, заимствованныхъ въ эпоху арійскую: *финск. paras* лучше, *морд. paro,* ср. *санскр. paras* лучшій, главный; *финск. sarvi* рогъ, *морд.-эрз. śuro,* ср. *авест. srvā* рогъ, *древнеперс. saru-, suru-* рогъ; *финск. sisar* сестра, *морд.-эрз. sazor, вотяк. suzer,* ср. *санскр. svasar; морд.-эрз. azoro* господинъ, *зыр. ozyr, ozer* богатый, ср. *санскр. asura* названье демоновъ, *авест. ahuro, древнеперс. aura; морд. tarvas* серпъ, ср. *лит. dalgis, лат. falx, арійское dhargas; морд.-мокш. ver'gas, эрз. v'er'g'ez* волкъ, ср. *санскр. vṛkas, авест. vehrka.* — Вотъ другія слова, заимствованныя уже изъ отдѣльныхъ иранскихъ языковъ: *морд. er'd'eks* клятва, пожеланіе, *перм. jord,* ср. *осет. ard, ärd* клятва; *морд. lomań* человѣкъ, ср. *осет. limän* другъ; *зыр. nebög* книга, *вогульск. pepăk* бумага, письмо, ср. *пехлев. nipēk* письмо, *морд. m'ir'd'e* мужъ, *вотяк. murt* человѣкъ, ср. *авест. mereta, новоперс. mard* человѣкъ; *пермск. vurun* шерсть, ср. *санскр. urnā* шерсть, и др. — Откуда же шло къ Финнамъ сначала арійское, потомъ иранское вліяніе? Ясно, что оно шло съ юга. Мы уже видѣли выше, что югъ Россіи былъ одно время занятъ Арійцами, которыхъ съ теченіемъ времени потянуло въ Среднюю Азію. Въ южной Россіи Арійцы находились въ средѣ Черноморской культуры, и они восприняли ее—вотъ причина того, что они могли, должны были вліять на менѣе культурныхъ Финновъ.

Передъ нами раскрывается, такимъ образомъ, слѣдующая картина: Арійцы, оторвавшись отъ Балтійскаго района, перешли къ Черному морю; ихъ мѣста заняли Финны, раньше жившіе, очевидно, восточнѣе—

въ бассейнѣ Оки и Волги. Удаленіе Арійцевъ съ юга Россіи повело къ временному господству здѣсь другихъ народностей, возможно, что и Финновъ. Съ теченіемъ времени, однако, южная Россія стала достояніемъ иранскаго племени Скиѳовъ, отбросившаго Финновъ къ сѣверу, если дѣйствительно они заняли, передъ тѣмъ, мѣста Арійцевъ. Финны получили, такимъ образомъ, съ юга въ видѣ сосѣдей Иранцевъ: сначала—Скиѳовъ, потомъ—смѣнившихъ ихъ Сарматовъ. Вліяніе юга на сѣверъ продолжалось и при этихъ измѣнившихся условіяхъ, такъ какъ въ сущности дѣло шло, какъ раньше, такъ и теперь, о вліяніи Черноморскаго культурнаго района на сидѣвшія къ сѣверу отъ него племена.

Итакъ, мы видимъ, что Финны, занимавшіе среднюю Россію, въ теченіе долгаго времени были подвержены вліянію двухъ культурныхъ районовъ: съ одной стороны,—Балтійскаго, черезъ посредство Германцевъ, Балтійцевъ и Славянъ, съ другой стороны,—Черноморскаго, черезъ посредство сначала Арійцевъ, потомъ Иранцевъ. Въ этомъ межеумочномъ положеніи Финновъ лежитъ, быть можетъ, причина того, что они не достигли того, чего достигали племена индоевропейскія,—національнаго единства и возможности активныхъ выступленій; принадлежность двумъ культурнымъ районамъ раздробляла и ослабляла ихъ силы, такъ сказать обезличивая ихъ. Я считалъ бы совершенно невозможнымъ, чтобы Славяне, если бы они были въ тѣхъ же условіяхъ, что и Финны, поднялись до той высоты, которая позволила имъ пробиваться къ югу и овладѣть тѣмъ необозримымъ пространствомъ богатыхъ культурой земель, которое принадлежало имъ уже въ **VI—VII** в.

Итакъ, мы опять возвращаемся къ мысли, что Славяне сидѣли въ районѣ Балтійской культуры (ср. стр. 27, 27—29, 31—32). Это положеніе представляется мнѣ основнымъ при изученіи судебъ Славянства; вотъ почему я такъ долго отвлекаю Ваше вниманіе для его доказательства.

Другіе взгляды на прародину Славянъ.

Какъ я указывалъ выше (стр. 31—32), господствующимъ взглядомъ на славянскую прародину является тотъ, по которому она находилась въ современной Бѣлоруссіи, въ бассейнѣ Припяти (Ростафинскій и его послѣдователи) или еще южнѣе—на Волыни.

Ростафинскій основывается главнымъ образомъ на данныхъ, извлекаемыхъ изъ общеславянскаго словаря о растеніяхъ и животныхъ, обитавшихъ славянскую прародину. Но я не вижу ни одного возраженія именно со стороны словъ, относящихся къ флорѣ и фаунѣ, противъ признанія общеславянской прародиною современной Курляндіи. Напротивъ, тисъ неизвѣстенъ въ бассейнѣ Припяти, нѣтъ тамъ и плюща; между тѣмъ, общеславянскій праязыкъ зналъ слова для тиса и плюща.

Ученые, останавливающіеся на Волыни, какъ на славянской прародинѣ, приводятъ слѣдующія два дѣйствительно вѣскія основанія: во-первыхъ, наличность въ общеславянскомъ праязыкѣ словъ иранскаго происхожденія (мы говорили о нихъ выше), во-вторыхъ, словарное вліяніе на общеславянскій праязыкъ со стороны греческаго языка. Что до иранскихъ элементовъ, то они, какъ мы видѣли, весьма малочисленны; скорѣе всего, они попали къ Славянамъ черезъ посредство Финновъ и едва ли могутъ доказать непосредственное сосѣдство Славянъ съ Иранцами. Греческихъ элементовъ въ общеславянскомъ праязыкѣ еще меньше; единственно достовѣрнымъ представляется мнѣ слово korabl̥ь, *общеслав.* korabjь (изъ korabjos), ср. *греч.* κάραβος, καράβιον. Древность этого заимствованія доказывается передачей греческаго β (рано измѣнившагося въ **v**) черезъ **b**. Но *греч.* κάραβος получило вообще широкое распространеніе: оно перешло и въ латинскій языкъ и въ германскіе языки. Оно могло, слѣдовательно, попасть въ Балтійскій районъ и помимо Славянъ, а попавъ сюда, перейти и къ этимъ послѣднимъ (ср. *латинск. carabus*).

Предположеніе о томъ, что славянскою прародиной была Волынь, совсѣмъ не разъясняетъ, почему Славяне находились подъ исконнымъ воздѣйствіемъ Германской культуры. Непонятно было бы также, почему Славяне, если они исконно сидѣли на Волыни, называли рѣки *Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ* неславянскими именами. Непонятна была бы также наличность на Волыни неславянскихъ названій, а между тѣмъ они есть: *Ибръ, Кодра*, также *Стырь*. Едва ли вѣроятно было бы предположить, что Славяне изъ Волыни перешли въ Повислинье, уступивъ Волынь другой народности, а позже вытѣснили эту народность, занявъ Волынь сами. Совсѣмъ неясно бы было, почему Славяне не двинулись на югъ, къ Дунаю и Черному морю, а устремились на сѣверозападъ. Самое названіе *Волыни* не славянское, а скорѣе всего германское: повидимому, его германская форма *Valhūni* и *Velhūni* означала страну Волоховъ, т. е. Кельтовъ; для выпаденія **h** ср. *слав. perunъ* въ соотвѣтствіи съ *герм. ferhun* (заимствовано также и *лит. perkūnas*) и еще слово *волъ* изъ *герм. valhos* (ср. названія для холощеныхъ домашнихъ животныхъ, какъ *нѣм. walach*, *русск. валухъ* и т. д.; холостить животныхъ Германцы научились отъ Кельтовъ).

Данныя древнихъ историковъ и географовъ.

Къ добытымъ выше выводамъ относительно этнографіи Россіи въ эпохи, предшествовавшія выступленію Славянъ, можно привлечь также данныя, сообщенныя древними историками и географами.

Геродотъ (**V** в. до Р. Х.) былъ хорошо знакомъ съ южной Россіей. Онъ сообщаетъ много топографическихъ названій и бытовыхъ подробностей, подробно характеризуетъ Скиѳовъ, господствовавшихъ

въ тѣхъ странахъ, даетъ характеристику и другихъ сосѣднихъ народностей. Народности эти жили къ сѣверу отъ области Скиѳовъ. Двигаясь отъ запада къ востоку, Геродотъ называетъ имена *Невровъ*, *Андрофаговъ*, *Меланхленовъ*. Между этими народностями существуетъ извѣстная связь не только въ культурномъ отношеніи (въ отношеніи къ обычаямъ), но также въ политическомъ: они тяготѣютъ къ Скиѳамъ; это видно изъ Геродотова описанія похода въ Скиѳію Дарія Гистаспа. Ясно, что всѣ эти народности жили въ районѣ Черноморской культуры. Что же представляли они въ этнографическомъ отношеніи?

Блестящая догадка покойнаго профессора Вѣнскаго университета В. Томашека даетъ возможность отождествить Андрофаговъ съ Мордвой. Онъ предположилъ, что имя *Андрофаги* у Геродота представляетъ переводъ иранскаго названія народа, жившаго въ среднемъ Поднѣпровьѣ; на языкѣ иранскаго корня названіе это могло звучать *mardxvār* (*mard*—человѣкъ; корень *xvār*—пожирать): ср. заимствованное изъ иранскаго въ греческій языкъ названіе для какого-то дикаго животнаго (у Павзанія) μαρτιχώρας, котораго Греки называли ἀνδροφάγος. Слѣдовательно, *Андрофаги*—это греческій переводъ названія Мордвы, какъ опредѣляли Иранцы, жившіе въ нынѣшней южной Россіи, одно изъ восточнофинскихъ племенъ. Въ пользу догадки Томашека можно привести еще слѣдующее соображеніе: сама Мордва и до сихъ поръ не называетъ себя этимъ именемъ; мордвинъ говоритъ про себя, что онъ Эрзя или Мокша (это два разныя племени мордовскія); *Мордвой* Эрзянъ и Мокшанъ называютъ Русскіе. Очевидно, шедшіе съ юга Русскіе, встрѣтившись съ Мордвой, и назвали ее старымъ южно-русскимъ, по происхожденію скиѳскимъ названіемъ—*Мордва*.

В. Томашекъ пошелъ въ своихъ отождествленіяхъ и дальше: восточные сосѣди Андрофаговъ *Меланхлены* опредѣлены имъ какъ Черемисы, при чемъ онъ обратилъ вниманіе на черный покровъ верхняго платья у Черемисъ. По этому характерному признаку они были названы Скиѳами тѣмъ именемъ, которое Греки перевели *Меланхлены*.

Но если въ Меланхленахъ и Андрофагахъ можно, вслѣдъ за Томашекомъ, видѣть Восточныхъ Финновъ, то ясно, что сидѣвшіе отъ Андрофаговъ на западъ *Невры* должны быть признаны Западными Финнами, предками современныхъ Суоми, Эстовъ, Вепсовъ, Карелы и т. д. Такое отождествленіе совершенно исключаетъ возможность признать въ геродотовскихъ Неврахъ Славянъ, къ чему склонялись нѣкоторые изслѣдователи: Невры занимали, очевидно, современную Волынь и Минское Полѣсье. Геродотъ не зналъ, какіе народы обитаютъ за Неврами, Андрофагами и Меланхленами; не знали

этого ни Греки южнорусскихъ колоній, ни Скиѳы. Такая неосвѣдомленность зависѣла отъ того, конечно, что эти сѣверные народы тяготѣли уже не къ Черноморскому культурному району, а къ другому району — Балтійскому. Среди этихъ народовъ были Балтійцы, а еще дальше — Славяне.

Тацитъ, римскій историкъ I в. по Р. Х., даетъ, напротивъ, цѣнныя данныя для возстановленія этнографическихъ отношеній Балтійскаго района. Изъ его описанія выясняется, что Повислинье было занято Германцами, а именно Готами. Далѣе на востокъ сидѣли Финны (Fenni), слѣдовательно Финны сидѣли именно тамъ, гдѣ мы и опредѣляли древнѣйшія жительства ихъ,—въ бассейнѣ Западнаго Буга и Припяти. Къ сѣверовостоку Тацитъ отмѣчаетъ Венедовъ и Эстовъ (Аистовъ).

По господствующему объясненію Венеды — это Славяне, а Эсты — это Балтійцы.

Въ пользу отождествленія Венедовъ со Славянами можно привести слѣдующее весьма опредѣленное указаніе. *Венеды* — это исконное германское обозначеніе Славянъ. Имя это заимствовано, очевидно отъ Германцевъ, Финнами, которые и до сихъ поръ называютъ имъ Русскихъ (*venäjä, venää, venä* для Россіи). Важно отмѣтить, что Тацитъ полагаетъ жительства Венедовъ-Славянъ у самаго Балтійскаго моря. Правда, изъ нѣсколько темнаго его изложенія можно вывести, что поселенія Венедовъ простирались и далеко къ югу, но возможно, что Германцы разумѣли подъ Венедами также Балтійцевъ, предковъ Литвы, Латышей и Прусовъ.

Мало убѣдительнымъ представляется мнѣ отождествленіе Эстовъ, сидѣвшихъ также у Балтійскаго моря, съ Балтійцами. Дѣло осложняется указаніемъ Тацита на то, что языкъ Эстовъ похожъ на британскій языкъ. Это указаніе и еще нѣкоторыя соображенія побудили меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ признать Эстовъ за оторванную отъ кельтской семьи языковъ восточную ея вѣтвь, ибо британскій языкъ (кстати, несомнѣнно доступный Тациту: его тесть Агриппа былъ извѣстенъ своею административною дѣятельностью въ качествѣ правителя Британніи) принадлежитъ къ кельтской семьѣ. Но я вижу слабость и недостаточность моихъ аргументовъ. Склоняюсь къ предположенію, что Эсты были однимъ изъ венедскихъ, славянскихъ племенъ, быть можетъ наиболѣе культурнымъ, благодаря своему положенію у моря.

Птолемей, александрійскій географъ II в. по Р. Х., называетъ Балтійское море *Венедскимъ заливомъ* и свидѣтельствуетъ о многочисленности Венедовъ. Ясно, что Славяне въ его время еще не отошли отъ Балтійскаго моря.—На югъ отъ Венедовъ жили Готы (Γύθωνες), а южнѣе Готовъ—Финны. На востокъ отъ Венедовъ—Γαλίνδοι, Σουδινοί, Σταυανοί.

Въ виду того, что Галинды—племя несомнѣнно балтійское, видимъ, что въ общемъ Птолемей изображаетъ тѣ-самыя отношенія, которыя мы только-что возстановили: Готы сидятъ южнѣе Славянъ, восточнѣе же Славянъ—Балтійцы; южнѣе (по нашему юго-восточнѣе)—Финны.

Итакъ, первоначальную родину Славянъ ищемъ въ бассейнахъ нижнихъ теченій Западной Двины и Нѣмана. Возможно, что они распространялись и далѣе къ югу, доходя до бассейна Нарева и Западнаго Буга, гдѣ сталкивались съ Финнами (ср. стр. 33).

Отношенія съ Восточными Германцами.

На югозападъ, а частью и на западъ отъ Славянъ сидѣли Восточные Германцы. Съ ними Славяне вели упорную борьбу, очевидно пробиваясь въ Повислинье и стремясь овладѣть ихъ болѣе воздѣланными полями и болѣе богатой матеріальной культурой.

Можно думать, что сначала Славяне были въ сосѣдствѣ съ восточно-германскимъ племенемъ Спаловъ, которыхъ Славяне, сообразно требованію своей фонетики, называли *Спалами*. *Сполъ*, *сполинъ* стало нарицательнымъ именемъ для великана: ср. *сполинъ, споли* въ *древнеболгарскихъ переводахъ* въ соотвѣтствіи съ *греч.* γίγας, γίγαντες. Рядомъ существовало произношеніе *исполинъ* съ такимъ же приставнымъ **і**, какое находимъ въ заимствованномъ изъ германскаго языка словѣ *истьба*, ср. *нѣм. Stube*; возможно, что приставка **і**- восходитъ къ произношенію иного сосѣдняго (негерманскаго и неславянскаго) народа.

Спалы съ теченіемъ времени удалились изъ Повислинья и двинулись къ нижнему Дунаю. Отраженные отсюда, они утвердились въ Поднѣстровьѣ. Грекороманскій міръ называлъ ихъ Бастарнами или Бастернами.

Мѣсто Спаловъ въ Повислиньѣ заняли Готы: преданіе приписывало имъ скандинавское происхожденіе. Сами Готы называли себя *thiuda*, т. е. народомъ. Слово *tjudos*, откуда *tjudъ*, получило въ общеславянскомъ праязыкѣ то же значеніе, что *сполинъ, исполинъ*, т. е. великана: ср. *древнеболгарское штюдъ* (изъ *общеслав. tjudъ*) въ значеніи γίγας. Замѣчательно, что имя *tjuda* въ формѣ *tjudis*, откуда *tjudь*, перенесено было Славянами и на подвластныхъ Готамъ Западныхъ Финновъ; быть можетъ, это имя *tjudь* (откуда *русское Чудь*) заимствовано Славянами отъ Германцевъ уже въ то время, когда Славяне покорили Повислинье, распространивъ свою власть и на Финновъ. Наше *чужой* ведетъ къ тому же коренному слову.

Вторая прародина Славянъ.

Въ концѣ II в. по Р. Х. Готы, очевидно по слѣдамъ Спаловъ-Бастерновъ, двинулись изъ Повислинья на югъ, къ нижнему Дунаю.

Здѣсь они столкнулись прежде всего со Спалами и покорили ихъ себѣ. Но, вѣроятно, въ дальнѣйшемъ движеніи на югъ, на Балканскій полуостровъ, Готы встрѣтили отпоръ со стороны Византіи. Занявъ Поднѣстровье, они распались на два племени: Остготовъ и Вестготовъ, или Грейтунговъ (степныхъ) и Тервинговъ (лѣсныхъ); границей обоихъ племенъ была рѣка Днѣстръ. Остготы утверждаютъ свое господство на Днѣпрѣ и, поддаваясь все тому же инстинкту, который вывелъ ихъ изъ Повислинья, начинаютъ пытаться овладѣть Константинополемъ посредствомъ морскихъ экспедицій.

Остготы въ своей политической и военной дѣятельности въ южной Россіи были прямыми предшественниками Восточныхъ Славянъ. Русскаго историка не можетъ не интересовать каждая частность, относящаяся къ готскому владычеству въ Поднѣпровьѣ. Но Готы осѣли здѣсь въ такое время, когда въ систему европейскихъ народовъ началъ врываться новый потокъ чуждыхъ народностей, когда началось такъ называемое великое переселеніе народовъ.

До IV вѣка европейская система знала періодическія движенія народныхъ полчищъ съ сѣвера на югъ, согласно отмѣченнымъ выше инстинктивнымъ стремленіямъ этихъ народовъ. На югѣ Россіи происходили, правда, передвиженія народовъ, шедшихъ съ востока, но эти передвиженія не нарушали европейской системы, такъ какъ не проникали далеко вглубь Европы и не задерживали движенія съ сѣвера на югъ. Впрочемъ, нѣкоторыя иранскія племена, напр. Язиги, успѣли пробиться и въ центръ Европы, занявъ бассейнъ Тиссы, но эти удары со стороны были сравнительно незначительны. Около I—II в. нашей эры произошло нарушеніе старыхъ отношеній въ другой системѣ народностей Стараго Свѣта, а именно въ той, гдѣ базисомъ, культурнымъ основаніемъ, была территорія современнаго Китая, а периферіей—территорія сѣверной Азіи; такъ же, какъ въ европейской системѣ, въ восточно-азіатской культурной области происходила періодическая смѣна владычествъ сибирскихъ народностей, превращавшихся подъ дѣйствіемъ Китайской культуры изъ дикарей въ варваровъ и стремившихся затѣмъ овладѣть самымъ очагомъ этой культуры. Въ I—II в. Гунны, стремившіеся къ югу для овладѣнія Китаемъ, были, однако, отражены окрѣпшими въ немъ ихъ предшественниками. Разбитые Гунны устремились на западъ, увлекая за собой и другія народности. Готское государство на Днѣпрѣ не могло устоять передъ ихъ натискомъ: въ IV в. разбитые Остготы кинулись къ западу и искали спасенія въ Византійскомъ государствѣ. Гунны остановились въ центральной области Европы, въ современной Венгріи. Имъ удалось организовать большое государство, въ составъ котораго вошли и германскія, и романскія, и кельтскія,

и иллирійскія народности. Государство Аттилы остановило всякое самовольное движеніе европейскихъ народностей.

Славяне, въ предшествующее нашествію Гунновъ время, воспользовались опустѣніемъ Повислинья (изъ котораго ушли Скиры, а затѣмъ—Готы), двинулись изъ своей прародины на югозападъ, заняли Повислинье и, повидимому, готовились идти по слѣдамъ Готовъ на югъ—добывать Балканскій полуостровъ. Свидѣтельствомъ о ихъ движеніи къ югу служитъ то, что сѣверное Повислинье захватывается Прусами, однимъ изъ балтійскихъ племенъ.

Но утвержденіе Гунновъ въ средней Европѣ остановило Славянъ.

Отдѣленіе Западныхъ Славянъ.

Это обстоятельство получило большое значеніе въ дальнѣйшей племенной жизни Славянства: отъ него откололась Западная вѣтвь, которой открылись пути въ Германію съ ея разрѣженнымъ, благодаря передвиженіямъ народныхъ массъ на югъ въ предшествующую эпоху, населеніемъ. Остальное Славянство продолжало совмѣстную жизнь, втягиваясь все болѣе и болѣе въ шедшія съ юга теченія и дожидаясь благопріятнаго момента для достиженія намѣчавшейся ранѣе цѣли—овладѣнія Балканами и сказочнымъ Царьградомъ.

Сравнительное изученіе славянскихъ языковъ даетъ весьма опредѣленныя указанія на то, что славянская семья распалась именно въ указанномъ порядкѣ. Выдѣленіе изъ Славянства Западной вѣтви не помѣшало ему въ оставшейся своей части жить единою племенной жизнью.

Дѣло въ томъ, что Славянскіе языки могутъ быть въ своемъ прошломъ раздѣлены на слѣдующія двѣ группы: группу ***западныхъ языковъ*** (польскій, чешско-словацкій, лужицкіе и др.) и группу ***южныхъ и восточныхъ языковъ*** (***южнославянскіе языки***—болгарскій, сербскій и словенскій—и ***восточнославянскій*** языкъ—русскій).

Вторая группа, въ противоположность первой, представляетъ, въ лицѣ нынѣ принадлежащихъ къ ней языковъ, нѣсколько крупныхъ звуковыхъ явленій, очевидно совмѣстно пережитыхъ этими языками въ то время, когда западная группа уже отдѣлилась отъ нея, не составляла съ нею одного цѣлаго. Явленія эти слѣдующія: 1) въ сочетаніяхъ **dl. tl** въ группѣ ***южныхъ и восточныхъ языковъ*** исчезли **d, t**: ср. такія слова, какъ *сало, мыло, молитва, вела, стола, мела*, которыя въ ***русскомъ*** и въ ***южнославянскихъ языкахъ*** одинаково звучатъ со звукомъ **л**, между тѣмъ какъ въ ***западнослав. языкахъ*** и въ ***общеславянскомъ праязыкѣ***

имѣютъ сочетанія **dl**, **tl**; 2) въ сочетаніяхъ **kv**, **gv** передъ **ѣ** звуки **k** и **g** въ группѣ ***южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ*** переходятъ въ **ć** (**ц**) и **ʒ́**, **ź**, (**дʹзʹ**, **зʹ**): напр. слова *цвѣтъ*, *звѣзда*, *цвѣлить* звучатъ въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ съ **цв**, **зв** (**дзв**), между тѣмъ какъ въ ***западнославянскихъ языкахъ*** подобныя слова произносятся съ **kv**, **gv**, такъ же, слѣдовательно, какъ въ ***общеславянскомъ праязыкѣ;*** 3) третье явленіе въ группѣ ***южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ*** приходится признать діалектическимъ, но это діалектическое явленіе, весьма широко распространенное въ названной группѣ, рѣзко отличаетъ ее отъ группы ***западнославянскихъ языковъ,*** гдѣ явленіе это совсѣмъ не извѣстно; явленіе это слѣдующее: сочетаніе **губной** + **j** переходитъ въ сочетаніе **губной** + **lʹ**; переходъ этотъ охватываетъ весь русскій языкъ, далѣе весь сербскохорватскій и почти весь словенскій языкъ; но въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ, судя по древнеболгарскому, этотъ переходъ имѣлъ также широкое распространеніе, теперь онъ вытѣсненъ; возможно, что вытѣсненіе произошло на почвѣ нефонетической; въ западнославянскихъ языкахъ сохранялось праславянское сочетаніе **губной** + **j**, при чемъ **j** съ теченіемъ времени исчезъ, смягчивъ предшествующій губной.

Итакъ, видимъ, что южные и восточные славянскіе языки объединяются, въ противоположность западнославянскимъ, не пассивнымъ сохраненіемъ унаслѣдованнаго изъ старшей эпохи достоянія, но активнымъ его измѣненіемъ.

Это намекаетъ на то, что оставшаяся (за выдѣленіемъ Западной вѣтви) часть Славянства, была тѣсно объединена культурными или политическими условіями. Съ увѣренностью можно думать о политическомъ объединеніи: его требовала предстоящая борьба—подготовлявшееся активное движеніе на югъ.

Не буду слѣдить за судьбой Западныхъ Славянъ. Укажу только, что движеніе на западъ позже, при благопріятныхъ условіяхъ пріобрѣло и югозападное направленіе: Западные Славяне заняли Чехію, достигая затѣмъ даже Каринтіи и Штиріи, гдѣ они встрѣтились съ Южными Славянами въ ихъ поступательномъ движеніи съ юговостока на западъ по теченію Дуная. На западѣ Славяне достигли Одера, затѣмъ Эльбы, перешли Эльбу и на верхнемъ ея теченіи, и на среднемъ, и на нижнемъ. Но вскорѣ эти Славянскія волны были остановлены германскими политическими организаціями, Славяне были частью покорены и ассимилированы, частью отброшены на востокъ.

Есть основаніе думать, что удары, наносившіеся съ запада, находили себѣ отзвукъ и далеко на востокѣ, что побудило польскія племена къ частичнымъ движеніямъ на востокъ,—въ Бѣлоруссію, къ верх-

нему теченію Днѣпра, а можетъ быть и дальше на востокъ—въ бассейны верхней Волги и Оки. Объ этихъ движеніяхъ польскихъ племенъ скажу ниже. /стр. 61/

Движеніе Южныхъ и Восточныхъ Славянъ къ Дунаю.

Паденіе гунскаго владычества во второй половинѣ **V** вѣка очистило Славянамъ путь на югъ.

Какъ указано, они изъ Повислинья двинулись къ устьямъ Дуная по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, Готовъ. Возможно, что направленіе ихъ движенія не было такъ опредѣленно, что ими имѣлось въ виду достиженіе вообще побережій Чернаго моря и переходовъ черезъ нижній Дунай, для того, чтобы вторгнуться затѣмъ на Балканскій полуостровъ.

Опредѣляя время появленія Славянъ на нижнемъ Дунаѣ, я предпочитаю основываться на историческихъ свидѣтельствахъ, оставляя въ сторонѣ географическую номенклатуру.

О нѣкоторыхъ мнимо-славянскихъ названіяхъ рѣкъ, дошедшихъ до насъ въ источникахъ **I** и **II** в. по Р. Х., мы говорили уже выше (стр. 31). Мало убѣдительнымъ представляется созвучіе со славянскими словами также и нѣкоторыхъ названій, извлеченныхъ изъ памятниковъ **IV—V** в. Сюда относятся, напримѣръ, слѣдующія географическія имена Балканскаго полуострова, встрѣчающіяся въ итинераріяхъ **IV** в.: *Beodizus* (сравнивали со ***славянскимъ*** *Vodica*), *Berozicha* (***слав.*** *Berezica*), *Cosintus* (***слав.*** *Kosnica*, *Kosanica* въ Сербіи) и др. (ср. у А. Нидерле, Slov. starožitnosti, II, 178). Но, конечно, считать подобныя имена славянскими можно только съ большою натяжкой. Славянскій характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно невѣроятенъ при сравненіи съ господствующей на Балканскомъ полуостровѣ оракійской географической номенклатурой. Такъ, Нидерле правильно отрицаетъ славянство имени *Beodizus*, ссылаясь на то, что **-dizus** — обычное оракійское окончаніе (ср. *Ostudizus*, *Tarpodizus*, *Tyrodiza* и т. п.).

Указаніе на древнѣйшія поселенія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ принадлежитъ, какъ думаетъ Нидерле, безпристрастно и глубоко научно изобразившій древнѣйшія судьбы Славянъ, современнику императора Юстиніана **Прокопію**, который въ своемъ трудѣ „De aedificiis“ упоминаетъ о двухъ крѣпостяхъ, возобновленныхъ этимъ императоромъ (въ первую половину его царствованія, относящагося къ **527—565**): эти крѣпости, находившіяся въ современной Добруджѣ, были, по свидѣтельству Прокопія, задолго передъ этимъ заняты Славянами. Отсюда видно, что Славяне попали въ Добруджу въ началѣ **VI** столѣтія, а можетъ быть и еще раньше, въ концѣ **V** столѣтія.

Если справедливы догадки нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что хроника **Марцеллина** (составленная до 534 г.. около этого года) подъ *Гетами* разумѣла Славянъ, то мы найдемъ въ ней опредѣленныя указанія на набѣги Славянъ въ Византійскіе предѣлы въ началѣ **VI** в.: въ **517** г. они вторглись въ Македонію, Ѳессалію и Эпиръ, а въ **530** г. они совершили нашествіе на Иллирикъ.—Отъ **Прокопія** мы узнаемъ, что *Анты* (славянское племя, жившее рядомъ со Σκλαβηνοί) въ царствованіе Юстина (**518—527**), перейдя Дунай, напали на имперію, гдѣ получили пораженіе отъ стоявшаго во главѣ ѳракійскихъ войскъ Германа.

Итакъ, я привелъ основанія, позволяющія отнести появленіе Славянъ у нижняго Дуная къ началу **VI** или къ концу **V** столѣтія.

Болѣе вѣроятнымъ представляется остановиться именно на концѣ **V** столѣтія, ибо врядъ ли послѣ паденія гунскаго владычества могли быть серьезныя препятствія для движенія Славянъ изъ Повислинья на югъ. Аттила умеръ въ **453** году; распаденіе его царства началось съ 454 г. послѣ битвы при Недадѣ, гдѣ Гунны были разбиты соединенными полчищами нѣкогда подвластныхъ имъ Германцевъ — Остготовъ, Гепидовъ, Ругіевъ, Геруловъ и Скировъ. Гунны бѣжали на востокъ, въ южнорусскія степи. Оставленныя ими земли были подѣлены Германцами, при чемъ Ругіи заняли современную Нижнюю Австрію, Скиры сѣли въ сѣверозападной Венгріи, Герулы и Скиры овладѣли остальною Венгріей. Германскія силы явно обращены къ западу Европы.

Ни Герулы, ни Скиры не могли бы остановить Славянъ, которые и овладѣваютъ Галиціей, Буковиной и Трансильваніей.

Распаденіе Южно-восточнаго Славянства и первая прародина Восточныхъ Славянъ (Русскихъ).

Весьма вѣроятно, что движеніе Славянъ шло двумя путями: однимъ—болѣе западнымъ, другимъ—болѣе восточнымъ. Первымъ путемъ пошли предки Южныхъ Славянъ, а вторымъ—предки Славянъ Восточныхъ.

Въ случаѣ если дѣйствительно движеніе направлялось по двумъ путямъ, то именно это движеніе изъ Повислинья на югъ было, можно думать, причиной распаденія Славянства, тогда еще единаго въ большей своей части, на вѣтви Южную и Восточную. Несомнѣнно, однако, что обѣ вѣтви стремились къ одной общей цѣли: обѣ онѣ искали возможности перейти Дунай и проникнуть въ Византійскіе предѣлы. Но эта общая цѣль осуществлялась каждою изъ обѣихъ вѣтвей самостоятельно, что и повело къ

окончательному ихъ разъединенію и къ полному распаденію Южно-восточнаго Славянства.

Объ этихъ двухъ вѣтвяхъ мы узнаемъ отъ Византійцевъ: западную вѣтвь они называютъ Σκλαβηνοί, а восточную—Ἄνται или Ἄντες. **Прокопій** («De bello gothico») сообщаетъ, что *Словѣне* и *Анты*, хотя и не подчиняются владычеству одного общаго царя, но исконно живутъ вмѣстѣ, образуя одно общее государство, управляемое народомъ; раньше они объединялись общимъ именемъ *Spori*.

Сначала, повидимому, дѣйствія Словѣнъ и Антовъ были согласованы между собою, но съ теченіемъ времени стремленіе къ общей цѣли порождаетъ между ними раздоры. Объ этомъ мы узнаемъ отъ Византійцевъ.

Словѣнъ отъ Антовъ отдѣляла повидимому рѣка Прутъ, подобно тому какъ Вестготы отъ Остготовъ были отдѣлены теченіемъ Днѣстра. Но раздоръ со Словѣнами, отрѣзавшими Антамъ возможность овладѣть Балканскимъ полуостровомъ, который они считали своей добычей, отбросилъ Антовъ на востокъ; есть указанія на то, что здѣсь они заняли южную Россію до Днѣпра, переходя и за Днѣпръ и осаживаясь на сѣверѣ отъ Азовскаго моря. Въ концѣ **VI** в., по вполнѣ опредѣленнымъ даннымъ, Анты неоднократно вступаютъ въ союзъ съ Византійцами, точнѣе—нанимаются Византійцами, для борьбы съ западными своими сосѣдями, Словѣнами (ср., въ особенности, свидѣтельство **Михаила Сирійскаго**, у Нидерле II, 214). Походы Антовъ противъ Словѣнъ можно сопоставить, слѣдовательно, съ вызванными византійскими предложеніями походами Святослава противъ Болгаръ.

Отношеніе Словѣнъ къ Антамъ, взаимное ихъ географическое положеніе, общее происхожденіе и послѣдующее расхожденіе — все это даетъ, мнѣ кажется, неопровержимое доказательство въ пользу указаннаго выше отождествленія Словѣнъ съ предками Южныхъ Славянъ и Антовъ—съ предками Славянъ Восточныхъ, т. е. Русскихъ. Исторія русскаго народа должна начинаться, такимъ образомъ, съ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя сохранили намъ источники объ Антахъ. Мы не ставили себѣ цѣлью изучить эти данныя; мы довольствуемся лишь добытымъ выводомъ. Для насъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи особенно важно, что мы получили полную возможность утверждать, что прародиной русскаго народа была территорія Антовъ, слѣдовательно—область между Прутомъ и Днѣпромъ.

Вопросъ о прародинѣ русской, объ исходныхъ пунктахъ колонизаціонныхъ движеній русскаго племени представляется для историка существенно важнымъ; его не можетъ не интересовать опредѣленіе того,

исходили ли эти пути изъ южной Россіи или изъ средней Россіи. Русскую прародину одни искали въ Бѣлоруссіи, другіе — на Карпатахъ; третьи, какъ мы видѣли, ищутъ ее на устьяхъ Дуная, въ бассейнахъ нижнихъ теченій Прута, Днѣстра и Днѣпра. Опредѣленіе исходныхъ путей русской колонизаціи необходимо прежде всего для разъясненія того, какъ распался русскій языкъ на нарѣчія, какъ выдѣлились изъ него тѣ его вѣтви, которыя лежатъ въ основаніи малорусскаго, бѣлорусскаго и обоихъ великорусскихъ нарѣчій.

Вторая прародина Русскихъ.

О первыхъ движеніяхъ русскаго племени изъ его прародины, выше (стр. 46) нами опредѣленной, мы можемъ только гадать.

Такъ, едва ли долго могли удержаться Анты у береговъ Чернаго моря, на нижнихъ теченіяхъ названныхъ рѣкъ и у устьевъ Дуная. Здѣсь, черезъ эти мѣстности пролегалъ путь могущественныхъ кочевыхъ ордъ, господствовавшихъ въ юговосточной Россіи и направлявшихъ свои движенія къ предѣламъ Византійской имперіи, къ нижнему Дунаю. Сначала остатки Гунновъ (Утригуры и Кутригуры), затѣмъ Болгары, позже Авары тревожатъ постоянными набѣгами придунайскія области и частью осаживаются тамъ. Болгары были непосредственными преемниками Гунновъ. Осѣвши въ бассейнѣ Дона, они принимали участіе въ набѣгахъ Утригуровъ и Кутригуровъ, а также Славянъ на Византійскіе предѣлы. Впервые они появились здѣсь въ **482** году въ качествѣ союзниковъ императора Зенона противъ Готовъ, въ **499** году они совершили набѣгъ на сѣверную Ѳракію; слѣдовательно, Болгары приблизились къ Балканскому полуострову и появлялись на немъ еще до прихода Славянъ къ Дунаю. Послѣднее нашествіе гунскихъ Кутригуровъ относится къ **558—559** году. Въ **558** году сѣверную часть бассейна нижняго Дуная заняли Авары, поразивши на своемъ пути гунскихъ Утригуровъ, а также и Антовъ. Въ **567** году Авары овладѣли при помощи Лангобардовъ землею Гепидовъ, которые занимали въ то время значительную часть современной Венгріи до Седмиградья, распространяясь и по правой сторонѣ теченія Дуная и доходя до бассейна нижняго теченія Дравы. Въ **679** году Болгары подъ предводительствомъ Аспаруха заняли устье Дуная, а затѣмъ, перейдя эту рѣку, овладѣли современною Болгаріей, покоривъ себѣ рядъ славянскихъ племенъ, населявшихъ ее.

Итакъ, Анты были побѣждены Аварами въ ихъ движеніи на востокъ. Но едва ли Авары поработили Антовъ. Имѣются, какъ указано выше, [стр. 46]

извѣстія о выступленіяхъ Антовъ противъ Словѣнъ, покоренныхъ, подвластныхъ Аварамъ; эти выступленія вызывались византійскими императорами, пользовавшимися помощью Антовъ въ борьбѣ съ каганомъ Аварскимъ. Представляется правдоподобнымъ, что нашествіе Аваровъ, а затѣмъ и Болгаръ, отбросило Антовъ отъ Чернаго моря и отъ степныхъ его прибережій къ сѣверу, въ области, лежавшія по среднему теченію Днѣстра и Днѣпра. — Впрочемъ, часть Антовъ могла оказаться и подъ владычествомъ Аваровъ. Словѣне и Анты, Южные и Восточные Славяне, называли Аваровъ *Обрами*. Начальная русская лѣтопись сохранила преданіе о покореніи одного изъ русскихъ (слѣдовательно, антскихъ) племенъ Обрами, а именно племени Дулѣбовъ; не думаю, чтобы преданіе это было перенесено изъ болѣе западной области, гдѣ были извѣстны чешскіе Doudleby, несомнѣнно находившіеся подъ игомъ Аваровъ: наличность на Руси пословицы «*погыбоша аки Обри*» (ее приводитъ лѣтописецъ) показываетъ, что объ Обрахъ знали и помнили именно русскія племена.

Едва ли Анты могли удержаться на пути движенія кочевниковъ: постоянное разореніе истощило бы ихъ жизненныя силы и не дало бы имъ возможности сколько-нибудь развить племенное единство; Антамъ грозило бы или уничтоженіе или раздробленіе. Чувство самосохраненія привело ихъ къ движенію въ болѣе сѣверныя области, лежащія вверхъ по Днѣпру и Днѣстру, слѣдовательно—въ современную Волынскую и сѣверную часть Кіевской губерніи.

Эти области я и считаю колыбелью русскаго племени, русскою прародиной.

Неяснымъ представляется, кого застали здѣсь Восточные Славяне. Исконно, какъ мы знаемъ (стр. 33, 37, 39), здѣсь жили Западные Финны. Но вѣроятно, что еще раньше VI вѣка, къ которому относимъ утвержденіе Славянъ на Волыни, Финновъ потянуло къ сѣверу. Я указывалъ выше, что, благодаря своему географическому положенію, Финны находились въ зависимости отъ двухъ культурныхъ районовъ: сѣвернаго—Балтійскаго—и южнаго—Черноморскаго. Нашествіе Гунновъ довершило культурное паденіе Черноморскаго побережья, давно уже потрясеннаго владычествомъ тамъ сѣверныхъ варваровъ. Это, въ связи съ переходомъ Славянъ въ Повислинье и открывшеюся, такимъ образомъ, для Финновъ возможностью пробиться къ Балтійскому морю, привело ихъ къ движенію на сѣверъ. Упорная борьба съ Балтійцами размежевала между Финнами и Балтійцами Прибалтійскія области. Такимъ образомъ, вслѣдъ за уходомъ Финновъ, потомковъ геродотовскихъ *Невровъ*, Волынь едва ли была густо населена до прибытія туда Восточныхъ Славянъ: здѣсь могли укрываться болѣе или менѣе

незначительные остатки различныхъ племенъ иранскаго, германскаго, а можетъ быть еще и финскаго происхожденія.

Восточные Славяне, овладѣвая Волынью, а позже и всѣмъ среднимъ Поднѣпровьемъ, шли, согласно предидущему, съ юга, съ устьевъ Дуная. Возможно, что память о пребываніи на Дунаѣ, о движеніи съ Дуная, долго держалась въ восточно-славянскомъ племени: **Несторъ** въ началѣ **XII** в. выводилъ всѣхъ Славянъ съ Дуная. Представленіе объ единствѣ Славянъ онъ заимствовалъ несомнѣнно изъ памятника, обязаннаго своимъ происхожденіемъ западнославянскимъ ученикамъ Кирилла и Меѳодія, но мысль о Дунайской прародинѣ едва ли не была заимствована Несторомъ изъ русскаго народнаго преданія. —Движеніе съ юга на сѣверъ, ни въ коемъ случаѣ не съ сѣвера на югъ, свидѣтельствуется и слѣдующими двумя рѣчными названіями: одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Южнаго Буга называется *Десной* и такъ же называется лѣвый притокъ Днѣпра; очевидно, эти рѣки приходились справа шедшему вверхъ по теченію населенію

Первое раздробленіе русской семьи.

Разселеніе Восточныхъ Славянъ имѣло, согласно предидущему, исходными точками Волынь. Постепенный ходъ восточнославянской колонизаціи, ея пути и главныя направленія могутъ быть изображены только гадательно. Въ лѣтописи **XI** в. ясно опредѣляется область распространенія восточнославянскаго племени. Въ Несторовой лѣтописи начала **XII** в. ретроспективно выясняются главныя племенныя группы, на которыя въ давнее время распалось Восточное Славянство. Современныя этнографическія и, въ особенности, лингвистическія данныя восполняютъ историческія свѣдѣнія весьма опредѣленными, частью непререкаемыми данными.

Но прежде чѣмъ перейти къ предположеніямъ относительно того, какъ совершалось первоначальное разселеніе Восточныхъ Славянъ, скажу нѣсколько словъ объ окружавшихъ ихъ родину народностяхъ, а также о культурно-экономическихъ условіяхъ, управлявшихъ ихъ жизнью.

На западѣ границей русской колыбели были Карпаты и рѣка Западный Бугъ. За этой границей сидѣли другіе Славяне—Поляки, которыхъ Восточные Славяне называли *Ляхами*; ихъ землю они называли *Лядьскою* землею. Возможно, что *лада* или *ладь* первоначально означало нѣкогда германское Повислинье, передавая германское слово *Land*. Поляки, благодаря ихъ соприкосновеніямъ съ западной Европой, впослѣдствіи могли оказывать на Восточное Славянство извѣстное культурное вліяніе, но въ то отдаленное время, о которомъ идетъ рѣчь,

едва ли сношенія обѣихъ разошедшихся вѣтвей могли быть сколько-нибудь значительными.

На югѣ Восточное Славянство граничило со степью. Степь едва ли была особенно населенною, но она была всегда открыта для разныхъ кочевниковъ: Восточнымъ Славянамъ приходилось защищать свою границу, но при наступленіи благопріятныхъ условій они сами переходили ее, осуществляя свои земледѣльческіе интересы и захватывая плодородныя земли. Съ юга не могло идти культурныхъ вліяній: Южное Славянство и Балканскій полуостровъ были отдѣлены отъ Волынскаго Полѣсья малодоступною въ то время степью.

На восточной границѣ Днѣпръ естественно соединялъ Восточное Славянство съ противоположнымъ, лѣвымъ берегомъ. Кто жилъ въ лѣвобережномъ Поднѣпровьѣ, неясно. Возможно, что здѣсь все еще сидѣли Восточные Финны, которые жили тутъ, какъ мы видѣли, во времена Геродота. Но лицомъ своимъ Восточные Финны были обращены уже не къ югу, не къ Черноморской культурѣ, въ то время угасшей, а къ юговостоку и востоку, гдѣ складывалась своебытная культура, питаемая различными путями, приводившими съ юга къ Каспійскому и Азовскому бассейнамъ. Восточные Финны, если они подъ вліяніемъ теченій, втягивавшихъ ихъ въ сферу указанной Восточной культуры, не покинули своихъ исконныхъ поселеній еще раньше, были принуждены къ тому напоромъ Восточныхъ Славянъ съ запада.

Во всякомъ случаѣ Восточные Славяне, въ скоромъ времени послѣ своего утвержденія на Волыни, должны были занять и лѣвый берегъ Днѣпра. И это, какъ кажется, повело за собой первое раздробленіе русской семьи.

Лѣвобережная часть русскаго племени въ значительной части своей сохраняла тѣсную связь съ правобережною частью; но вмѣстѣ съ тѣмъ она выдѣлила изъ себя особую вѣтвь—Восточнорусскую, которая, какъ кажется, благодаря тѣмъ или инымъ условіямъ, втянулась въ сферу восточной и юговосточной культуры, только-что нами упомянутой. Послѣднее обстоятельство опредѣлило и дальнѣйшія колонизаціонныя движенія Восточной вѣтви русскаго племени: Восточнорусы перешли изъ Днѣпровскаго бассейна въ Донецкій, осаживаясь по Сѣверному Донцу и Осколу.

Лѣвобережной части русскаго племени открылось еще и другое колонизаціонное движеніе: оно по линіи наименьшаго сопротивленія направилось къ сѣверу, по теченію Днѣпра. Это движеніе привело Русскихъ въ сѣверное Поднѣпровье, откуда они завладѣли истоками Западной Двины, Ловати и Волги, что открывало для нихъ возможность широкаго распространенія по сѣверо-

западу, сѣверу и сѣверовостоку Россіи. Такъ выдѣлилась изъ общерусской семьи ея Сѣверная вѣтвь.

На старыхъ мѣстахъ—въ районѣ средней части Днѣпровскаго бассейна и Днѣстровскаго бассейна—осталась только Южная вѣтвь; ея колонизаціонныя движенія направились къ югу, юговостоку и югозападу, какъ только открылись для этого благопріятныя условія. (см. стр. 63-64).

Разсмотрю нѣсколько подробнѣе тѣ условія, въ которыхъ оказались всѣ три вѣтви русскаго племени: ***Восточная, Сѣверная*** и ***Южная.***

Восточная вѣтвь Русскихъ Славянъ.

Средоточіемъ Восточной вѣтви, какъ предположено (стр. 50), былъ бассейнъ средняго теченія Донца и Дона. Здѣсь она съ сѣвера и востока была окружена восточнофинскими племенами. На югѣ, къ Азовскому и Черному морю сидѣли кочевыя тюркскія орды и среди нихъ въ **VI** вѣкѣ, когда впервые обозначились движенія Восточныхъ Славянъ,—гунскія племена Кутригуровъ и Утригуровъ; къ такому именно моменту относится показаніе византійца **Прокопія** о томъ, что *къ сѣверу отъ Утригуровъ сидятъ безчисленныя племена Антовъ* (ср. стр. 46).

Съ теченіемъ времени, когда югъ Россіи оказался подъ господствомъ Хазаръ, Восточнорусы продвинулись значительно къ югу, заселяя нижнее Подонье и доходя до Азовскаго моря. Это относится къ **VII** и **VIII** вѣкамъ.

Изъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей видно, напримѣръ, что уже въ первой половинѣ **VIII** в. Славяне (по нашему опредѣленію Восточнорусы) сидѣли въ землѣ Хазаръ на Дону, который Арабами называется «*Славянскою рѣкой*». Арабскій географъ **Масуди**, жившій въ первой половинѣ **X** вѣка, сообщаетъ, что берега Дона населяетъ многочисленный славянскій народъ и иные сѣверные народы. У Арабскихъ писателей есть даже указанія на какой-то родъ Славянъ въ горахъ Кавказскихъ.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находится то, что мы узнаемъ о восточнорусскихъ поселеніяхъ на юговостокѣ изъ нашихъ лѣтописей.

Во-первыхъ, русскимъ городомъ оказывается Тмуторокань, на восточномъ берегу Азовскаго моря. Городъ этотъ былъ средоточіемъ волости, населенной въ извѣстной части несомнѣнно русскимъ племенемъ. Впервые узнаемъ объ этой русской волости при распредѣленіи

земель между сыновьями Владиміра: ее получаетъ въ удѣлъ одинъ изъ младшихъ сыновей — Мстиславъ.

Во-вторыхъ, **лѣтопись**, сообщая о походѣ Святослава въ **964** году противъ Хазаръ, жившихъ въ юговосточной Россіи (главнымъ средоточіемъ ихъ былъ Итиль, современная Астрахань), повѣствуетъ о томъ, что Святославъ, идя на Хазаръ, натолкнулся на Вятичей, *Вятичи* же были несомнѣнно русскимъ племенемъ, какъ видно изъ другихъ указаній; покореніе Святославомъ Вятичей ставится лѣтописцемъ въ связь не только съ походомъ Святослава на Хазаръ, но также и съ пораженіемъ имъ Хазаръ; взятіе Бѣлой Вежи, хазарскаго города, лежавшаго на правомъ берегѣ Дона, привело Святослава къ столкновенію съ Ясами и Касогами, т. е. сѣвернокавказскими племенами (современные намъ Осетины и Черкесы, преимущественно Кабардинцы), а также съ Вятичами, которыхъ онъ покоряетъ своей власти: «*и Ясы побѣди и Касогы... Побѣди Святославъ Вятичь, и дань на нихъ вѣзложи*». Впрочемъ, **лѣтопись** сообщаетъ о покореніи Вятичей и вторично — въ результатѣ двукратнаго похода на нихъ Владиміра Святославича въ **981** и **982** году.

Совершенно естественно связать это покореніе Вятичей Кіевской державѣ съ образованіемъ въ ней Тмутороканской волости.

Правда, связь Тмуторокани съ Вятичами можетъ представиться весьма сомнительною, если мы сообразимъ, что Вятичи, по свидѣтельству „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, сидѣли по Окѣ (ср. съ этимъ въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ отождествленіе Вятичей съ Рязанцами), но въ виду сдѣланныхъ уже выше (стр. 50) указаній вѣроятно, что первоначальнымъ и главнымъ средоточіемъ Вятичей, т. е. Восточнорусской вѣтви, было сѣверное Подонье; отсюда, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ (а таковымъ было господство Хазаръ, обезпечившее безопасность и давшее государственное устройство южной Руси), Вятичи распространялись къ югу, доходя до береговъ Азовскаго моря; отсюда же велось ими наступленіе на сѣверъ—въ Пріокскія земли, ставшія съ теченіемъ времени, какъ увидимъ, главнымъ ихъ средоточіемъ.

Такимъ образомъ, видимъ, что Восточнорусы, отошедши отъ первоначальной своей базы—восточнаго берега средняго теченія Днѣпра,—оказались въ сферѣ совершенно иныхъ культурныхъ и этнографическихъ отношеній, чѣмъ русское населеніе Поднѣпровья. Послѣдующія движенія ихъ на юговостокъ, съ одной стороны, и на сѣверовостокъ, съ другой стороны, еще болѣе отдѣляютъ ихъ отъ другихъ русскихъ племенъ.

Такому предполагаемому обособленію Восточнорусовъ соотвѣтствовало, конечно, и отдѣленіе ихъ нарѣчія отъ другихъ русскихъ нарѣчій. О нарѣчіи Восточнорусовъ или Вятичей мы ничего не знаемъ изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго письма, но мы можемъ опредѣлить его главныя черты на основаніи тѣхъ русскихъ говоровъ, которые являются непосредственными преемниками восточнорусскаго нарѣчія.

На основаніи всего того, что сказано о географическомъ распространеніи Восточнорусовъ, ясно, что ихъ потомковъ мы должны искать прежде всего на нашемъ востокѣ, и въ частности—на юговостокѣ: въ современной Рязанской, Тульской и смежныхъ губерніяхъ. Въ настоящее время эти мѣстности принадлежатъ къ области распространенія южновеликорусскаго племени. Выводъ о томъ, что предками Южновеликорусовъ были Восточнорусы — Вятичи, — представляется совершенно несомнѣннымъ.

Наиболѣе характерною діалектическою чертой, отдѣляющею южновеликорусское нарѣчіе какъ отъ сѣверновеликорусскаго, такъ и отъ малорусскаго, является ослабленіе гласныхъ **а**, **о**, **е** въ слогахъ неударяемыхъ. Звукъ **о**, напримѣръ, совершенно неизвѣстенъ въ *южновеликорусскомъ нарѣчіи* въ неударяемомъ положеніи; въ слогѣ предударномъ онъ замѣняется черезъ **а**, въ другихъ неударяемыхъ слогахъ — черезъ звукъ неполнаго образованія, который обозначимъ совершенно условно буквой **ъ** (имѣю въ виду тотъ звукъ, который слышится, напримѣръ, въ первомъ слогѣ словъ *старика́*, *волоса́*, *положи́*, или во второмъ слогѣ словъ *íóлову*, *ста́роста*); впрочемъ, въ началѣ слова, а діалектически и въ конечномъ открытомъ слогѣ, **ъ** замѣняется черезъ **а**: напр. *атадв'и́н'*, *атказа́т'*, *діалект. сло́ва* (ср. *московское* произношеніе *сло́въ*).—Явленіе это, извѣстное подъ обобщающимъ одну часть его названіемъ *аканія*, представляется весьма древнимъ. Правда, оно не засвидѣтельствовано сколько-нибудь древними памятниками (*аканіе* пробивается на письмѣ не ранѣе **XIV** в.), но это зависѣло отъ общей консервативности нашего письма (не забудемъ, что и до сихъ поръ наша письменность, несмотря на акающій характеръ живой рѣчи образованныхъ классовъ, не допускаетъ проявленія *аканія* и другихъ сродныхъ съ нимъ явленій на письмѣ); это зависѣло также и отъ того, что культура и образованность сосредоточивались въ древней Руси преимущественно въ областяхъ, занятыхъ нарѣчіемъ сѣвернымъ (центры—Новгородъ, Ростовъ, Владиміръ) и южнымъ (центры—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и др.). Древность *аканія* доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что оно развилось, конечно, раньше того тѣснаго сожи-

тельства Восточнорусовъ съ Сѣвернорусами, которое имѣло мѣсто, съ теченіемъ времени, въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги, ибо въ это время, какъ увидимъ, развивались въ обоихъ нарѣчіяхъ—восточнорусскомъ и сѣвернорусскомъ—явленія, сближавшія ихъ, а никакъ не разъединявшія; во-вторыхъ, тѣмъ, что ***аканіе*** извѣстно и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, между тѣмъ какъ отдѣленіе бѣлорусскаго нарѣчія отъ потомка восточнорусскаго нарѣчія — нарѣчія южновеликорусскаго — относится къ эпохѣ не болѣе позднѣй, чѣмъ **XIII** вѣкъ. Въ настоящее время южновеликорусское нарѣчіе представляетъ рядъ чертъ, общихъ съ нарѣчіемъ сѣверновеликорусскимъ, но все это—черты позднѣйшія (напр. окончаніе **-ой** вм. **-ый** въ *им. вд. худой*, или **о** вмѣсто **ы** въ *мою*); напротивъ, можно указать одну древнюю черту, сближавшую восточнорусское нарѣчіе именно съ южнымъ, а не съ сѣвернымъ, — это произношеніе γ (**h**), чуждое сѣверному нарѣчію, сохраняющему **г взрывное** (**g**): ***восточнор.*** и ***южнор.*** *γость* при ***сѣвернор.*** *гость* (съ **г**=**g**). О дальнѣйшей судьбѣ восточнорусскаго нарѣчія скажу ниже.

Сѣверная вѣтвь Русскихъ Славянъ.

Сѣверная вѣтвь русскаго племени заняла, какъ мы видѣли (стр. 50), мѣстность, откуда вытекаютъ рѣки Днѣпръ, Западная Двина, Великая, Ловать и Волга. Отсюда Сѣвернорусы распространились въ бассейнахъ рѣкъ Западной Двины (однако только ея верхняго теченія), Волги (также только верхняго ея теченія), Великой и Ловати, продвигаясь черезъ нее къ озеру Ильменю, а затѣмъ, черезъ Волховъ, къ Ладожскому озеру.

Несмотря на такой широкій районъ своего распространенія, сѣвернорусское нарѣчіе сохраняетъ во всѣхъ своихъ говорахъ нѣкоторыя типичныя черты произношенія: сюда относится, напр., ***смѣшеніе*** звуковъ **ч** и **ц** или ***совпаденіе*** ихъ въ одномъ общемъ шепелявомъ звукѣ, который обозначается часто буквой **ц** съ надписанной надъ нею маленькой буковкой **ч** и который въ дальнѣйшемъ будемъ называть **ц шепелявое**. Это обстоятельство позволяетъ заключить, что такое общее всему сѣвернорусскому нарѣчію явленіе развилось въ той области, гдѣ Сѣвернорусы сидѣли до своего расхожденія въ направленіяхъ сѣверозападномъ, сѣверномъ и сѣверовосточномъ, слѣдовательно—въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ.

Какъ предположено выше (стр. 50, 54), Сѣвернорусы, въ предѣлахъ общей всему русскому племени прародины, сидѣли къ сѣверу отъ остальной части этого племени; со временемъ теченіе Днѣпра привело ихъ въ указанную выше область; слѣдовательно, отмѣченная звуковая черта, ***смѣ-***

шеніе **ч** и **ц**, развилась или въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, или еще сѣвернѣе — тамъ, гдѣ Днѣпръ беретъ свое начало.

Само по себѣ вѣроятно объяснить ***смѣшеніе*** **ч** и **ц**, какъ черту, развившуюся на почвѣ столкновенія съ иноязычными элементами. Фонетическія измѣненія, разнородныя по существу своему, представляютъ вообще замѣну однихъ звуковъ другими, одного произношенія другимъ, оказавшимся почему-либо болѣе удобнымъ, болѣе приспособленнымъ къ условіямъ, переживаемымъ говорящими; сюда же можетъ быть отнесенъ переходъ **ч** и **ц** въ **ц шепелявое.** Но ***смѣшеніе*** звуковъ **ч** и **ц** (замѣна **ч** черезъ **ц** и рядомъ—обратная замѣна, **ц** черезъ **ч**) едва ли можно объяснить иначе, какъ смѣшеніемъ двухъ говоровъ, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ не зналъ звука **ч** или **ц**, а другой сохранялъ оба звука въ первоначальномъ ихъ употребленіи. Не отрицая, такимъ образомъ, возможности того, что смѣшеніе **ч** и **ц** могло произойти на русской почвѣ безъ иноязычнаго вліянія, я нахожу, однако, болѣе вѣроятнымъ — разъ дѣло идетъ о ***смѣшеніи*** звуковъ—думать именно о вліяніи другого языка на развитіе разсматриваемаго явленія.

Утрата звука **ч** или **ц** (поведшая впослѣдствіи къ смѣшенію **ч** и **ц** въ результатѣ вліянія одного говора на другой) можетъ быть легко объяснена вліяніемъ такой діалектической и, при томъ, иноязычной среды, которая не знала или звука **ч**, или звука **ц**. Ср., напр., утрату ***общеславянскаго звука*** **ѣ** (**л**) въ нѣкоторыхъ ***западнославянскихъ*** и въ ***южнославянскихъ*** языкахъ, замѣнившихъ его черезъ **і** подъ вліяніемъ сосѣднихъ языковъ, не знавшихъ произношенія **ѣ**; подобная же замѣна **ѣ** черезъ **і** извѣстна во многихъ сѣверорусскихъ говорахъ (преимущественно у женщинъ), при чемъ можно съ вѣроятностью думать о вліяніи на такую замѣну финской среды.

Принимая во вниманіе, что нѣкоторымъ финскимъ языкамъ, а именно западнофинскимъ, чуждъ звукъ **ч**, я считалъ бы возможнымъ допустить, что то или иное русское нарѣчіе подъ вліяніемъ Финновъ замѣнило **ч** черезъ **ц**, при чемъ смѣшеніе **ч** и **ц** было вызвано, въ дальнѣйшемъ, смѣшеніемъ этого русскаго нарѣчія съ другими. Не подлежитъ сомнѣнію, что Сѣверорусы въ своемъ поступательномъ движеніи въ сѣверное Поднѣпровье могли встрѣтиться именно съ Финнами: современное распространеніе Финновъ само по себѣ свидѣтельствуетъ о возможности столкновенія ихъ предковъ съ Сѣверорусами и, при томъ, именно въ болѣе южныхъ областяхъ, откуда ихъ вытѣснили эти Сѣверорусы; замѣчу еще, что нѣкоторыя названія рѣкъ въ бассейнѣ

сѣвернаго теченія Днѣпра носятъ явный финскій характеръ (ср. *Осьма*, *Вязьма);* обращу Ваше вниманіе наконецъ и на то, что съ Волгой русскіе познакомились, пробиваясь черезъ Финновъ, какъ видно изъ финскаго характера названія *Волги* (проф. А. Л. Погодинъ сблизилъ названіе *Волга* съ *финск.* корнемъ *valg—valk*, означающимъ бѣлое, свѣтлое).

Несмотря, однако, на всю правдоподобность того, что сѣверно-русскіе говоры могли утратить звукъ **ч** подъ вліяніемъ финской среды, я считалъ бы болѣе вѣроятнымъ допущеніе еще одного иноязычнаго вліянія. Вліяніе финской среды удовлетворительно объяснило бы вытѣсненіе звука **ч** черезъ **ц**, а также діалектическое вытѣсненіе **ш, ж** черезъ **с, з** (въ *древнепсковскомъ* говорѣ, о чемъ ниже), но едва ли оно могло повести къ замѣнѣ **ч** и **ц** черезъ **ц шепелявое,** равно какъ къ діалектической замѣнѣ **ш, ж** и **с, з** черезъ **с, з шепелявыя.** Восточно-польскіе говоры, иначе *мазурскіе*, характеризуются утратой шипящихъ **ш, ж, ч,** замѣненныхъ черезъ **с, з, ц,** при чемъ исконно мягкія **с, з,** а также **ц** (изъ **т** мягкаго) произносятся въ этихъ говорахъ, такъ же какъ въ другихъ польскихъ говорахъ, шепеляво. Утрата шипящихъ въ *мазурскихъ* говорахъ, по высказанному мелькомъ въ печати предположенію проф. Бодуэна-де-Куртенэ, могла произойти подъ финскимъ вліяніемъ.

Конечно, *мазураканіе* (этимъ терминомъ обозначается замѣна шипящихъ свистящими) могло произойти совершенно независимо отъ смѣшенія **ч** и **ц** въ русскихъ говорахъ. Но эта возможность значительно ослабляется, какъ только мы сообразимъ, во-первыхъ, географическую сопредѣльность сѣверорусскихъ говоровъ съ восточнопольскими: сопредѣльность эта засвидѣтельствована сообщеніемъ, и при томъ двукратнымъ, **русской лѣтописи** о томъ, что Радимичи, сидѣвшіе на лѣвомъ побережьѣ верхняго теченія Днѣпра, между Днѣпромъ и Сожемъ (въ современной Могилевской губерніи), были *отъ рода ляховъ*; во-вторыхъ, когда примемъ во вниманіе, что сѣверорусскіе говоры представляли и другіе элементы, заимствованные изъ польской языковой области; сюда относится, напр., *псковское* **гл**, развившееся непосредственно изъ **дл**, въ соотвѣтствіи съ *общерусскимъ* **л** (польскимъ **ł**).

Оба указанныя обстоятельства даютъ намъ основаніе предполагать, что сѣверорусскіе говоры находились одно время подъ польскимъ вліяніемъ; слѣдовательно, и смѣшеніе въ нихъ **ч** и **ц**, такъ же какъ діалектическое смѣшеніе **ж, ш** и **з, с**, равно и шепелявое произношеніе **ц, з, с**, замѣнявшихъ какъ **ч, ж, ш**, такъ и **ц, з, с**, могло возникнуть въ сѣверорусскомъ нарѣчіи и его діалектахъ подъ вліяніемъ именно польской языковой среды. Нашъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе

въ только-что приведенномъ свидѣтельствѣ **лѣтописи:** въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, у самаго Днѣпра,—слѣдовательно на пути движенія Сѣверянъ въ бассейны Западной Двины, Ловати и Волги,—сидѣло ляшское племя Радимичей.—Свидѣтельство лѣтописи заподозрѣвается нѣкоторыми изслѣдователями: Ключевскій и другіе указывали, что выраженіе лѣтописи *отъ рода ляховъ* можетъ быть понимаемо какъ свидѣтельство о движеніи Радимичей съ запада, отъ ляшскихъ предѣловъ. Но утвержденіе лѣтописи слишкомъ опредѣленно; она подъ **984** годомъ говоритъ: «*Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ, пришедше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне*».

Въ настоящее время въ значительнѣйшей части Бѣлорусской языковой области обнаруживаются звуковыя особенности, сближающія ихъ съ польскими говорами. Сюда относятся *дзеканье* и *цеканье*, то есть произношеніе **т'** и **д'**, какъ **ц'** и **дз'**. Эта звуковая черта усиливается на западѣ, ослабляясь къ востоку. Въ указываемомъ фактѣ можно видѣть доказательство западнаго происхожденія *бѣлорусскаго дзеканья и цеканья*, а слѣдовательно—общаго происхожденія его съ *польскимъ дзеканьемъ* и *цеканьемъ*, отличающимся отъ *бѣлорусскаго дзеканья* и *цеканья* своею шепелявостью; впрочемъ, *шепелявое дзеканье и цеканье* было свойственно древнимъ бѣлорусскимъ говорамъ, какъ можно заключить, напримѣръ, изъ извѣстнаго Супрасльскаго сборника **XVI** в., содержащаго между прочимъ Литовско-русскую лѣтопись (здѣсь вмѣсто слоговъ **ти, те, тѧ** находимъ написанія **чи, че, чѧ**).

Присутствіе въ бѣлорусской рѣчи польскихъ звуковыхъ чертъ можетъ быть объяснено удовлетворительно при допущеніи этнографическаго смѣшенія Бѣлорусовъ съ Поляками, а такое смѣшеніе особенно естественно при наличности въ древности на бѣлорусской территоріи польскихъ поселеній. Можно догадываться, что Радимичи были соединены съ польской языковою областью цѣлымъ рядомъ посредствующихъ поселеній, занятыхъ болѣе или менѣе значительными группами польскихъ племенъ. Объ этихъ послѣднихъ племенахъ не упоминаетъ русская лѣтопись, но она и не могла задаваться цѣлью дать подробный этнографическій обзоръ земель, занятыхъ русскими племенами или сосѣднихъ съ ними, тогда какъ упомянуть о ляшскихъ Радимичахъ было естественно и необходимо вслѣдствіе положенія ихъ у Днѣпра, слѣдовательно на великомъ водномъ пути, соединявшемъ Кіевъ съ Новгородомъ. Обладаніе этимъ путемъ досталось Восточному Славянству не даромъ: оно потребовало продолжительной борьбы и великихъ усилій со стороны Русскихъ Славянъ. Борьба велась и съ Балтійцами, въ лицѣ литовскихъ племенъ, и съ Финнами; но, какъ видно изъ лѣтописнаго сообщенія **984** года, борьба велась также и съ польскимъ племенемъ Радимичей.

Радимичи, судя по „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, были покорены еще Олегомъ въ **885** году; не придаю значенія этой хронологической датѣ (хронологія русской лѣтописи до **945** представляется произвольной, искусственно построенной), но самый фактъ покоренія Олегомъ Радимичей представляется вѣроятнымъ. Олегъ былъ несомнѣнно обладателемъ воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки» или, по крайней мѣрѣ, части этого пути; память о томъ, что Радимичи были покорены Олегомъ, могла сохраниться въ той или иной пѣснѣ, въ томъ или иномъ преданіи, посвященномъ этому князю; пѣсня или преданіе могли сохранить перечень тѣхъ племенъ и народовъ, съ которыми Олегъ ходилъ добывать Царьградъ; въ этомъ перечнѣ назывались и Радимичи (ср. такой перечень въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ **907** годомъ; замѣчу, что Вятичей въ этомъ перечнѣ, судя по древнѣйшему списку, Ипатьевскому, не было; они были вѣдь покорены позже, при Святославѣ). Изъ такого перечня лѣтописецъ заключилъ о покореніи Радимичей Олегомъ и пріурочилъ его къ **885** году, какъ одному изъ ближайшихъ послѣ **882** г., когда Олегъ водворился въ Кіевѣ и началъ объединять сосѣднія племена подъ своею властью. Но возможно, что составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ зналъ о прошломъ Радимичей не только изъ пѣсни о вѣщемъ Олегѣ. Я прочту Вамъ лѣтописное сообщеніе о покореніи Радимичей Олегомъ. «*Въ лѣто* **6393**. *Посла къ Радимичемъ, рька: „Кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“; и вдаша Ольгові по щьлягу, якоже и Козаромъ даяху*». Итакъ, лѣтописецъ зналъ, что Радимичами обладали Хазары. Насъ поражаетъ прежде всего возможность хазарскаго владычества въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, въ современной Могилевской губерніи. Разсказъ о покореніи Радимичей Олегомъ сильно напоминаетъ сообщеніе „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, перешедшее въ нее изъ старшаго свода, Начальнаго свода (онъ сохранился въ отрывкахъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи), о покореніи Святославомъ Вятичей. Мы говорили уже объ этомъ сообщеніи. Оно изложено подъ **964** годомъ такъ: «*И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „Кому дань даете“? Они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ“*». Мнѣ кажется, что сообщеніе о покореніи Радимичей составлено по образцу сообщенія о покореніи Вятичей: послѣднее представляется болѣе обстоятельнымъ. Вятичи отвѣчаютъ: «*по щьлягу отъ рала даемъ*», между тѣмъ какъ Радимичи — « *вдаша Ольгові по щьлягу*», т. е. безъ опредѣленія единицы обложенія. Слѣдовательно, и фактъ владычества Хазаръ надъ Радимичами могъ быть сочиненъ лѣтописцемъ подъ вліяніемъ разсказа о покореніи Вятичей. Но что же побуждало лѣтописца связать Вятичей съ Радимичами и сочинять разсказъ объ ихъ покореніи по образцу разсказа о покореніи Вятичей? Разгадку находимъ въ преданіи, сообщенномъ составителемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ началѣ

своего труда: «*Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко, и прешедъша сѣдоста Радимъ на Сожю, и прозвашася Радимичи, а Вятько сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи*». Итакъ, предполагаемая общность происхожденія—вотъ что связывало въ представленіи лѣтописца Вятичей съ Радимичами. Легенда же объ общности происхожденія, какъ мнѣ кажется, возникла въ результатѣ давнишняго сосѣдства, а можетъ быть и смѣны общей территоріи. Вятичи, какъ мы видѣли (стр. 52), сидѣли исконно въ сѣверномъ Подоньѣ, продвинувшись лишь позже въ бассейнъ Оки.

У насъ является предположеніе, не сидѣли ли Радимичи раньше на Окѣ и не продвинулись ли они къ Днѣпру позже, въ результатѣ напора со стороны занявшихъ ихъ область Вятичей? О движеніи племенъ съ юговостока и востока на сѣверозападъ я скажу дальше, такъ какъ оно относится къ позднѣйшей эпохѣ, а мы въ настоящую минуту интересуемся древнѣйшею, когда происходили первыя колонизаціонныя движенія русскихъ племенъ. Здѣсь же ограничусь такимъ заключеніемъ: 1) сѣверное Поднѣпровье было нѣкогда занято ляшскими племенами; 2) возможно, что напоръ Сѣверянъ отбросилъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ къ востоку.

И вотъ это обстоятельство—необходимость пробиться черезъ ляшскую среду для дальнѣйшаго движенія къ сѣверу—наложило, какъ мнѣ кажется, отпечатокъ на все сѣверянское нарѣчіе. Одни говоры его стали *цокать*, то есть по примѣру мазуракающихъ говоровъ замѣнили **ч** на **ц**, другіе—заимствовали изъ польскихъ говоровъ **шепелявое ц**, замѣняя имъ свое **ц** и **ч**, третьи—смѣшали **ч** и **ц**.

Мы имѣемъ основаніе думать, что преграда, лежавшая передъ Сѣверянами въ видѣ ляшскихъ говоровъ, была легче сломлена въ восточномъ направленіи, чѣмъ въ западномъ, точнѣе—сѣверозападномъ.

Восточныя вѣтви Сѣверянъ, занимая бассейнъ Ловати и верхней Волги, оттѣснили ляшскія племена на востокъ: мы только-что указали на вѣроятность движенія Радимичей въ область Оки.

Но западнымъ вѣтвямъ сѣверянскимъ пришлось осаживаться въ новыхъ областяхъ вмѣстѣ съ покоренными ляшскими племенами. Эти западныя вѣтви заняли бассейны верхняго теченія Западной Двины, рѣки Великой и Чудскаго озера, слѣдовательно—современныя Витебскую, Псковскую и часть Смоленской губерніи.

Сожительство Русскихъ Славянъ съ ляшскими племенами въ указанныхъ областяхъ свидѣтельствуется, какъ мнѣ кажется, ляшскими особенностями, проникшими въ сѣверозападныя русскія нарѣчія. Имѣю

въ виду говоры Полоцкой и Псковской области. ***Полоцкіе говоры,*** какъ увидимъ, испытали со временемъ сильное вліяніе со стороны центральной части Бѣлоруссіи; въ сторонѣ отъ этихъ вліяній стояли долгое время ***говоры Псковскіе.*** Наличность псковскихъ памятниковъ **XIV—XV** столѣтія даетъ возможность судить объ особенностяхъ языка древняго Пскова. Этотъ языкъ рѣзко отличался отъ языка древняго Новгорода—и значительную часть такихъ отличій можно отнести на счетъ польскаго вліянія; въ настоящее время эти типичныя особенности древней Псковской рѣчи стерлись, но въ указанныхъ памятникахъ онѣ выступаютъ чрезвычайно опредѣленно.

Сюда относятся, во-первыхъ, совпаденіе **ж, ш** и **з, с** въ одномъ звукѣ, **шепелявомъ з**, и смѣшеніе **ж, ш** съ **з, с.** Ср. въ памятникахъ, начиная съ **XIV** в., напр., *вшю* (всю), *в доспѣше, на шію нощь, прошить, кышлое, ерешь, крашноую, сквоже, грожно, ближнеца, жѧтѧ, ꙗжь* (вмѣсто **язъ**) и, рядомъ,—*послиноу, крсть* (т. е. крестъ) *цѣловасѧ и грамоты пописасѧ и печати своѧ привѣсисѧ, въпрасивати, бозе* (зв. ед.), *показю, скрьзетъ*; въ тѣхъ же памятникахъ находимъ смѣшеніе **ч** и **ц**. Слѣдовательно, восточныя вѣтви сѣвернорусскаго нарѣчія ограничились смѣшеніемъ **ч** и **ц**, а западныя—болѣе послѣдовательно распространили подобное же явленіе и на однородные звуки—шипящіе и свистящіе. Само по себѣ это могло бы служить указаніемъ, что начало, основаніе изслѣдуемаго явленія надо искать въ той области, которую покинули восточныя вѣтви Сѣвернорусовъ; эта область тѣсно примыкаетъ къ области Псковскаго нарѣчія.

Во-вторыхъ, отношу на счетъ польскаго вліянія отвердѣніе звука **r (р)**, засвидѣтельствованное псковскими памятниками, ср. *старынахъ, манастыры, ѡсподара, твороу, по мороу, въскрыца* и др. Польскій языкъ, какъ извѣстно, весьма рано утратилъ мягкое **r**, замѣнивъ его черезъ **rj**, откуда **rž (рж)** и далѣе **ž (ж)**. Бѣлорусское отвердѣніе **r** можно также отнести на счетъ польскаго вліянія.

Въ-третьихъ, несомнѣнно наносною и, при томъ, польской особенностью должно признать появленіе въ ***древнепсковскомъ*** нарѣчіи сочетаній **гл** и **кл** на мѣстѣ ***общерусскаго*** **л** въ такихъ случаяхъ, какъ *вегли, привегли, сѣгли, чькли* вмѣсто *вели, привели, сѣли, чьли.* Сочетанія **гл** и **кл** замѣнили непосредственно сочетанія **дл, тл**, а эти сочетанія въ предполагаемыхъ **ведли, *сѣдли, *чьтли* могутъ быть двоякаго происхожденія: или они явились на мѣстѣ **л** подъ вліяніемъ грамматической аналогіи *(несу—несли* вызвало при *веду* форму *ведли,* откуда далѣе *вегли),* или они дѣйствительно заимствованы въ древнепсковскій говоръ изъ польскаго ***(польск.*** *wiedli, siedli);* допустить, чтобы ***древнепсковскія*** **ведли, *сѣдли* восходили къ ***общеслав.*** **ведли, *сѣдли,* мы

не можемъ, въ виду того что переходъ **дл, тл** въ **л** имѣлъ мѣсто уже въ общерусскомъ праязыкѣ, и даже раньше, какъ мы видѣли (стр. 42),—въ періодъ единства Южнаго и Восточнаго Славянства. Объяснять приведенныя только-что формы, какъ результатъ аналогіи, было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы употребленіе **гл, кл** ограничивалось только формами причастій на **-лъ**; но мы находимъ такое же **гл** въ словѣ *жереіло* въ соотвѣтствіи съ ***общерусскимъ*** *жерело; жереіломъ* въ псковскихъ писцовыхъ книгахъ называется широкое устье (*древнерусское жерело*) рѣки Мды, впадающей (въ предѣлахъ нынѣшняго Псковскаго уѣзда) въ Чудское озеро.—Заимствованіе сочетаній **дл, тл** изъ польскихъ говоровъ—явленіе столь обычное въ древнепсковскомъ (въ современныхъ намъ псковскихъ говорахъ отмѣчены небольшіе его остатки)—было не-чуждо и восточнымъ вѣтвямъ сѣвернорусскаго нарѣчія, что служитъ лишнимъ подтвержденіемъ того, что все сѣверно русское нарѣчіе, во всемъ его составѣ, подверглось нѣкогда польскому вліянію. Такъ, изъ древнихъ памятниковъ (**XVI** в.) можно привести ***новгородскія взъмялася*** вм. *взъмялася* (отъ *взъмятуся*), *чытли, двинское соцлися* въ значеніи сочлись; а изъ современнаго намъ языка—***совр. каргопольское негла*** въ значеніи ель (ср. ***польск.*** *jodła*).

Приведя, такимъ образомъ, основанія для предположенія польскаго вліянія на сѣвернорусское нарѣчіе и опредѣляя область такого вліянія райономъ сѣвернаго Поднѣпровья, ставлю вопросъ: когда же именно польскія племена могли проникнуть въ этотъ районъ и въ немъ утвердиться?

Мнѣ представлялось бы мало вѣроятнымъ движеніе Радимичей черезъ Днѣпръ, съ правой стороны его на лѣвую, въ то время, когда водный путь Днѣпровскій находился уже въ обладаніи русскаго племени, когда русское государство сосредоточило подъ своимъ господствомъ всѣ земли по среднему и верхнему теченію Днѣпра и включило въ свои предѣлы область Новгородскую: Радимичи и другіе находники были бы, конечно, отражены княжескою властью. Болѣе правдоподобнымъ представляется появленіе Радимичей и другихъ выходцевъ съ запада въ эпоху, предшествующую движенію Сѣверноруссовъ изъ средняго Поднѣпровья къ истокамъ Днѣпра. Благодаря оттяжкѣ финскаго населенія изъ бассейна Припяти къ сѣверу—въ Прибалтійскія области, благодаря движенію туда же балтійскихъ племенъ, бассейны Припяти и Березины представлялись свободными для движеній съ запада. Въ **VII—VIII** в. въ Германіи, на берегахъ Эльбы, шла упорная борьба между Нѣмцами и Славянами; Славяне оттѣснялись послѣдовательно на востокъ—въ бассейны Одера и Вислы; отступленіе Славянъ отдавалось и дальше на востокъ: Поляки изъ бассейна Вислы направляли свои движенія на востокъ—въ Поднѣпровье.

Итакъ, вотъ тѣ соображенія, которыя я имѣлъ въ виду, допуская (стр. 57, 59), что Сѣверянорусы, двигаясь къ истокамъ Днѣпра, встрѣтились въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ съ ляшскими поселеніями, черезъ которыя имъ пришлось пробиваться.

Мы говорили выше (стр. 50) о древнѣйшей базѣ Сѣверянорусовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ они разошлись съ Восточнорусами, и указали, что Восточнорусы потянулись къ юговостоку, а Сѣверянорусы—къ сѣверу.

Эти различныя направленія колонизаціи, такъ же какъ самое распаденіе русскаго племени на сѣверную и восточную отрасли, происшедшее въ сѣверной части средняго Поднѣпровья, свидѣтельствуютъ, какъ мнѣ кажется, о томъ, что здѣсь сходились два культурныхъ теченія, скрещивались вліянія двухъ культурныхъ областей: съ одной стороны,—юговосточной, сосредоточившейся у Азовскаго и Каспійскаго моря, а съ другой,—сѣверозападной съ средоточіями на Балтійскомъ морѣ. Восточнорусы были втянуты въ сферу вліяній, шедшихъ съ юговостока, а Сѣверянорусы—въ сферу вліяній сѣверозападныхъ.

Польскія племена, сидѣвшія въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, тяготѣли къ Балтійскому району; правда, опрокинутые Сѣверянорусами Радимичи были, какъ указано (стр. 59), отброшены въ сферу Юговосточнаго культурнаго района, но, занявъ ихъ мѣсто, Сѣверянорусы окончательно втянулись въ Балтійскій культурный районъ, и это опредѣлило ихъ настойчивое движеніе къ сѣверу и сѣверозападу. Сѣверянорусы являются здѣсь завоевателями; они оттѣсняютъ къ сѣверу, сѣверозападу и сѣверовостоку финскія племена и, быть можетъ, покоряютъ ихъ своей власти.

Съ теченіемъ времени, осѣвши на новыхъ мѣстахъ, порвавъ связь съ южными родичами, Сѣверянорусы еще болѣе втягиваются въ культурныя условія Балтійскаго района и подчиняются господствовавшимъ здѣсь элементамъ. Такими элементами оказались Скандинавы, Норманы. Сѣверянорусы называли ихъ *Варягами*.

Происхожденіе этого этнографическаго названія пока не разъяснено; но все очевиднѣе, что его нельзя производить изъ языка самихъ Скандинавовъ, которые и сами заимствовали терминъ *Väringr* для обозначенія своихъ родичей, жившихъ на греческомъ югѣ и служившихъ наемниками въ Константинополѣ. Мнѣ кажется, что слово *Варягъ* представляется отраженіемъ имени *Франковъ, Франювъ*, какъ называли на Балканскомъ полуостровѣ и на востокѣ всѣхъ вообще Западноевропейцевъ, но пути, приведшіе къ измѣненію *Франъ* въ *Вараніъ, Варягъ*, остаются неопредѣленными.

Въ Прибалтійскій край Варяги попадали двоякимъ путемъ: мо-

ремъ (Балтійское море названо Сѣверянами *Варяжскимъ*) и «*горою*», то есть Финляндіею. Торговые интересы, открывши Варягамъ издавна восточные берега моря, съ теченіемъ времени усиливали ихъ притокъ въ земли, занятыя Финнами, а затѣмъ—Славянами. Защита торговыхъ интересовъ и своихъ поселеній среди этихъ двухъ племенъ привела Варяговъ къ попыткамъ утвердить надъ ними свое политическое господство. Славянскія и финскія племена облагаются ими данью; эти племена ставятся подъ власть варяжскихъ князей. **Лѣтопись** сохранила воспоминаніе объ этихъ политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ на сѣверѣ. «*Имаху дань Варязи изъ заморья*»—говоритъ она—«*на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на Вьси, и на Кривичихъ.*» Какъ увидимъ, *Словѣне*—это восточные, *а Кривичи*—западные Сѣверорусы; *Чюдь, Весь, Меря*—это финскія племена. Господство Варяговъ на сѣверѣ облегчало, въ извѣстномъ смыслѣ, колонизаціонныя движенія покоренныхъ ими племенъ. Сѣверорусы путемъ мирной колонизаціи захватываютъ обширныя пространства въ бассейнахъ великихъ озеръ и овладѣваютъ также всѣмъ верхнимъ Поволжьемъ. Области, занятыя Словѣнами и Мерею, колонизовавшими сѣверовостокъ, пріобщаются къ району Балтійской культуры, подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ господству Варяговъ.

Я вернусь къ создавшимся на сѣверѣ отношеніямъ, когда буду говорить о возникновеніи русскаго государства (см. стр. 64). Теперь же перейду къ обозрѣнію Южной отрасли русскаго племени, остававшейся, какъ мы видѣли (стр. 50, 51), въ среднемъ Поднѣпровьѣ, а также въ бассейнахъ верхнихъ теченій Южнаго Буга и Днѣстра, слѣдовательно—въ современной Волыни и сѣверной части Кіевщины. Движеніе именно изъ этой области къ востоку и сѣверу имѣло послѣдствіемъ раздробленіе русскаго племени: это зависѣло отъ того, что на востокѣ и на сѣверѣ начиналось господство культурныхъ районовъ—Юговосточнаго и Балтійскаго.

Южная вѣтвь Русскихъ Славянъ.

Внѣ вліянія этихъ культурныхъ районовъ оставалась южная часть русскаго племени, остававшаяся въ старыхъ мѣстахъ жительства.

По условіямъ географическимъ занятая ими страна тяготѣла къ югу, но, какъ мы видѣли (стр. 50), черноморскія степи не допускали естественнаго воздѣйствія Черноморской культуры на непосредственно къ нимъ прилегавшій къ сѣверу районъ, занятый Восточными Славянами. Только въ концѣ **VII** вѣка, съ удаленіемъ Болгаръ на Балканскій полуостровъ и съ ослабленіемъ Аваръ, втянувшихся далеко на западъ, открывается для Южнорусовъ—не раньше, слѣдовательно, **VIII** в.—воз-

можность расширить область ихъ распространенія и пріобщиться въ той или другой степени къ благамъ цивилизаціи.

Не позже **VIII** вѣка могли овладѣть Южнорусы нижнимъ теченіемъ Днѣпра, а также южными частями бассейновъ Южнаго Буга и Днѣстра; правда, новыя поселенія еще далеко не могли быть обезпечены отъ набѣговъ, но все же они получаютъ возможность существовать. Упорную борьбу приходится выдерживать отъ Мадьяръ, сидѣвшихъ въ то время къ сѣверу отъ Азовскаго моря, въ мѣстности, называвшейся ими Лебедіей. Правда, въ рукахъ Южнорусовъ сосредоточиваются многочисленные элементы цивилизаціи, которою искони была пропитана почва южной Россіи. Вліяніе Грековъ черезъ Корсунь и другіе крымскіе центры, вліяніе ихъ и съ другой стороны—черезъ Балканскихъ Славянъ,—быстро налаживающіяся торговыя отношенія и богатство страны ставили Южнорусовъ въ счастливыя условія.

Но окончательное освобожденіе и возможность свободнаго развитія Южнорусы получили не скоро. Въ **IX** вѣкѣ они подпадаютъ подъ власть Хазаръ. Южнорусскія племена были обложены хазарскою данью. Повидимому, зависимость отъ Хазаръ имѣла и свои благопріятныя стороны: она обезпечивала Южнорусовъ съ востока. Но, кажется, именно невозможность воспользоваться естественными условіями, приводившими къ югу, была причиной того, что Южнорусы обнаруживали сильное тяготѣніе къ сѣверу, сталкиваясь здѣсь на сѣверозападѣ съ ляшскими племенами, населявшими нынѣшнюю Бѣлоруссію, а на сѣверѣ, въ предѣлахъ позднѣйшей Смоленской области,—съ сѣверорусскими Кривичами. Эти столкновенія вели къ общенію Южнорусовъ съ райономъ Балтійской культуры.

Русское государство.

Путь «изъ Варягъ въ Греки».

Днѣпръ въ прежнее время, предшествующее разселенію восточнославянскихъ племенъ, не могъ служить соединительною артеріей между районами Балтійской и Черноморской культуры. Частью этому препятствовала затруднительность судоходства по нему, въ нижнемъ его теченіи, гдѣ были пороги, но особенно это зависѣло отъ разобщенности обоихъ міровъ—Балтійскаго и Черноморскаго. Мы видѣли (стр. 37—39), что Грекамъ и Скиѳамъ временъ Геродота Балтійскій районъ совершенно не былъ извѣстенъ: ихъ знанія ограничивались тѣми областями, которыя культурно тяготѣли къ Черному морю. Правда, финскія племена, сидѣвшія въ средней Россіи, по самому своему положенію могли бы соединять оба культурные района и содѣйствовать установленію

живыхъ связей между ними, но на дѣлѣ этого не случилось, и Финны, подвергаясь вліянію обоихъ районовъ, не смогли установить торговыхъ между ними сношеній. Археологическія данныя VII—IX вѣка, а именно раскопки, произведенныя въ Скандинавскихъ земляхъ, доказываютъ, что и въ то время Черноморскій районъ не былъ въ прямой связи съ Балтійскимъ; обильныя находки восточныхъ монетъ свидѣтельствуютъ о связяхъ, завязавшихся съ юговостокомъ черезъ Волгу, но византійскія монеты, рядомъ съ этимъ, попадаются чрезвычайно рѣдко.

И вотъ, этому положенію, имѣвшему мѣсто въ VIII вѣкѣ, противопоставляются новыя явленія, имѣвшія мѣсто въ IX вѣкѣ: Днѣпръ становится оживленнымъ путемъ, по которому двигаются безчисленныя полчища «*изъ Варягъ въ Греки*» и на которомъ основывается русское государство.

Представляется вѣроятнымъ, что главною причиной этой перемѣны было занятіе всего Днѣпра Восточными (Русскими) Славянами. Сѣверянусы, попавшіе въ районъ Балтійской культуры, не теряли связи съ южными своими сородичами: въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ происходили оживленныя сношенія между Кривичами и Южнорусами; сношенія эти не прекращались частью въ силу того, что Южнорусамъ не былъ открытъ свободный путь къ югу. Восточнымъ Славянамъ пришлось выполнить то, что не удалось Финнамъ,—объединить культурные районы Балтійскаго и Чернаго моря.

Но сдѣлали они это не собственными силами, а подъ руководствомъ верховодившихъ на сѣверѣ Скандинавовъ *).

Броженіе на сѣверѣ и „Русь“.

Въ IX и X вѣкѣ мы наблюдаемъ въ предѣлахъ западной Россіи слѣдующее явленіе. Отъ времени до времени на сѣверѣ образуется значительное скопленіе народовъ, и они двигаются къ югу съ прямою цѣлью овладѣть Царьградомъ. Такъ, въ 860 году подъ стѣнами Царьграда появляется безчисленная флотилія Русскихъ; по ясному свидѣтельству нашей лѣтописи около того же времени перешли съ сѣвера на югъ, изъ Новгорода въ Кіевъ варяжскіе предводители Аскольдъ и Диръ. Судя по нашей лѣтописи, лѣтъ черезъ 20 послѣ этого другой варяжскій предводитель, Олегъ, собравъ Варяговъ, Чудь, Словѣнъ, Мерю, Весь и Кривичей, устремляется къ Кіеву и, овладѣвъ имъ, черезъ извѣстное время съ этими же полчищами, усиленными полчищами южнорусскими, устремляется на добываніе Царьграда. Черезъ 35 лѣтъ

*) Текстъ слѣдующихъ семи страницъ воспроизводитъ часть Введенія къ „Очерку древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ акад. А. А. Шахматова (Петроградъ, 1915).

послѣ этого Игорь, во главѣ опять-таки Варяговъ, Словѣнъ, Кривичей и племенъ южнорусскихъ, дѣлаетъ новую попытку овладѣть Царьградомъ. Сынъ Игоря, Святославъ, стремится къ той же цѣли, но двигается на Балканскій полуостровъ черезъ Дунай. Внукъ Игоря, Владиміръ, во главѣ Варяговъ, Словѣнъ, Чуди и Кривичей, добываетъ себѣ изъ Новгорода Кіевъ, а черезъ нѣкоторое время двигается на Царьградъ, устремляясь, однако, прежде всего на греческій городъ Корсунь.

Походы Владиміра и Святослава уже не имѣютъ того стихійнаго характера, который былъ присущъ походамъ Аскольда и Дира, Олега и Игоря; это зависѣло отъ того, что Святославъ и Владиміръ направляли свои движенія изъ уже организованнаго государства; это государство по инерціи поддавалось тѣмъ стихійнымъ движеніямъ, которыя направляли жизнь русскихъ племенъ передъ этимъ, создавая, одновременно, на югѣ Россіи государство. Намъ приходилось уже говорить о стихійныхъ движеніяхъ народовъ (стр. 21—23, 25, 29—31); мы видѣли, какъ эти движенія направлялись изъ средней и сѣверной Европы для добыванія южныхъ земель — Средиземноморскихъ центровъ культуры и цивилизаціи. Имѣются основанія сопоставить съ тѣми движеніями индоевропейскихъ племенъ указанныя движенія IX вѣка въ предѣлахъ западной Россіи: народы сѣвера влекутся здѣсь, какъ и тамъ, къ овладѣнію сказочными богатствами юга; разбившись о непреодолимую мощь Византіи, они основываютъ на югѣ Россіи государство, подобно тому какъ у границъ Балканскаго полуострова основывались въ свое время государства и Кельтами, и Германцами, а еще раньше—Ѳракійскими и Иллирскими племенами.

Броженіе народовъ, приведшее къ интересующимъ насъ движеніямъ, началось, повидимому, на сѣверѣ; объ этомъ громко говоритъ лѣтописное преданіе; на то же указываютъ нѣкоторые ясно опредѣленные факты. Южнорусы были втянуты въ это движеніе и сумѣли затѣмъ воспользоваться его результатами, но движеніе началось не съ нихъ. Съ Царьградомъ, съ Византійской культурой пришли въ столкновеніе впервые, конечно, Южнорусы: въ ихъ преданіяхъ самое основаніе Кіева, точнѣе самый основатель Кіева, ставится въ связь съ греческимъ царемъ и съ мирной поѣздкой основателя Кіева въ Царьградъ, гдѣ Кій былъ принятъ съ великою честью. Черезъ Южнорусовъ стали доходить въ *верхнія земли* (такъ называли въ Кіевѣ верхнее Поднѣпровье) цѣнные предметы Византійской культуры и соблазнительные разсказы о сказочныхъ богатствахъ Царьграда. Единоплеменные имъ Кривичи и Словѣне съ жадностью прислушивались къ этимъ разсказамъ. Возможно, что эти южныя теченія не произвели бы сколько-нибудь замѣтнаго результата среди

народовъ сѣвера, если бы здѣсь не было могучаго бродильнаго элемента въ лицѣ Варяговъ. Прирожденные пираты и находники, они сумѣли возбудить броженіе и стать во главѣ народныхъ движеній. Славянамъ, въ лицѣ Сѣверянъ, принадлежало начало движенія, но организація его перешла къ Варягамъ широко втянувшимъ въ него и покорныя имъ финскія племена.

Вопросъ о „Руси".

Сдѣлаю небольшое отступленіе для разъясненія того, что такое Русь, громко заявившая о себѣ на югѣ въ **IX** вѣкѣ и давшая названіе основанному на Днѣпрѣ государству. Изъ всѣхъ попытокъ объяснить это имя я считаю единственно удачною ту, которая ставитъ имя *Русь* въ связь съ финскимъ названіемъ для Швеціи—*Ruotsi* (Шведъ по-фински—*Ruotsalainen*). Эта связь, во-первыхъ, совершенно безупречна съ точки зрѣнія лингвистической—ср. передачу ***финск.*** *Suomi* черезъ ***древнерусское*** *Сумь* (финское **ts** должно было быть передано черезъ русское **с** *(s)*, ибо русское **ц** было мягкимъ звукомъ, не тождественнымъ съ **ts**); во-вторыхъ, эта связь согласуется вполнѣ съ тѣмъ, что мы узнаемъ отъ нашего лѣтописца о происхожденіи имени *Русь:* лѣтописецъ считаетъ Русь однимъ изъ варяжскихъ племенъ; слѣдовательно, *Русь* въ его представленіи означала нѣкогда Шведовъ и Швецію, подобно тому какъ *Ruotsi* означаетъ въ устахъ Финновъ Швецію и до сихъ поръ. Почему Финны назвали Швецію—*Ruotsi*, остается неяснымъ, вопросъ остается раскрытымъ, но это нисколько не подрываетъ многозначительности самаго факта. Скандинавы были извѣстны на финскомъ сѣверѣ давно и, конечно, гораздо раньше прихода туда изъ Поднѣпровья Сѣверянъ. Скандинавовъ, какъ указано было раньше (стр. 62), Сѣверяне называли *Варягами*, принеся, повидимому, это названіе съ юга, гдѣ оно означало вообще Западноевропейцевъ; но Скандинавовъ туземныхъ, жившихъ среди Финновъ и даже частью утратившихъ связь съ заморскими своими родичами, Сѣверяне, подражая Финнамъ, должны были естественно назвать *Русью*. Греческое названіе Ῥῶς показываетъ, думаю, что финское *Ruotsi* Скандинавами произносилось, какъ *Rōs:* ср. ***эстонское*** *Rōts*, ***вотское*** *Rōtsi*.

Великое стихійное движеніе, о которомъ я только-что говорилъ, сильно всколыхнуло весь славяно-финскій сѣверъ. Оно подняло и всю Русь, всѣхъ туземныхъ Скандинавовъ, поспѣшившихъ стать во главѣ движенія. Когда именно двинулись первыя несмѣтныя полчища Сѣверянъ и Финновъ на югъ, опредѣлить трудно; но весьма правдоподобно думать, что это случилось еще въ первой половинѣ **IX** вѣка, быть можетъ—даже въ его началѣ. Предво-

дительствуемыя туземными Скандинавами полчища естественно назвались *Русью*, и подъ этимъ именемъ ихъ узнала и южная Русь, и Херсонесскіе Греки, и Византія. Цѣлью похода было овладѣніе Царьградомъ. Мы видимъ, что цѣль не была достигнута.

Но возможно, что попытка осуществить ее зашла довольно далеко. Возможно, что Русь пустилась на лодьяхъ къ Царьграду и достигла тѣхъ или иныхъ результатовъ, поживившись на малоазіатскомъ берегу или въ городахъ западнаго Черноморскаго побережья; впрочемъ, повидимому первый набѣгъ Руси не произвелъ въ Константинополѣ особеннаго впечатлѣнія, ибо византійскіе историки не отмѣтили его,— возможно, что Грековъ охранила и въ этотъ разъ, какъ неоднократно впослѣдствіи, сама морская стихія, потопивъ бурей русскія лодьи. Вѣроятнымъ представляется, что значительныя полчища вернулись на сѣверный берегъ Чернаго моря, къ устьямъ Днѣпра. Эти полчища осѣли въ южномъ Поднѣпровьѣ; по нимъ Черное море назвалось моремъ «*Русскимъ*»; по нимъ же «*Русью*» стало называться все южное Поднѣпровье до самаго Кіева. Возможно, что Кіевъ сталъ средоточіемъ осѣвшихъ «*русскихъ*» дружинъ, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ допущеніи того, что средоточіе было найдено гдѣ-нибудь и южнѣе, быть можетъ даже восточнѣе—на берегахъ Азовскаго моря: ср. здѣсь, при устьѣ Дона, городъ *Росія* (Ῥωσία), извѣстный въ **XII** в. и находившійся подъ властью Грековъ вмѣстѣ съ Тмутороканью. Кіевъ въ это время могъ подвергаться и нападенію Хазаръ, быть можетъ воспользовавшихся поразившею Южнорусовъ неудачею морского набѣга на Царьградъ. Мы говоримъ о временахъ, предшествующихъ историческимъ свидѣтельствамъ; это принуждаетъ насъ прибѣгать къ гаданіямъ, но гаданія эти и законны и необходимы; ихъ должно оправдать предстоящее намъ изложеніе послѣдующихъ событій.

Но я позволю себѣ еще отступленіе. Во-первыхъ, извиняюсь передъ Вами за то, что заговорилъ о предметѣ, отстоящемъ какъ-будто очень далеко отъ прямой моей задачи; но, какъ я укажу ниже (см. стр. 77 и слѣд.), то или иное освѣщеніе вопроса о началѣ Руси должно содѣйствовать выясненію и древнѣйшихъ судебъ нашего языка. Во-вторыхъ, я, въ подтвержденіе только-что высказанныхъ соображеній, которыя, конечно, могли Вамъ показаться довольно произвольными, могу сослаться на слѣдующія данныя, утверждающія насъ въ мысли, что Русь была извѣстна задолго до такъ называемаго «призванія Варяговъ». Эти данныя являются камнемъ преткновенія какъ для норманистовъ старой школы, слишкомъ слѣпо слѣдовавшихъ Нестору, подъ **6370 (862)** годомъ повѣствующему о призваніи Руси, такъ и для антинорманистовъ, отрицающихъ связь Руси съ Варягами и признающихъ Русь за туземъ-

ное въ южной Россіи этнографическое названіе. Въ лѣтописяхъ Санъ-Бертинскаго монастыря повѣствуется, что осенью или зимою **838** года въ Константинополѣ были послы народа, именуемаго *Русью*; въ маѣ **839** года въ Ингельгеймъ, ко двору Людовика Благочестиваго прибыло греческое посольство съ грамотой императора Ѳеофила о скрѣпленіи союза; греческіе послы ходатайствовали, между прочимъ, о пропускѣ пословъ, которые «*называли себя*», т. е. свой народъ, «*Русью*», а прибыли въ Константинополь отъ имени ихъ царя *Хакана* (*Chacanus*) съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ; послы эти затруднялись воротиться на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали имъ со стороны варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ. Франки отнеслись къ пришельцамъ подозрительно. Въ результатѣ допросовъ оказалось, что эти представители *Руси* были шведами.— Имѣя въ виду самый фактъ прибытія русскихъ пословъ въ Константинополь, далѣе титулъ ихъ царя каганъ, обычный въ южной Руси (гдѣ такъ долго господствовали Тюрки, а въ **IX** в. тюркскіе Хазары; ср. титулъ кагана въ отношеніи къ Владиміру Святому въ Словѣ **Иларіона** о законѣ и благодати), едва ли можно усомниться въ томъ, что эта Русь прибыла въ Константинополь изъ южной Россіи. Слѣдовательно, Русь сидѣла уже тамъ въ первой половинѣ **IX** в.; по происхожденію своему—это были Скандинавы, Шведы. Мнѣ кажется, что прибытіе посольства въ Константинополь—очевидно съ двоякою цѣлью. во-первыхъ, завязать дружбу съ Греками, во-вторыхъ, опредѣлить путь въ Швецію черезъ Западную Европу,—показываетъ, что Русь въ то время только сравнительно недавно утвердилась въ южной Россіи и что она была озабочена обезпеченіемъ себѣ связи съ далекими сородичами. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что путь по Днѣпру закрылся для воспользовавшихся имъ въ движеніи съ сѣвера на югъ полчищъ: Восточные Славяне—Поляне, Сѣверяне, Кривичи — были вынуждены пропустить эти полчища на югъ, но не допустили ихъ возвращенія на сѣверъ.—Указанія акад. В. Г. Васильевскаго на упоминаніе Руси въ житіяхъ Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, изъ которыхъ первое по его мнѣнію составлено въ первой половинѣ **IX** ст., я долженъ оставить въ сторонѣ, въ виду сложности вопроса. Только-что вышло сочиненіе Х. М. Лопарева „Греческія житія святыхъ VIII и IX вѣковъ", гдѣ составленіе житія Георгія Амастридскаго относится ко времени около **866** года.

Продолженіе броженія на сѣверъ и „Варяги".

Броженіе сѣверныхъ племенъ, ихъ стихійное стремленіе на югъ не могло остановиться и послѣ ухода съ сѣвера тѣхъ несмѣтныхъ

полчищъ, которыя повела за собой Русь. Напротивъ, броженіе должно было усилиться. Крѣпкій укладъ, сложившіяся прочно экономическія и политическія отношенія—все это было разрушено вмѣстѣ съ уходомъ на югъ господствовавшихъ элементовъ и организованныхъ ими военныхъ дружинъ.

Смутное преданіе объ этихъ новыхъ условіяхъ дошло до насъ черезъ посредство **лѣтописи.** «*И почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правьды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати начаша сами на ся*». Сообщеніе относится къ племенамъ сѣвера—Словѣнамъ, Кривичамъ, Чуди, Веси и Мерѣ, изгнавшимъ, будто-бы, Варяговъ за море и отказавшимъ имъ въ дани. Но изгнаніе Варяговъ, едва ли возможное и осуществимое, привело сѣверныя племена къ описанному въ лѣтописи состоянію, а удаленіе съ сѣвера на югъ Руси и лучшихъ мужей, завербованныхъ Русью въ свои полчища. И водворившаяся на сѣверѣ смута имѣла слѣдствіемъ не призваніе Варяговъ, а появленіе заморскихъ Варяговъ по собственному ихъ почину. Если кто могъ призвать Варяговъ, то только ихъ сородичи, оставшіеся среди славянскихъ и финскихъ племенъ; Славяне и Финны воспользовались ихъ малочисленностью и сбросили, или пытались сбросить съ себя, чужеземное иго.

Какъ я только-что указывалъ (стр. 69), свидѣтельство о смутѣ въ Восточномъ Славянствѣ и о сверженіи ими «русскаго» (шведскаго) ига на сѣверѣ можно извлечь и изъ **Бертинскихъ анналовъ.**

Присоединимъ сюда и то еще обстоятельство, что искорененіе самаго имени *Русь* на сѣверѣ можетъ указывать на истребленіе оставшихся здѣсь Скандинавовъ. Есть рядъ данныхъ для утвержденія, что особенно активно выступили въ этомъ движеніи именно славянскія племена—Словѣне и Кривичи. Но они были поддержаны и Мерею, то есть болѣе восточными финскими племенами: ср. подъ **882** годомъ сообщеніе о дани, наложенной кіевскимъ («русскимъ») княземъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю.

Изгнанные Скандинавы скрылись, повидимому, среди западнофинскихъ племенъ—Чуди и Веси—и оттуда искали помощи за моремъ, призывая Варяговъ. Прибывшіе на зовъ ихъ Скандинавы были для Финновъ тѣми же *Ruotsalaiset*, что прежніе ихъ покорители, ибо самая Скандинавія, Швеція называлась Финнами *Ruotsi;* но для Словѣнъ и Кривичей—это были уже не *Русскіе*, не *Русь*, удалившаяся на югъ и тамъ оставшаяся, а *Варяги*, ибо Швеція называлась ими «*Варяжскою землей*», а Балтійское море—«*моремъ Варяжскимъ*».

Варяги появились на славянскомъ сѣверѣ въ качествѣ завоевателей; поддержанные финскими племенами, они утверждаютъ свое господ-

ство надъ Словѣнами, Кривичами и Мерей, и облагаютъ ихъ данью. Вѣроятно, что утвержденіе Варяговъ въ Новгородѣ, Изборскѣ, Полотскѣ, Бѣлоозерѣ и Ростовѣ относится къ серединѣ **IX** столѣтія. Въ завоеванныхъ странахъ они застаютъ все то же броженіе въ народныхъ массахъ, которое за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ привело къ образованію многочисленныхъ полчищъ, двинувшихся на югъ подъ водительствомъ Руси.

Зарожденіе Русскаго (Кіевскаго) государства.

Броженіемъ спѣшатъ воспользоваться наиболѣе предпріимчивые изъ варяжскихъ вождей. Имена двоихъ такихъ вождей сохранило до **XI** в. народное преданіе: около **860** года становятся во главѣ сѣверныхъ полчищъ Аскольдъ и Диръ и устремляются по пути, использованному предшествующимъ нашествіемъ, къ добыванію Царьграда. Лѣтопись представляетъ себѣ ихъ боярами Рюрика, испросившимися со своими родами къ Царьграду. Но признаніе Аскольда и Дира Рюриковыми боярами, вышедшими изъ повиновенія князю, стоитъ въ прямой зависимости отъ теоріи лѣтописца объ единствѣ княжеской власти на Руси, теоріи, исключавшей возможность иныхъ князей въ Кіевѣ, кромѣ князей Рюрикова дома (ср. слова Олега, обращенныя къ Аскольду и Диру: «*вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа*»); а мысль о поѣздкѣ Аскольда и Дира въ Царьградъ съ цѣлью предложить тамъ службу заимствована изъ современныхъ лѣтописцу отношеній, въ силу которыхъ при дворѣ императора образовался служилый классъ Варяговъ, Варягорусовъ. Однако, стремленіе Аскольда и Дира въ Царьградъ вѣрно угадано лѣтописцемъ, и возможно, что онъ не ошибся, когда въ разсказанный имъ ниже по хроникѣ продолжателя **Амартола** русскій походъ на Царьградъ онъ вставилъ имена Аскольда и Дира. Въ виду предшествующихъ соображеній можно думать, что Аскольдъ и Диръ направили свои полчища прямо къ Черному морю для морского набѣга на Царьградъ; объ этомъ набѣгѣ дошли до насъ опредѣленныя византійскія извѣстія; онъ относится къ **860** году и былъ гибельнымъ для Русскихъ. Можно заключить отсюда, что Аскольдъ и Диръ соединились съ «Русью», то есть съ полчищами, приведенными съ сѣвера ихъ предшественниками. Оставшимся въ живыхъ, уцѣлѣвшимъ отъ катастрофы, вызванной морскою бурей, дружинамъ Аскольда и Дира пришлось основаться въ южной Россіи, быть можетъ не оставляя надежды на возобновленіе морского набѣга, на завладѣніе Царьградомъ. Съ увѣренностью можно утверждать, что опорнымъ пунктомъ на этотъ разъ былъ избранъ Кіевъ; мы видѣли (стр. 68), что разбитыя полчища перваго движенія могли утвердиться и не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь на юговостокѣ. Спрашивается, не было ли удаленіе безпокойныхъ полчищъ отъ моря результатомъ

соглашенія Византіи съ Хазарами? О дружественныхъ отношеніяхъ императора съ каганомъ свидѣтельствуютъ многія современныя данныя. О столкновеніяхъ Руси съ Хазарами въ отдаленныя времена сохранились въ нашей **лѣтописи** преданія; преданія эти какъ-будто противорѣчивы. Съ одной стороны, **лѣтопись** сообщаетъ, что Хазары взимали дань съ Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Полянъ (о дани съ Полянъ двукратно—подъ **859** и **862** годомъ); а съ другой,—въ вводныхъ статьяхъ лѣтописи читаемъ о томъ, какъ Хазары отказались отъ обложенія данью кіевскихъ Полянъ, когда послѣдніе въ видѣ дани предложили свои (обоюдоострые) мечи. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что Поляне были дѣйствительно обложены Хазарами данью и, при томъ, такою же данью, какъ Радимичи и Вятичи («по щьлягу отъ рала»), но Русь не поддалась Хазарскому владычеству и освободила отъ него также и Полянъ. Итакъ, въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ осѣли Варяги и Русь: ср. въ **лѣтописи** подъ **862** годомъ «*Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги сѣѣкуписта, и начаста владѣти Польскою землею*»; ср. Русь въ походѣ на Византію; ср. сообщеніе Новгородской 1-й лѣтописи о томъ, что позже варяжскія и словѣнскія дружины Игоревы, сѣвъ въ Кіевѣ, прозвались *Русью*. Численное преобладаніе Руси, успѣвшей передать свое имя и подчиненнымъ ей полчищамъ, обезпечило перевѣсъ ея имени передъ именемъ Варяговъ.

Русью стало называться основанное Варягами въ Кіевѣ государство.

Роль Кіевскаго государства въ исторіи русскихъ племенъ.

Этому новому государству пришлось занять совершенно исключительное положеніе въ отношеніи къ народамъ сѣвера.

Возникши въ результатѣ по крайней мѣрѣ двукратно отраженныхъ экспедицій сѣверныхъ народовъ, снаряженныхъ ими для овладѣнія Царьградомъ, Русское государство стало на пути, ведшемъ съ сѣвера на югъ,—къ Царьграду. Путь этотъ оказался, такимъ образомъ, закрытымъ, ибо конечною мечтой осѣвшихъ въ Кіевѣ Варяговъ и Русскихъ было собираніе новыхъ силъ для новаго похода на Грековъ. Это обстоятельство привело Русское государство въ столкновеніе съ сѣверомъ.

На сѣверѣ все еще не улеглось броженіе, вызвавшее двукратное движеніе народныхъ полчищъ на югъ. Появленіе энергичнаго предводителя во главѣ быстро образовывавшихся новыхъ полчищъ должно было открыть имъ путь на Царьградъ.

Вѣроятно въ началѣ **X** вѣка (хронологія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, относящей походъ Олега на югъ къ **882** году, не имѣетъ подъ

собой фактической почвы) подъ предводительствомъ Олега двинулись на Царьградъ полчища Словѣнъ, Кривичей, Мери, Чуди и Веси; на пути лежало Русское государство; оно было покорено Олегомъ.

Кіевъ къ тому времени сталъ, вѣроятно, виднымъ политическимъ и торговымъ центромъ. Политическое его значеніе опредѣлялось тѣмъ, что мѣстный князь стремился подчинить своей власти окрестныя русскія племена (лѣтописи говорятъ о столкновеніяхъ Аскольда съ Древлянами и Уличами), а торговое значеніе Кіева обезпечивалось ему его положеніемъ, а быть можетъ и дружественными сношеніями съ Византіей: Аскольдъ и Диръ могли завязать ихъ по примѣру „русскаго" кагана **838** года, упомянутаго нами выше (стр. 69). Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что Олегъ сдѣлалъ Кіевъ исходною точкой для своего похода на Царьградъ.

Объ этомъ походѣ до насъ не сохранилось византійскихъ извѣстій, но русское народное преданіе, вошедшее въ лѣтопись, сообщаетъ о побѣдныхъ результатахъ, достигнутыхъ вѣщимъ Олегомъ.

Самая личность этого князя представляется исторически вполнѣ достовѣрною, что видно какъ изъ дошедшаго до насъ его договора съ Греками, такъ и изъ недавно найденнаго еврейскаго документа, гдѣ упоминается *Халыу (Halgu* или *Helgu)*, царь *Русіи*, напавшій по подстрекательству греческаго царя Романа на хазарскій городъ *Самбараю* (акад. Коковцовъ съ большою вѣроятностью высказывается въ пользу того, что Самбарай—это Тмуторокань) и взявшій его воровскимъ способомъ.

Дѣятельностью энергичнаго Олега было обезпечено развитіе могущества Русскаго государства. Едва ли безъ достаточныхъ основаній, почерпнутыхъ хотя бы изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, лѣтопись представила Олега собирателемъ Русской земли: «*И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны и Сѣверяны и Радимичи*». Но мало вѣроятнымъ представляется, чтобы ему покорны были также Кривичи и Словѣне, то есть Новгородскій, Полоцкій и Смоленскій сѣверъ; имѣются основанія думать, что Олеговъ договоръ упоминалъ только о трехъ русскихъ городахъ Поднѣпровья—Кіевѣ, Переяславлѣ и Черниговѣ — и что, слѣдовательно, границы его владѣній опредѣлялись областями, прилегавшими къ этимъ городамъ.—Въ дошедшемъ текстѣ къ словамъ «*ис Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля*» прибавлено «*и прочии гради*», но рядъ основаній позволяетъ думать, что прибавка эта — позднѣйшая: „Повѣсть временныхъ лѣтъ" говоритъ о дани, наложенной Олегомъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю, но Начальный сводъ установленіе такой дани приписываетъ Игорю.

Упорная лѣтописная традиція заставляетъ признать Игоря преемникомъ Олега. Но отношенія Игоря къ Олегу не ясны. Въ

Начальномъ сводѣ (судя по Новгородской 1-ой лѣтописи) Олегъ изображается воеводою Игоря; при жизни Олега Игорь дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ, и только послѣ смерти Олега видимъ Игоря дѣйствующимъ самостоятельно; въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ Олегъ—родственникъ и опекунъ Игоря, ставшій княземъ во время малолѣтства послѣдняго, но продолжавшій управлять и послѣ того, какъ Игорь возмужалъ и пришелъ въ зрѣлый возрастъ. Эта неопредѣленность отношеній даетъ основаніе думать, что Игорь связанъ съ Олегомъ только хронологически. Возможно, что Игорь былъ дѣйствительно сыномъ Рюрика, князя новгородскаго. Но въ такомъ случаѣ становится вѣроятнымъ, что Олегъ былъ такимъ же независимымъ и самозваннымъ княземъ, какимъ лѣтопись представляетъ Аскольда и Дира; онъ сталъ на сѣверѣ во главѣ народнаго движенія на Царьградъ и порвалъ съ Рюрикомъ такъ же, какъ до него порвали съ Новгородскимъ сѣверомъ первые варяжскіе князья Кіева—Аскольдъ и Диръ. Смерть Олега, а можетъ быть и борьба съ нимъ, привела Игоря на Кіевскій столъ.

Игорь пошелъ на югъ съ такими же полчищами, какія раньше увели съ сѣвера Аскольдъ и Диръ, потомъ—Олегъ. Эти полчища сначала осаживаются въ Кіевѣ, а затѣмъ—и вѣроятно, при томъ, вскорѣ—устремляются на югъ, на добычу Царьграда. Объ этомъ можно догадываться по послѣдующимъ событіямъ: приведенные съ сѣвера Владиміромъ и Ярославомъ Варяги, не засиживаясь въ Кіевѣ, пролагаютъ себѣ путь въ Константинополь. Отсюда заключаю, что водвореніе Игоря въ Кіевѣ относится ко времени около **940** года, ибо походъ Игоревъ на Царьградъ падаетъ на **941** годъ по опредѣленному указанію продолжателя Амартола. Наша лѣтопись полагаетъ, что Олегъ умеръ въ **912** году и что съ этого года въ Кіевѣ правилъ Игорь; но такая ранняя смерть Олега опровергается названнымъ выше (стр. 73) еврейскимъ документомъ, гдѣ Олегъ упомянутъ, какъ современникъ Романа, Романъ же вѣнчанъ на царство только въ **920** году. Ошибочная хронологія лѣтописи произошла оттого, что она продолжительность царствованій Олега и Игоря опредѣляла эпическимъ числомъ, заимствованнымъ, очевидно, изъ пѣсни или былины,—числомъ 33: Игорь скончался въ **945** году по лѣтописи (возможно, что это соотвѣтствуетъ дѣйствительности); начало его княженія относится, поэтому, на **912** годъ, а начало княженія его предшественника, Олега,—на **879** годъ.

Игоря можно считать сыномъ новгородскаго князя Рюрика еще по тому соображенію, что впервые при немъ произошло объединеніе подъ одною властью Кіева съ Новгородомъ. О такомъ объединеніи, какъ увидимъ (стр. 89), говоритъ Константинъ Багрянородный; о немъ свидѣтельствуютъ и русскія преданія: такъ, княгиня Ольга, вдова и преемница Игоря, связала свое имя не только съ Кіевомъ, но и съ

Сѣверскимъ Поднѣпровьемъ, а также съ Новгородскою областью, гдѣ на Мстѣ и Лугѣ въ **XI** вѣкѣ сохранялись слѣды ея административной дѣятельности.

Государственная мощь Кіева при Святославѣ достигаетъ значительной высоты; но она направлена не на внутреннее строительство, а на завоеванія. Очевидно, еще не улеглось великое броженіе народовъ сѣвера, и пополняемыя выходцами оттуда княжескія дружины искали примѣненія своимъ силамъ. Съ Византіей Русская держава была въ договорныхъ отношеніяхъ: Игорь въ **945** г. возобновилъ договоръ своего предшественника Олега; Ольга совершила двукратное путешествіе въ Константинополь и получила оттуда крещеніе. Святославу не приходилось мечтать о набѣгѣ на греческіе предѣлы. Его вниманіе направляется на востокъ, гдѣ онъ наноситъ удары Хазарской державѣ. Это, какъ мы видѣли (стр. 52), ведетъ къ распространенію русскаго господства далеко на востокъ и юговостокъ: Святославу покоряются Вятичи и, очевидно, также область Тмуторокани. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это ставитъ Кіевъ лицомъ къ лицу съ Печенѣжскими ордами. Послѣднія кочевали на югѣ Россіи уже давно, появившись здѣсь послѣ ухода Мадьяръ, но они сдерживались Хазарами и, быть можетъ, стояли въ подчиненномъ отношеніи къ хазарскому кагану. Паденіе каганата освободило Печенѣговъ, и они начинаютъ тревожить Кіевъ и его южные предѣлы постоянными набѣгами. Изъ анализа лѣтописной статьи **968** года, начинающейся словами «*Придоша Печенѣзи на Руску землю первое*», ясно слѣдуетъ, что Печенѣги совершили свой набѣгъ на Кіевъ въ то время, когда Святославъ былъ на востокѣ, очевидно сражаясь съ Хазарами и приводя подъ свою власть Ясовъ и Касоговъ; составитель Начальнаго свода пріурочилъ набѣгъ къ походу Святослава на Грековъ, но едва ли Претичъ, воевода Святослава, переѣхавъ на Кіевскую сторону съ лѣваго берега Днѣпра, могъ бы объявить себя предводителемъ передового отряда, если бы князь былъ на западѣ, а не на востокѣ. Печенѣги воспользовались въ другой разъ походомъ Святослава на Грековъ, загородили ему путь по Днѣпру, а затѣмъ избили остатки Святославова войска. Несмотря на свое отвлеченіе на востокъ и на грозныя тучи, вызванныя паденіемъ Хазарскаго царства и собиравшіяся въ южной Россіи въ лицѣ Печенѣговъ, Святославъ втянулся все-таки въ походъ на Византію. Этотъ походъ, какъ я уже говорилъ (стр. 66), мало напоминаетъ стихійныя движенія полчищъ, предводительствуемыхъ предшественниками Святослава: онъ предпринятъ изъ Болгаріи, куда Святослава призвали сами Греки; но характерно то, что побудительными причинами къ походу являются тѣ-самыя причины, что имѣли мѣсто раньше, когда шли народныя волны съ Новгородскаго сѣвера на югъ, къ Черному морю. Святославъ и его дружины ищутъ добычи и готовы осѣсть въ

добытой странѣ, если она дастъ имъ богатство и приволье; завладѣвъ Болгаріей и объявивъ Преславъ своею столицей, Святославъ двигается затѣмъ на Царьградъ; онъ засѣлъ бы и тамъ, если бы походъ его увѣнчался успѣхомъ: двигателями оказываются не государственные интересы, а хищническіе инстинкты.

Смерть Святослава, а можетъ быть и все его бурное княженіе привели къ распаденію Кіевской державы. Новгородскій сѣверъ освобождается отъ кіевскаго господства. Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ усиленіе здѣсь пришлыхъ варяжскихъ элементовъ. Такъ, къ полоцкимъ Кривичамъ приходитъ варягъ Рогволодъ и основываетъ здѣсь свое княженіе; Варяги проникаютъ и южнѣе, въ землю Дреговичей и Древлянъ; въ Туровѣ садится варяжскій князь Туры.

Новгородскій князь Владиміръ, сынъ Святослава, пользуясь тѣми или иными благопріятными условіями, объединяетъ сѣверъ подъ своею властью (ср. его походъ на Полотскъ) и затѣмъ направляетъ свои полчища, состоящія изъ Словѣнъ, Кривичей, Чуди и Варяговъ, на югъ—для добыванія Кіева. Возможно, что этимъ полчищамъ представлялась иная цѣль похода—добываніе Царьграда. Какъ Вы, можетъ быть, помните, Варяги, участвовавшіе въ этомъ походѣ, обложили Кіевъ поголовною данью; чтобы избавиться отъ нихъ, Владиміръ, по ихъ требованію, отправилъ ихъ въ Грецію; они пошли туда съ предложеніемъ своихъ услугъ императору. Такъ выродились въ новыя формы тѣ стихійныя движенія, которыя нѣкогда приводили къ великимъ завоевательнымъ экспедиціямъ.

Владиміръ былъ настоящимъ основателемъ Русскаго государства. Онъ объединилъ подъ своею властью всѣ Восточнославянскія племена. Пріобщеніемъ государства къ Византійской цивилизаціи онъ далъ ему опредѣленный обликъ и создалъ могущественныя средства для внутренняго единенія. Походъ Владиміра на Грековъ преслѣдуетъ ясно обозначившіяся государственныя цѣли—онъ закрѣпляетъ, очевидно, тѣ торговыя связи, которыя налаживались между Русскими и Греками со временъ Олега, и устанавливаетъ непосредственное общеніе съ Греческою культурой, проникавшей раньше черезъ посредство Болгаріи. Владиміръ ставитъ себѣ рядъ задачъ для внутренняго государственнаго строительства. Онъ не мечтаетъ о завоеваніяхъ: Корсунь, имъ покоренный, онъ отдаетъ Грекамъ за вѣно греческой царевны Анны; его столкновенія съ Ляхами изъ-за Червенскихъ городовъ были послѣдствіемъ собиранія восточнославянскихъ земель, такъ какъ галицкіе Хорваты и названные города тѣснѣйшимъ образомъ примыкали къ южнорусскимъ племенамъ. Одной изъ главныхъ заботъ Владиміра

является обезпеченіе южныхъ и юговосточныхъ границъ; для этого Владиміръ строитъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Для заселенія этихъ городовъ, для защиты государства онъ призываетъ къ югу тѣ самые элементы, которые нѣкогда стремились на югъ для завоеванія и для добыванія Царьграда. «*И поча нарубати мужь лучшеѣ отъ Словѣнъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь*»,—говоритъ лѣтописецъ,—«*и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одолая имъ*».—Объединеніе всѣхъ Восточныхъ Славянъ подъ державой Владиміра ясно вытекаетъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о распредѣленіи земель между его сыновьями: въ составъ удѣловъ входятъ и Полотскъ, и Туровъ, и Ростовъ, и Муромъ, и Тмуторокань.

Связь языковыхъ явленій съ образованіемъ и жизнью Кіевскаго государства.

Мнѣ пришлось такъ долго остановить Ваше вниманіе на вопросахъ, относящихся къ образованію Русскаго государства, главнымъ образомъ потому, что я хотѣлъ подчеркнуть то значеніе, какое оно имѣло въ этнографической и лингвистической жизни восточнославянскихъ племенъ.

Мы начали исторію этихъ племенъ съ указанія на ихъ разселеніе (стр. 49 и слѣд.); распаденіе восточнославянскаго племени и его языка отнесено нами (стр. 51) къ **VII** и **VIII** в. Историкъ языка, допустивъ такое раннее раздробленіе восточнославянскаго единства, останавливается передъ слѣдующими вопросами: 1) какъ же могла сохраниться въ теченіе многихъ вѣковъ значительная близость между восточнославянскими нарѣчіями? 2) Почему историческія данныя устанавливаютъ близость и общность между ними, напр. въ первые вѣка нашей письменности? 3) Почему отошедшія нѣкогда другъ отъ друга племена стали переживать и въ позднѣйшее время общія явленія въ ихъ языкѣ?

И вотъ, ясно обозначаются отвѣты на эти вопросы.

Центробѣжнымъ стремленіямъ эпохи доисторической противополагаются центростремительныя движенія въ эпохи историческія. Распаденію племенъ, ихъ раздробленнымъ колонизаціоннымъ движеніямъ, ихъ разселенію въ областяхъ, разъединенныхъ инородческими группами, — послѣдующая жизнь противопоставляетъ рядъ объединяющихъ началъ.

Объединяющее значеніе процесса созиданія Кіевскаго государства.

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ по своимъ результатамъ началъ является образованіе Русскаго

государства. Его объединительное значеніе выразилось не только въ томъ, что благодаря ему отдѣльныя русскія племена втянулись въ общую политическую жизнь. Значеніе этого явленія зависѣло прежде всего отъ того, что самое созданіе Русскаго государства было результатомъ совмѣстныхъ дѣйствій и движеній нѣсколькихъ русскихъ (восточнославянскихъ) племенъ.

Мы видѣли, что оно возникло на югѣ Россіи, какъ слѣдствіе того броженія, въ какомъ находились народы сѣвера и прежде всего восточнославянскіе Кривичи и Словѣне, стремившіеся на югъ къ овладѣнію Царьградомъ. Въ стихійномъ своемъ движеніи къ этой цѣли сѣверныя племена увлекаютъ и южныя: къ Кривичамъ и Словѣнамъ въ походахъ Олега и Игоря присоединяются Сѣверяне, Древляне, Поляне, Дулѣбы и Тиверцы. Русское могущество у Чернаго моря основано совокупными дѣйствіями многихъ восточнославянскихъ племенъ; равнымъ образомъ, Кіевское государство создано не одними Полянами и окрестными южными племенами, но также и племенами сѣвера; Владиміръ обезпечивалъ безопасность своей державы, привлекая къ оборонѣ восточныхъ и южныхъ ея границъ и восточныхъ Вятичей, и сѣверныхъ Кривичей, и Словѣнъ.

Всѣ эти передвиженія и совокупныя дѣйствія русскихъ племенъ создавали живое между ними общеніе. Подъ вліяніемъ его стиралась этнографическая и діалектическая обособленность, которая не преминула бы развиться при географическомъ разъединеніи разошедшихся по обширному пространству Россіи восточнославянскихъ племенъ. Обособленность эта должна была выступить особенно рѣзко, какъ только эти племена, удалившись изъ первоначальной своей территоріи, изъ общей родины, втягивались въ сферу различныхъ культурныхъ районовъ. Мы видѣли, что южныя племена оставались въ сферѣ возможнаго на нихъ воздѣйствія со стороны культуры Византійской и Черноморской, восточныя — втягивались въ сферу Хазарской культуры, а сѣверныя — заняли районы Балтійской культуры (ср. стр. 50—51, 62, 63—64).

Образованіе Кіевскаго государства, объединеніе подъ его властью сначала воднаго пути изъ Варягъ въ Греки, а затѣмъ всѣхъ вообще восточнославянскихъ племенъ имѣло послѣдствіемъ культурное объединеніе земель, занятыхъ этими племенами. Этому объединенію ихъ, такъ же какъ самому образованію государства, предшествовало знаменательное явленіе, разсмотрѣнное нами выше (стр. 65 и слѣд.): стихійное броженіе племенъ сѣвера и неудержимое стремленіе ихъ на югъ, въ области Византійской культуры. Понятно, что образовавшееся въ ре-

зультатѣ этихъ движеній государство, основавшись въ предѣлахъ, естественно тянувшихъ къ Византіи, стало проводникомъ единой, Византійской культуры на всемъ пространствѣ объединенныхъ имъ племенъ.

Объединяющее значеніе христіанства.

Яснымъ доказательствомъ, что культура восточнославянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Кіевскаго государства, была едина, служитъ исторія принятія Русью христіанства: вслѣдъ за Кіевомъ пріобщается къ христіанской вѣрѣ Новгородъ; связанныя съ именами св. Бориса и Глѣба легенды заставляютъ думать, что не болѣе, какъ черезъ 25 лѣтъ со времени оффиціальнаго принятія христіанства въ Кіевѣ, оно проникло и утвердилось въ предѣлахъ Ростовской области и нынѣшней Тверской губерніи. Лѣтописецъ **XI** в. представляетъ себѣ всю русскую землю крещеной, и лишь среди восточныхъ Вятичей, быть можетъ подъ дѣйствіемъ восточныхъ на нихъ вліяній, христіанство утверждается только въ **XII** вѣкѣ. Удаленіе лучшихъ людей съ сѣвера на югъ (см. стр. 70) ослабило связь сѣвера съ центрами Балтійской культуры и повернуло Новгородъ лицомъ къ Кіеву и Царьграду; разрушеніе хазарскаго царства оторвало Вятичей отъ восточныхъ вліяній и повернуло также и ихъ лицомъ къ югу.

Ошибочно было бы думать, что культурныя связи съ Болгаріей и Византіей не проникали въ глубь народной жизни, отражаясь только на ея поверхности. Правда, что, напримѣръ, христіанство не скоро захватило тайники народной души, но внѣшнее принятіе его, причудливое сочетаніе новыхъ вѣрованій со старыми началось очень рано, а это послѣднее указываетъ на подчиненіе народныхъ массъ Византійской культурѣ.

Объединяющее значеніе Кіева, какъ городского центра.

Усвоеніе благъ цивилизаціи идетъ неизмѣнно по одному пути во всякія времена и при всякихъ условіяхъ: культура проникаетъ во всякую страну черезъ ея городскіе и торговые центры. Купцы, горожане, правящіе классы являются ея распространителями. Усвоеніе тѣхъ или иныхъ культурныхъ вліяній этими слоями населенія обезпечиваетъ дальнѣйшее распространеніе ихъ въ странѣ, ибо народныя массы идутъ слѣпо за выдвинувшимися изъ ихъ среды передовыми элементами.

Это обстоятельство надо принимать во вниманіе и при изслѣдованіи измѣненій въ языкѣ. Мы можемъ убѣдиться изъ личныхъ впечат-

лѣній, какое рѣшающее значеніе въ жизни языка имѣетъ образованіе въ господствующемъ центрѣ нарѣчія, усвоиваемаго верхними общественными слоями, проникающаго, вслѣдствіе этого, во всѣ городскія поселенія и отсюда распространяющагося по примыкающей къ этимъ поселеніямъ периферіи. На глазахъ исторіи языкъ города Москвы становится языкомъ сначала Московскаго государства, а затѣмъ и всей Россіи; на нашихъ глазахъ онъ все болѣе вытѣсняетъ мѣстные народные говоры, и это не только въ великорусской средѣ, гдѣ усвоеніе московскаго нарѣчія встрѣчаетъ себѣ особенно благопріятную почву благодаря тому, что въ немъ сосредоточились характерныя для обоихъ великорусскихъ нарѣчій звуковыя особенности (я скажу объ этомъ ниже, въ главкѣ „Говоръ г. Москвы"), но также въ бѣлорусской и малорусской средѣ. Вы встрѣтите теперь въ сельской мѣстности чистую малорусскую и бѣлорусскую рѣчь только въ извѣстномъ отдаленіи отъ города, торговаго села, желѣзнодорожной станціи; но и въ наиболѣе глухихъ уголкахъ Вы въ разговорѣ съ заправскимъ крестьяниномъ, постояннымъ жильцомъ деревни, услышите слова и выраженія, явно заимствованныя изъ такъ называемаго *литературнаго* языка, языка образованныхъ классовъ Россіи.

Трудно сомнѣваться въ томъ, что и въ древней Руси—въ различныя эпохи и въ различныхъ областяхъ ея—зарождались подобныя же нарѣчія, претендовавшія на широкое распространеніе за предѣлы своего возникновенія. Можно съ увѣренностью думать, что такимъ нарѣчіемъ сталъ и языкъ Кіева, «матери градомъ русскимъ».

а. Языкъ господствующихъ классовъ Кіева.

По лингвистической своей основѣ *языкъ Кіева* былъ языкъ южнорусскаго племени Полянъ. Но вѣроятнымъ представляется, что стеченіе въ Кіевъ носителей разнородныхъ говоровъ—сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ—могло нѣсколько умѣрять тѣ діалектическія особенности, которыя въ той или иной степени рѣзко выдѣляли языкъ южнорусскихъ Полянъ. Трудно сказать, въ какомъ именно направленіи шли уступки, сглаживались особенно яркія отличія, — въ направленіи ли другихъ южнорусскихъ говоровъ (говоровъ сосѣднихъ Древлянъ, Сѣверянъ, Уличей, Тиверцевъ), или даже въ направленіи говоровъ сѣверорусскихъ Кривичей и восточнорусскихъ Вятичей, но несомнѣнно по соображеніямъ апріорнымъ, что въ Кіевѣ вырабатывалась своеобразная κοινή, отличная отъ говора сельскихъ жителей Польской земли (земли Полянъ).

О такомъ характерѣ языка Кіева можемъ говорить только пред-

положительно. Но передъ нами имѣются и нѣкоторыя данныя. Такъ, Владиміръ Мономахъ въ рѣчи на совѣщаніи передъ половецкимъ походомъ (въ лѣтописи—подъ 1103 г.; рѣчь повторена и подъ 1111 г.) употребилъ слово *лошадь*. Судя по современному малорусскому языку, слово это было неизвѣстно языку Полянъ и Древлянъ. Въ Кіевъ оно попало съ востока, можетъ быть черезъ посредство Вятичей; ср. распространеніе этого слова въ великорусской, преимущественно южновеликорусской области. Его источникъ—***тюркское алаша***.

β. *Языкъ образованныхъ классовъ Кіева.*

Несомнѣнно также, что этотъ столичный центральный говоръ раньше другихъ русскихъ говоровъ воспринялъ въ себя рядъ иноязычныхъ элементовъ, заимствуя ихъ какъ изъ греческой, такъ въ особенности изъ болгарской среды.

Представляется, мнѣ кажется, безспорнымъ, что христіанство пришло въ Кіевъ изъ Болгаріи. Объ этомъ старательно умалчиваетъ лѣтопись, это замалчиваютъ вообще историческія свидѣтельства, но краснорѣчиво говорятъ объ этомъ внутреннія явленія въ жизни русской церкви. Богослужебныя книги и вся письменность вывезены къ намъ изъ Болгаріи. Составители лѣтописныхъ сводовъ ***XV*** и ***XVI*** в., утверждавшіе съ явнымъ анахронизмомъ, что христіанское ученіе преподано Владиміру Кирилломъ-философомъ, великимъ славянскимъ первоучителемъ, по существу ближе къ истинѣ, чѣмъ книжники ***XI—XII*** вѣка, дружнымъ хоромъ утверждавшіе, что христіанская вѣра добыта въ Корсунѣ и что оттуда же привезены не только церковные сосуды, но также и книги и учителя. На самомъ дѣлѣ проповѣдниками христіанства на Руси были ученики Кирилла и Меѳодія, ихъ трудами утвердилась въ Кіевѣ новая вѣра. Кіевская письменность восходитъ къ началу **X** вѣка и, какъ видно изъ Олегова договора ***911*** года, она велась на древнеболгарскомъ языкѣ. ***Константинъ Багрянородный,*** съ нѣкоторыми сообщеніями котораго я познакомлю Васъ ниже (стр. 87 и слѣд.), почерпалъ свои свѣдѣнія отъ жителя южной Руси, но этотъ книжный человѣкъ употреблялъ въ разговорѣ съ императоромъ, когда это было нужно, слова и имена не въ русской, а въ древнеболгарской ихъ формѣ, обнаруживая, однако, и свое южнорусское произношеніе ихъ (ср. слово *прахъ* въ значеніи порогъ, что восходитъ къ южнорусскому произношенію съ $\gamma = \mathbf{h}$ ***древнеболгарскаго слова*** *прагъ*).

На основаніи такихъ данныхъ можно заключить, что древнеболгарскій языкъ былъ усвоенъ образованными

слоями Кіева уже въ **X** вѣкѣ. Оффиціальное принятіе христіанства усилило культурное вліяніе Болгаріи и еще болѣе содѣйствовало пріобрѣтенію болгарскимъ языкомъ значенія языка кіевской интеллигенціи.

На нашей народной словесности можно прослѣдить проникновеніе этого языка въ среду княжескихъ дружинниковъ: дошедшія до насъ въ сильно измѣненномъ видѣ, въ формѣ былинъ, историческія пѣсни сохранили до сихъ поръ рѣзкіе церковнославянизмы. Можно, конечно, думать, что эти звуковыя и лексическія ихъ особенности вторглись въ былины позже (частью подъ вліяніемъ духовныхъ стиховъ, имѣвшихъ общихъ съ былинами исполнителей), но вѣроятнымъ представляется и другое объясненіе: эти церковно-славянизмы—остатки того первоначальнаго склада пѣсенъ, который возникъ въ средѣ пѣвцовъ и скомороховъ, пришедшихъ къ намъ изъ Болгаріи. Блестящія указанія В. Ѳ. Миллера, оставшіяся недостаточно развитыми, связали нашъ эпосъ съ эпосомъ византійскимъ: посредницей должна была быть, конечно, Болгарія. Мы можемъ догадываться, что въ Преславѣ, столь любомъ сердцу Святослава, его бранные подвиги воспѣвались болгарскими пѣснотворцами: дошедшія до насъ легендарныя свѣдѣнія о Святославѣ обнаруживаютъ въ ихъ текстѣ живое народное творчество. Пѣсни, восхвалявшія Святослава, могли послужить образцомъ для пѣсенъ, прославлявшихъ Владиміра Красное Солнышко.

Итакъ, возможно, что въ Кіевѣ, рядомъ съ ***говоромъ господствующихъ классовъ*** (κοινή), отражавшимъ особенности нѣсколькихъ русскихъ живыхъ говоровъ, складывался ***языкъ образованныхъ классовъ***, языкъ мѣстнаго духовенства и другихъ книжныхъ людей: въ основаніи своемъ—это былъ языкъ древнеболгарскій, но древнеболгарскій языкъ, прошедшій черезъ живую русскую среду, усвоившій себѣ русское произношеніе иноязычныхъ звуковъ и ассимилировавшійся живому русскому языку также въ морфологическомъ и лексическомъ отношеніи. На этомъ языкѣ и писали и говорили: говорило духовенство, совершая богослуженіе и обращаясь къ народу съ проповѣдью, говорили послы въ торжественныхъ рѣчахъ, говорили, такъ или иначе, всѣ вообще лица, прошедшія школы, основывавшіяся на Руси въ **XI** вѣкѣ.

Языкъ Кіева въ обоихъ его видахъ—языкъ городскихъ классовъ и языкъ духовенства—переходилъ отсюда въ другіе центры древней Руси, а изъ этихъ центровъ онъ различными пу-

тями просачивался и въ деревенскую среду, въ самую толщу народныхъ массъ.

Это распространеніе языка Кіева имѣло, какъ можно думать, немаловажное значеніе въ томъ объединяющемъ процессѣ, передъ лицомъ котораго мы стали, заговоривъ объ образованіи Кіевскаго государства и объ его культурныхъ задачахъ.

Механизмъ измѣненій въ языкѣ, какъ таковомъ.

Всякія измѣненія въ языкѣ имѣютъ своимъ источникомъ явленія индивидуальной языковой жизни. Начало измѣненіямъ кладутъ отдѣльныя личности. Успѣхъ этихъ начинаній въ широкой языковой средѣ обезпеченъ только тѣмъ изъ нихъ, которыя найдутъ отзвукъ въ психической и психофизической природѣ окружающей языковой среды,— этимъ обусловливается закономѣрность языковыхъ явленій, ихъ общность и послѣдовательность. Индивидуальный починъ (починъ, конечно, невольный, безсознательный) безслѣдно затирается, если онъ не согласованъ съ общимъ настроеніемъ языковой группы, да и самый починъ возможенъ лишь при сочувствіи (опять-таки невольномъ, безсознательномъ) говорящей среды. Тѣмъ не менѣе этотъ нормальный процессъ, проводящій взаимодѣйствіе индивидуальнаго и общественнаго начала, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзко измѣненъ въ пользу перваго изъ этихъ началъ въ случаѣ культурнаго или иного перевѣса однихъ элементовъ надъ другими: господствующіе элементы, даже отдѣльныя личности, къ нимъ принадлежащія, вызываютъ подражаніе, иногда и сознательное. Правда, многія изъ языковыхъ измѣненій, явившихся въ результатѣ такого подражанія, могутъ быть весьма недолговѣчными и преходящими, но другія, соотвѣтствующія вообще настроеніямъ (физическимъ и психическимъ) говорящей среды, могутъ и укорениться въ ней.

Для иллюстраціи этого положенія я сошлюсь на нѣкоторыя діалектическія явленія въ русскомъ языкѣ. На югѣ Россіи, въ городахъ Азовскаго побережья распространено, преимущественно среди женщинъ, произношеніе **с** вмѣсто **ц** (*сарь* вм. *царь*); по сообщенію изслѣдователей—это результатъ подражанія греческому населенію, играющему значительную роль въ экономической жизни городского населенія юга. На сѣверѣ Россіи крестьянское населеніе подъ вліяніемъ пришлыхъ элементовъ, усвоившихъ себѣ языкъ Москвы, стремится, въ особенности въ мужской своей части, отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ областныхъ особенностей, напр. отъ *цоканья*. Равнымъ образомъ оно освобождается и отъ нѣкоторыхъ морфологическихъ явленій; такъ, формы *твор. мн. рукамъ*,

людямъ и т. д. уступаютъ мѣсто формамъ *руками, людьми;* это ведетъ и къ дальнѣйшему распространенію усвоенныхъ путемъ подражанія формъ на **-ми** на счетъ формъ *дат. мн.:* болѣе или менѣе цивилизованные элементы крестьянскаго населенія начинаютъ говорить *благодаримъ вами* и т. п. Въ Бѣлоруссіи образованные элементы, подъ вліяніемъ подражанія великорусскому языку, стараются въ соотвѣтствіи съ великорусскимъ мягкимъ **р** (**р'**) произносить мягкое **р** (**р'**) на мѣстѣ своего твердаго **р** (говорятъ *царя, сверял, потерят'* вм. своихъ *цара, сверал, потерат'*), а это ведетъ къ замѣнѣ и и с к о н н а г о твердаго **г** черезъ **г'** (напр. *красный как ряк*).

Лингвистическое обоснованіе положенія объ объединяющей роли языка Кіева.

Подобныя же явленія имѣли, конечно, мѣсто и въ древней Руси, когда политическая и культурная гегемонія принадлежала Кіеву. Городскіе слои Новгорода, Ростова, Смоленска и другихъ городовъ подъ вліяніемъ прибывшихъ съ юга княжескихъ дружинниковъ, княжескихъ тіуновъ, торговыхъ людей и духовенства могли сглаживать тѣ или иныя областныя особенности своей рѣчи, усвоивая южное произношеніе; за городомъ должна была пойти деревня. Такъ, по основаніямъ апріорнымъ можно думать о вліяніи кіевскаго юга на всю языковую жизнь древней Руси.

Указаніе же на результаты этого вліянія можно видѣть въ тѣхъ общихъ явленіяхъ, преимущественно морфологическихъ, но также и звуковыхъ, которыя охватили всѣ говоры русскіе въ такую эпоху, когда они представлялись уже значительно обособленными благодаря предшествующей ихъ жизни, раздробившей русское племя и разселившей его на широкихъ пространствахъ. Къ такимъ явленіямъ мы не отнесемъ, конечно, тѣхъ, которыя для русскаго языка представляются исконными (явленія эти перечислены въ началѣ курса; см. стр. 14—16): такія явленія налицо уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка, во время возникновенія которыхъ еще не могло бы сказаться вліяніе государственнаго единства, только-что созданнаго и еще не окрѣпшаго. Имѣю въ виду такія явленія, которыя по ясному свидѣтельству памятниковъ можно признать позднѣйшими.

Сюда относится и з ъ о б л а с т и з в у к о в ъ *п а д е н і е г л у х и х ъ*: позднее наступленіе его доказывается тѣмъ, что его нельзя прослѣдить по памятникамъ раньше середины **XII** вѣка. *Паденіе глухихъ*, то-есть и с ч е з н о в е н і е и х ъ в ъ о д н и х ъ с л у ч а я х ъ (когда они произносились въ языкѣ весьма кратко) и п е р е х о д ъ и х ъ в ъ **о** и **е** в ъ д р у г и х ъ (а именно тамъ, гдѣ они произносились

кратко), могло бы, конечно, произойти въ различныхъ частяхъ русскаго языка, независимо отъ взаимнаго ихъ другъ на друга вліянія, но одновременность этого языкового явленія на всемъ пространствѣ, занятомъ русскими говорами (вторая половина **XII** вѣка и, можетъ быть, первыя десятилѣтія **XIII** вѣка), доказываетъ, какъ мнѣ кажется, общерусское его происхожденіе. Начавшись на югѣ, ***паденіе глухихъ*** быстро передалось на сѣверъ и на востокъ именно потому, что вездѣ были даны условія для его проведенія—наличность ***весьма краткихъ гласныхъ*** при общемъ произношеніи гласныхъ краткими или, при извѣстныхъ условіяхъ, полудолгими.

Изъ морфологическихъ явленій укажу на исчезновеніе родовыхъ различій во множественномъ числѣ ***словъ опредѣляемыхъ.*** Ср. для всего русскаго языка формы какъ *тъ*, *всѣ*, *они* (или *онѣ*), *мои*, *добрые* въ значеніи ***имен.-вин. мн.*** всѣхъ родовъ (соотвѣтствующія *древнія* формы: *ти, ты, та; вьси, вьсѣ, вься; они, оны, она; мои, моѣ, моя; добрии, добрыѣ, добрая*). Также *были* вмѣсто *исконныхъ были, былы, была.* Далѣе отмѣчу замѣну въ именахъ муж. рода формы ***им. мн.*** формой ***вин. мн.;*** напр., общее всему русскому языку произношеніе *столы* вмѣсто *столи.* Равнымъ образомъ, въ ***древнерусскомъ*** явилось *конѣ* въ формѣ ***им. мн.*** подъ вліяніемъ формы ***вин. мн.*** *конѣ.* Общимъ всему русскому языку, но проведеннымъ непослѣдовательно явленіемъ оказывается, дальше, вторженіе падежныхъ окончаній твердыхъ основъ въ склоненіе основъ мягкихъ (ср. *мѣстн. ед. мужѣ* вм. *мужи, землѣ* вм. *земли);* почти во всѣхъ русскихъ говорахъ окончательно вытѣснены старыя окончанія дат., твор. и мѣстн. мн. числа муж. и ср. рода соотвѣтствующими окончаніями женскаго рода, при чемъ эти окончанія **-ам, -ами, -ах** замѣнили также окончанія **-ем, -ьми, -ех** въ словахъ женскаго рода. Вездѣ въ русскомъ языкѣ отсутствуетъ двойственное число; также утрачено безпредложное употребленіе мѣстнаго падежа; далѣе, вездѣ утрачены аористы и имперфекты, также давнопрошедшее время,—всюду ихъ замѣнило прошедшее время, которое по происхожденію своему является причастіемъ на **-лъ;** всюду утрачено склоненіе и измѣненіе по родамъ сравнительной степени прилагательныхъ; также утрачено склоненіе и измѣненіе по родамъ причастій; утрачено достигательное наклоненіе и т. д. Мнѣ кажется, что начало всѣхъ этихъ, общихъ всему русскому языку явленій можно относить къ **XII—XIII** вѣку, когда, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, установилась вновь общая всему русскому языку жизнь, утраченная въ предшествующія эпохи.

Къ этой же эпохѣ можно отнести проникновеніе въ отдѣльные

русскіе говоры церковнославянскихъ элементовъ, заимствованныхъ прежде всего образованными слоями Кіева и южной Руси. Главнымъ образомъ такія заимствованія относятся къ кругу церковныхъ отвлеченныхъ понятій, ср. слова какъ *время, вредъ, средство, врагъ, срамъ, нравъ, благой, храмъ, главный* и т. п., но также, частью,—къ области матеріальной и соціально-экономической культуры, которая на сѣверъ и востокъ шла изъ Кіева, а въ Кіевъ приливала частью изъ Болгаріи: *вещь, товарищъ, сладкій, овощь* или *обощь;* заимствовались даже слова служебнаго характера, какъ *прежде, допрежде,* и, вѣроятно, также вытѣсненное впослѣдствіи *аще.*

Современный намъ языкъ сѣвера сохранилъ указаніе на то, что церковный языкъ попалъ на сѣверъ съ юга. До сихъ поръ сѣверяне, а подъ вліяніемъ сѣверянъ и москвичи, сохраняютъ произношеніе **взрывнаго г** (**g**); между тѣмъ слова *Господь* и *Бога, Богу* (въ *имен. Бохъ* звонкое **фрикативное г** замѣнено глухимъ **х** вслѣдствіе положенія въ концѣ слова) они произносятъ съ **фрикативнымъ г** (γ). Кромѣ того, до сихъ поръ въ церковномъ произношеніи держится **фрикативное г** и въ церковномъ окончаніи *род. пад.* **-аго** *(духа твоего святаго).* Такое **фрикативное г** могло придти къ намъ только черезъ посредство южной Руси, ибо Болгары, какъ видно изъ современнаго намъ болгарскаго языка и изъ другихъ южнославянскихъ языковъ, знали только **мгновенное г** (**g**). **Фрикативное г** (γ) мы имѣемъ еще въ словахъ *господинъ* и *богатый;* и эти слова заимствованы нами, слѣдовательно, съ юга.

Въ древности такое же **фрикативное г** имѣло на сѣверѣ слово *погостъ,* какъ видно изъ діалектическаго (извѣстнаго съ **XIV** в.) слова *повостъ,* гдѣ **в** замѣнило **фрикативное г** такъ же, какъ, напр., въ окончаніи род. падежа (*тово, доброво* вмѣсто *общерусскаго, прарусскаго того, доброго* съ **фрикативнымъ г**). «Погостъ» былъ однимъ изъ административныхъ установленій въ древней Руси; очевидно, что это установленіе пришло на сѣверъ съ юга: ср. лѣтописное сообщеніе о томъ, что Ольга «*уставила по Мсти погосты и дани, а по Лузѣ оброки и дани*». И администрація и вообще власть шла съ юга: о послѣднемъ можно заключить на основаніи *южнорусскаго* произношенія словъ какъ *господинъ, государь* съ **фрикативнымъ г** (γ).

Итакъ, мы останавливаемся на положеніи о томъ, что созданіе Кіевскаго государства, содѣйствовавъ объединенію русскихъ племенъ, внесло извѣстное единеніе и въ языковую ихъ жизнь. Единеніе это сказалось не только, 1), въ общихъ заимствованіяхъ, вызванныхъ общею культурною жизнью, и не только, 2), въ передачѣ господствующимъ племенемъ

нѣкоторыхъ своихъ словъ другимъ племенамъ, но также, 3), въ томъ, что русскій языкъ во всемъ своемъ объемѣ началъ переживать рядъ общихъ явленій въ области грамматической. Явленія эти, какъ можно думать, получали начало, зарождались на югѣ и отсюда, въ силу создавшихся культурно-экономическихъ и политическихъ условій, переходили на сѣверъ и востокъ.

Источники нашихъ свѣдѣній о древнерусскихъ племенахъ.

Кромѣ созданія русскаго государства, было еще нѣсколько значительныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ этнографическому и лингвистическому сближенію разошедшихся раньше русскихъ племенъ.

На этихъ факторахъ я остановлюсь ниже, имѣя въ виду ихъ наступленіе въ эпоху сравнительно позднѣйшую, а теперь перейду къ краткому обзору свѣдѣній о древнерусскихъ племенахъ, свѣдѣній, дошедшихъ до насъ изъ двухъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ — 1) изъ ученаго трактата императора Константина Багрянороднаго и 2) изъ русской лѣтописи. Эти свѣдѣнія дополнятъ предложенную выше (стр. 50—64) картину разселенія Восточнаго Славянства и освѣтятъ нѣкоторыя части предидущаго моего изложенія.

I.—Данныя Константина Багрянороднаго.

Константинъ Багрянородный въ числѣ прочихъ трудовъ оставилъ два трактата географическо-этнографическаго содержанія: одинъ, озаглавленный „О ѳемахъ“ (Περὶ θεμάτων) и содержащій описаніе Византійской имперіи по отдѣльнымъ ея областямъ; другой—„О народахъ“ (Περὶ ἐθνῶν), описывающій всѣ народы, жившіе въ предѣлахъ имперіи, а также нѣкоторые сосѣдніе варварскіе народы, при чемъ преподаются и нѣкоторыя правила внѣшней политики; въ ученой литературѣ это второе сочиненіе извѣстно подъ заглавіемъ „De administrando imperio“. Написаны они были въ разное время: сочиненіе „О ѳемахъ“ около **934** года, а сочиненіе „О народахъ“ въ **949** году. Свѣдѣнія о Восточныхъ Славянахъ находимъ во второмъ изъ названныхъ сочиненій, а именно первыя двѣнадцать главъ его посвящены Печенѣгамъ, Россамъ и Хазарамъ, 37-я—опять Печенѣгамъ, 38, 39 и 40-я—Уграмъ, 42-я—описанію сѣвернаго и восточнаго берега Чернаго моря. Оба труда Константина имѣются въ русскомъ переводѣ, исполненномъ Г. Ласкинымъ. Г. Ласкинъ снабдилъ свой переводъ изслѣдованіемъ и учеными примѣчаніями. Его трудъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ» при Имп. Московскомъ университетѣ за 1899 годъ (книга I).

Сообщу Вамъ выписки, относящіяся къ интересующимъ насъ отношеніямъ.

Глава 2. — «*Печенѣги сосѣдни и съ Россами* (выше сказано, что Печенѣги граничатъ съ частью Херсонской области) *и граничатъ съ ними, и часто, когда они не въ мирѣ между собою, тѣ* (т. е. Печенѣги) *дѣлаютъ набѣги на Русь и значительно ей вредятъ и опустошаютъ ее. Поэтому Россы стараются жить въ мирѣ съ Печенѣгами, потому что покупаютъ у нихъ коровъ, лошадей и овецъ, и черезъ это живутъ легче и въ большемъ довольствѣ, потому что изъ этого скота ничего не водится въ Руси. Да и Россы не могутъ вовсе отправляться на войну въ чужую землю, если не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами, такъ какъ тѣ могутъ во время ихъ отсутствія съ родины сдѣлать нападеніе, ограбить и опустошить ее. Поэтому Россы всегда стараются, чтобы не имѣть отъ нихъ вреда вслѣдствіе силы этого народа, быть съ ними въ союзѣ и получать отъ нихъ помощь, такъ что они и избѣгаютъ ихъ враждебныхъ дѣйствій и пользуются* (ихъ) *помощью. Не находясь въ мирѣ съ Печенѣгами, Россы не могутъ приблизиться къ этому царственному граду Ромеевъ ни для войны, ни по* (торговымъ) *дѣламъ. Потому что, когда Россы съ своими судами находятся на порогахъ рѣки и не могутъ пройти, если не вытащатъ своихъ лодокъ изъ рѣки и не пройдутъ, неся ихъ на плечахъ, если въ то время на нихъ нападаютъ эти Печенѣги, то они* (Россы), *не будучи въ силахъ сопротивляться вслѣдствіе двойного труда, легко бываютъ обращаемы въ бѣгство и побиваемы*».—Замѣчательною иллюстраціей вѣрности этого положенія служитъ упомянутый выше (стр. 75) походъ Святослава на Византію, когда Печенѣги, занявъ пороги, не пропустили его разбитыя въ Болгаріи дружины и затѣмъ уничтожили ихъ въ Бѣлобережіи.

Изъ главы 5-й разсматриваемаго сочиненія видно, что Печенѣги сосѣдили съ Болгаріей. Слѣдовательно, въ серединѣ **X** вѣка они занимали нижнія теченія Днѣпра, Южнаго Буга и Днѣстра вплоть до устьевъ Дуная. Отъ этихъ—западныхъ Печенѣговъ Константинъ отличаетъ Печенѣговъ восточныхъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ частью Херсона.

Въ 37-й главѣ онъ подробнѣе останавливается на этомъ раздѣленіи Печенѣговъ, указывая, что границей между ними является рѣка Днѣпръ: восточные Печенѣги граничатъ съ Узіей, Хазаріей, Аланіей, Херсономъ, а западные — съ Болгаріей, Венгріей, Русью и съ подвластными Руси племенами: Ултинами (Οὐλτίνοις), Дервленинами (Δερβλενίνοις), Лензенинами (Δενζενίνοις) и другими Славянами. — Итакъ, Константинъ подтверждаетъ наличность тѣхъ отношеній, которыя отмѣчены нами выше (стр. ср. 68, 71—73): на правомъ берегу средняго теченія Днѣпра живетъ *Русь*, господствующая надъ славянскими племенами. Наиболѣе южными, сосѣдними съ Печенѣгами, названы три племени, изъ которыхъ второе несомнѣнно

соотвѣтствуетъ *Деревлянамъ* нашей лѣтописи. Что до *Ултиновъ*, то это, конечно, наши лѣтописные *Уличи* съ присоединеннымъ къ ихъ имени словообразовательнымъ суффиксомъ -ιν- (слѣдовательно, Οὐλτίνοι — вмѣсто ожидаемаго Οὐλιτίνοι, при чемъ русское ч передано черезъ греч. τ). Имя *Лензенины* отождествляютъ съ именемъ *Лучанъ*, что возможно въ томъ случаѣ, если сосѣдніе Болгары называли Лучанъ *лѧчане;* во всякомъ случаѣ увѣренности въ томъ, что Λενζενίνοι — это Лучане, у меня нѣтъ; другіе ученые отождествляютъ это племя съ *Лутичами,* но Лутичи, какъ увидимъ, сами подъ сомнѣніемъ.

Подробнѣе говоритъ Константинъ о Россахъ и подвластныхъ имъ Славянахъ въ 9-й главѣ. Сообщу нѣсколько выдержекъ изъ нея. «*Однодревки внѣшней Руси, приходящія въ Константинополь, идутъ изъ Новгорода* (Νεμογαρδάς), *въ которомъ сидѣлъ Святославъ, братъ Игоря, князя Руси. Есть и изъ Смоленска* (Μιλινίσκα) *и изъ Любеча* (τελιούζαν, что быть можетъ, по предположенію комментаторовъ,—вмѣсто τὰ Λιούβτζα), *и Чернигова* (Γζερνιγώγαν), *и изъ Вышгорода* (Βουσεγραδὲ). *Всѣ они спускаются рѣкою Днѣпромъ и собираются около города Кіева, который получилъ названіе* Σαμβατάς (значеніе этого имени не выяснено). *Славяне же, платящіе имъ дань: такъ называемые Кривичи* (Κριβηταινοί), *Лензанины* (?) *и остальные Славяне на своихъ возвышенностяхъ вырубаютъ въ зимнее время однодревки, налаживаютъ ихъ ко времени вскрытія* (рѣки) *и, когда пройдетъ ледъ, вводятъ ихъ въ ближнія заводи. И такъ какъ онѣ втекаютъ въ Днѣпръ, то и они черезъ это входятъ въ рѣку и спускаются въ Кіевъ, тащутъ ихъ для оснащиванія и продаютъ ихъ Руссамъ... Въ іюнѣ мѣсяцѣ они спускаются по рѣкѣ Днѣпру до Витечева* (Βιτετζέβη), *города, платящаго дань Руссамъ*».

Далѣе Константинъ перечисляетъ и описываетъ пороги, которые приходилось миновать русскимъ судамъ, когда они плыли внизъ по Днѣпру, при чемъ приводитъ «русское» и славянское названіе этихъ пороговъ (ῥωσσιστί и σκλαβενιστί). Это — во-первыхъ, Ἐσσουπῆ, что означаетъ по-русски и по-славянски «не спать» (ср. *древнерусское не сѣпи*); во-вторыхъ, порогъ, называемый по-русски Οὐλβορσί, а по-славянски Ὀστροβουνίπραχ, что означаетъ «Островъ порога» (*древнерусское островьныи порогъ*; *по-древневолгарски «островьныи праг»);* въ-третьихъ, Γελανδρὶ, что по-славянски означаетъ «шумъ порога»; въ-четвертыхъ, порогъ, называемый по-русски Ἀειφάρ, а по-славянски Νεασὴτ, потому что пеликаны гнѣздятся на скалахъ порога (*древнерусск. неясыть* значитъ пеликанъ); въ-пятыхъ, порогъ, называемый по-русски Βαρούφορος, а по-славянски Βουλνιπράχ, такъ какъ онъ образуетъ большую заводь (*древнерусск. вълна* и *порогъ, древневолг. праг);* въ-шестыхъ, порогъ, называемый по-русски Λεάντι, а по-славянски Βερούτζη, что значитъ «кипѣніе воды» (ср. *древнерусск. вьру-*

чии — кипящій); въ-седьмыхъ, порогъ, называемый по-русски Στρούβουν (или Στρούχουν), а по-славянски Ναπρέζη, что̀ значитъ «малый порогъ».

Описавъ затѣмъ дальнѣйшій путь русскихъ однодревокъ въ направленіи къ Константинополю, Константинъ Багрянородный продолжаетъ свое описаніе такъ: «*Зимній же образъ жизни самихъ Россовъ суровъ и состоитъ въ слѣдующемъ: когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, тотчасъ выходятъ ихъ князья со всѣми Россами изъ Кіева и отправляются въ полюдье, которое называется гирой* (εἰς τὰ πολύδια, ἃ λέγεται γύρα) *и именно въ славянскія* (страны) Βερβιανῶν (вмѣсто Δερβιανῶν, то есть Деревлянъ), Δρουγουβιτῶν (Дреговичей), Κριβιτζῶν (Кривичей), Σερβίων (Сѣверянъ) *и остальныхъ Славянъ, которые платятъ дань Россамъ. Они кормятся тамъ въ теченіе цѣлой зимы, а когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ледъ на Днѣпрѣ опять проходитъ, спускаются въ Кіевъ. Затѣмъ пріобрѣтаютъ, какъ было сказано выше, свои однодревки, снаряжаютъ ихъ и отправляютъ въ Византію».*

Эта замѣчательная для русскаго историка страница согласуется вполнѣ со сказаннымъ выше относительно происхожденія Руси и русскаго государства.

Начнемъ съ имени *Россія*. Константинъ называетъ имъ территорію Кіева и ближайшихъ его окрестностей. Все остальное носитъ названіе «внѣшней Россіи» (ἡ ἔξω Ῥωσία), обозначающее, очевидно, страну, подвластную Руси; къ «внѣшней Россіи» относится даже уже Вышгородъ, отстоящій отъ Кіева на 20 верстъ къ югу, и Витичевъ на югѣ, ибо Витичевъ названъ городомъ, платящимъ дань Руси.

На осеннее полюдье отправляется вся Русь, то есть кіевскій князь и его дружина. Отсюда ясно, что и въ самомъ Кіевѣ Русь была господствующимъ слоемъ и при томъ господствующимъ конечно надъ славянскимъ населеніемъ.

Восточные Славяне, въ лицѣ нѣсколькихъ названныхъ Константиномъ Багрянороднымъ племенъ, представляются данниками Руси.

Русь, судя по приведеннымъ на ея языкѣ названіямъ пороговъ, несомнѣнно не славянское племя. Эти названія доказываютъ, что Русь была скандинавскимъ племенемъ, ибо они объясняются изъ древнескандинавскаго языка. Такъ, названіе Οὐλβορσί, означающее «порогъ острова», вслѣдъ за В. Томсеномъ, отождествимъ съ *древнескандинавскимъ Holm-fors* (*holm* значитъ островъ, *fors* — водопадъ, быстрина, порогъ); названіе Βαρούφορος — это *древне-норманское Báru-fors* (*bára* — волна), то есть порогъ волны; Στρούχουν — ср. *норвежск. strok, stryk*, означающее теченіе въ рѣкѣ, суженіе русла съ

усиліемъ теченія. Правда, не всѣ названія, обозначенныя у Багрянороднаго, какъ ῥωσσιστί и σκλαβενιστί, поддаются объясненію изъ скандинавскаго, но не забудемъ того, что они дошли до насъ въ испорченномъ видѣ; однако, противоположеніе ῥωσσιστί и σκλαβενιστί—очевидно, и совершенно ясно, что подъ «русскимъ» Багрянородный не могъ разумѣть славянскій языкъ, а обозначалъ этимъ названіемъ иноязычное, не славянское племя.

Такимъ образомъ, свидѣтельство Константина Багрянороднаго ближайшимъ образомъ можетъ быть сопоставлено съ указаніемъ Ватиканскаго списка продолжателя Амартола, который, сообщая о нашествіи Руси на Царьградъ въ **941** году, прибавляетъ къ имени «οἱ Ῥῶς» слова «ἐκ γένους τῶν Βαράγγων», а это указаніе вполнѣ равносильно утвержденію нашей лѣтописи, ясно опредѣляющей Русь какъ одно изъ варяжскихъ племенъ.

Данныя русской лѣтописи.

Перехожу къ даннымъ **русской лѣтописи** о разселеніи и мѣстожительствѣ восточнославянскихъ племенъ.

Подъ древнею лѣтописью обыкновенно разумѣется составленный въ Кіевѣ во второмъ десятилѣтіи **XII** вѣка сводъ, озаглавленный „Повѣстью временныхъ лѣтъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что этому своду предшествовали другіе лѣтописные своды. Опредѣленіе ихъ числа и ихъ состава—дѣло будущаго; но одинъ изъ такихъ сводовъ выясняется въ опредѣленныхъ чертахъ, благодаря тому, что значительные его отрывки сохранились въ извѣстной группѣ списковъ такъ называемой „Новгородской 1-ой лѣтописи“, а именно въ спискахъ Коммиссіонномъ, Академическомъ, Толстовскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. По цѣлому ряду основаній, на которыхъ мы здѣсь не остановимся, время составленія и объемъ этого свода, быть можетъ непосредственнаго предшественника „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, опредѣляется **1093**—**1095** годомъ. Онъ весьма существенно отличался отъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (преимущественно въ части до **945** года), и отличія зависѣли главнымъ образомъ отъ того, что составитель свода не имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительнаго количества источниковъ, использованныхъ составителемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Къ числу такихъ источниковъ относятся греческая хроника Амартола и его продолжателя въ болгарскомъ переводѣ, договоры съ Греками, Легенда о хожденіи апостола Андрея и многіе другіе.

Вслѣдствіе сравнительной съ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“ скудости источниковъ, этотъ лѣтописный сводъ, который назовемъ „Начальнымъ“ сводомъ, не представлялъ въ началѣ

того географическо-этнографическаго введенія, которое мы находимъ въ началѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“; въ этомъ введеніи, какъ увидимъ (см. стр. 95—97), составитель „Повѣсти“ подробно останавливается на восточнославянскихъ племенахъ, ихъ разселеніи и ихъ нравахъ. Въ Начальномъ сводѣ такихъ свѣдѣній нѣтъ, но тѣмъ не менѣе имена племенъ приводятся въ разныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и по этимъ извѣстіямъ можно опредѣлить ихъ мѣсто жительства.

2. — Данныя Начальнаго свода.

Полянами Начальный сводъ называетъ то русское племя, въ области котораго находился городъ Кіевъ. Поляне издревле находятся во враждѣ съ *Древлянами,* ихъ ближайшими сосѣдями, занимавшими преимущественно лѣсныя пространства къ сѣверу отъ Кіева, между тѣмъ какъ Поляне, судя по ихъ имени, сидѣли въ степной мѣстности, прилегавшей къ Черноморскимъ степямъ.

Область Древлянъ, *по-древнерусск. Деревляне*, называлась въ Кіевѣ *Дерева*. Лѣса на сѣверѣ Кіевской области переходили незамѣтно въ «Дерева»; ср. подъ **975** г. «*Ловы дѣющю Свѣньлдицю, именемъ Лутъ, ишедъ бо ис Кыева, гна по звѣри въ лѣсъ*»: оказалось, что Лютъ гоняясь за звѣремъ, попалъ въ Деревскую область, и за это онъ былъ убитъ деревскимъ княземъ Олегомъ. Древлянскіе города *Искоростѣнь* и *Вѣручии* ясно свидѣтельствуютъ, что Древляне сидѣли въ нынѣшней Волынской губ.: ср. нынѣшній Искорость и г. Овручъ.

Южными сосѣдями Полянъ были *Уличи:* такъ передается это имя въ спискахъ Новгородской 1-ой лѣтописи. Жительство этого племени опредѣляется довольно точно, и это опредѣленіе раскрываетъ передъ нами любопытнѣйшую страницу въ исторіи разселенія южнорусскихъ племенъ: «*И бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру внизъ, и посемь преидоша межи Боігъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо*». Итакъ, нѣкогда Уличи сидѣли восточнѣе—между Днѣпромъ и Бугомъ, а можетъ быть и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а потомъ продвинулись къ западу, занявъ область между Бугомъ и Днѣстромъ. Очевидно, переселеніе ихъ было недобровольнымъ; его надо поставить въ прямую причинную связь съ напоромъ съ востока, всего вѣроятнѣе—Печенѣговъ. Переселившись въ область между Бугомъ и Днѣстромъ, Уличи, быть можетъ, оттѣснили оттуда къ сѣверу Полянъ.

Сѣверяне не упоминаются въ отрывкахъ, сохранившихся въ Новгородской 1-ой лѣтописи.

Что до болѣе сѣверныхъ племенъ, то, идя верхъ по Днѣпру, мы встрѣчаемся съ *Радимичами.* Они сидятъ на *Пищанѣ,* вѣроятно тождественной съ рѣкой Пищанью, другимъ названіемъ для Рудницы, праваго притока Прони, впадающей въ Днѣпръ въ предѣлахъ нынѣшней

Могилевской губерніи. Какъ мы видѣли, лѣтописецъ сообщаетъ, что Радимичи «*бѣша отъ рода Ляховъ, прешедше ту ся вселиша*».

Сѣвернѣе Радимичей сидятъ *Кривичи* и *Словѣне*.

Ближайшимъ образомъ мѣсто жительства Кривичей лѣтописцемъ не опредѣляется, но то обстоятельство, что они участвуютъ въ призваніи Варяговъ (вмѣстѣ со Словѣнами и Мерею) и что одинъ изъ трехъ князей-братьевъ, прибывшихъ на зовъ изъ-за моря, садится въ *Изборскѣ*, доказываетъ, что лѣтописецъ (или его источникъ) связывалъ Кривичей съ городомъ Изборскомъ: ср. въ одной изъ позднѣйшихъ лѣтописей (архангелогородской) указаніе на то, что Изборскъ «*бысть градъ великый въ Кривичѣхъ*». Такимъ образомъ, Кривичами была заселена между прочимъ Псковская область.

Словѣне жили въ Новгородской области: призванный ими князь садится въ *Новѣгородѣ*.

Начальный сводъ упоминалъ еще о *Вятичахъ*. Судя по статьѣ **964** года, гдѣ они упомянуты, Вятичи сидѣли во время составленія Начальнаго свода на Окѣ, ибо только упоминаніемъ о Вятичахъ въ сообщеніи о походѣ Святослава на Хазаръ (на Волгу) можно объяснить себѣ слова „путь на Оку рѣку и на Волгу“ въ отрывкѣ: «*Иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятици, и рече Вятицемъ: „Кому дань даете“? Они же рѣша: „Козаромъ“* и т. д. Но, какъ я уже указывалъ (стр. 58), можно думать, что въ старшемъ сводѣ, предшественникѣ Начальнаго свода, читалось: «*Иде на Волгу на Козары, и налѣзе Вятичѣ*» и т. д., а слова «*и на Оку рѣку*» вставлены составителемъ Начальнаго свода, который зналъ, что Вятичи въ его время не могли попасться на прямомъ пути изъ Кіева къ Дону и Волгѣ, ибо они сидѣли на Окѣ. Отсюда дѣлаемъ выводъ: Вятичи сидѣли нѣкогда южнѣе—въ бассейнѣ Дона, но въ **XI** вѣкѣ они вынуждены были удалиться къ сѣверу; удаленіе это могло быть вызвано паденіемъ Хазарскаго царства и появленіемъ въ юговосточной Россіи могущественныхъ Половцевъ.

Что же говоритъ Начальный сводъ о Руси? Онъ противополагаетъ *Русь—Словѣнамъ*. *Русская* земля—это *Польская земля*, Кіевская область. *Русь* совершаетъ походъ на Царьградъ еще до призванія Варяговъ. Въ разсказѣ о походѣ Олега *Русь*—это, конечно, близкіе лѣтописцу *Поляне*, а *Словѣне*—это малообразованные жители сѣвера. Словѣне, Кривичи, Меря и Чудь призываютъ къ себѣ Варяговъ, а не Русь. Правда, совершенно неожиданно лѣтописецъ замѣчаетъ: «*и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и отъ тѣхъ словетъ Руская земля*»; но весьма вѣроятно, что это—позднѣйшее чтеніе, возникшее уже въ Новгородской лѣтописи, а что въ Начальномъ сводѣ читалось «*и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася*

Варязи»: ср. вслѣдъ за этимъ слова «*и суть Новгородстіи люди до днешняго дне отъ рода Варяжьска*». Что Начальный сводъ не выводилъ названія Руси отъ Варяговъ, особенно ясно изъ того, что, разсказавъ о захватѣ Кіева Игоремъ, онъ сообщаетъ: «*И сѣде Игорь, княжа въ Кыевѣ, и бѣша у него мужи Варязи* (и) *Словѣне, и отътолѣ прозвашася Русию*». Такъ читается въ Коммиссіонномъ спискѣ, гдѣ, однако, къ слову *отътолѣ* приписано позже, на полѣ слово *прочии*, совершенно измѣняющее первоначальный смыслъ фразы. Очевидно, первоначальный смыслъ этой фразы въ томъ, что, сѣвши въ Кіевѣ, Игорь и его дружина назвались Русью; слѣдовательно, имя *Русь* они не принесли съ собой съ сѣвера, а получили его на югѣ.

3. — Данныя „Повѣсти временныхъ лѣтъ".

Перехожу къ даннымъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ".

Знакомство съ хроникой Амартола навело ея составителя (мы признаемъ его Несторомъ) на мысль дать этнографическое и географическое введеніе къ его труду. Но, вѣроятно, эта мысль окрѣпла и нашла себѣ осуществленіе благодаря еще одному обстоятельству: составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ" получилъ въ свое распоряженіе какое-то произведеніе церковно-славянской литературы, посвященное, какъ можно думать, исторіи дѣятельности славянскихъ первоучителей и касавшееся вопроса объ единствѣ Славянъ, объ общемъ ихъ происхожденіи. Произведеніе это не дошло до насъ, и мы можемъ догадываться объ его существованіи только по отрывкамъ, заимствованнымъ изъ него въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ". Нѣсколько заимствованій сдѣлано въ вводной части „Повѣсти", а болѣе обширно использовано это произведеніе подъ **6406 (898)** годомъ, гдѣ сообщается о переводѣ священныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ; легко убѣдиться въ томъ, что въ обоихъ мѣстахъ „Повѣсти" имѣются общія заимствованія изъ этого произведенія. Исходя изъ мысли объ единствѣ славянскаго племени,—а на такую мысль наталкивала проповѣдническая дѣятельность Кирилла и Меѳодія, утвердившаяся какъ среди Моравянъ, такъ и среди Дунайскихъ Болгаръ,—авторъ интересующаго насъ произведенія объясняетъ это единство происхожденіемъ *Славянъ* изъ одной общей родины: Славяне исконно сидятъ по его указанію на Дунаѣ. Но нашествіе *Волоховъ*,—а подъ Волохами, какъ мнѣ кажется, разумѣлась Франкская монархія Карла Великаго (ср. стр. 37, 62),—принудило Славянъ къ разселенію: часть сѣла на рѣкѣ Моравѣ —отсюда *Моравяне*, другая часть назвалась *Чехами*; осѣвшіе по Вислѣ Славяне назвались *Ляхами*, другіе—*Маровшанами*, *Лутичами*, *Поморянами*. *Словѣнами* были и *Бѣлые Хорваты*, и *Сербы*, и *Хорутане*; жившіе по

Дунаю (нижнему теченію) *Словѣне* были покорены пришедшими изъ Скиѳіи Болгарами. Весьма вѣроятно, что разсматриваемое произведеніе упоминало и о Восточныхъ Славянахъ, но едва ли удастся опредѣлить, что именно оно знало о ихъ разселеніи и о ихъ племенномъ дѣленіи; возможно, что изъ всего Восточнаго Славянства названы были здѣсь одни только Поляне.

Несторъ, включивши свѣдѣнія объ единствѣ Славянъ и о разселеніи Славянъ Южныхъ и Западныхъ изъ указаннаго произведенія, дополнилъ его самостоятельно данными о восточнославянскихъ (русскихъ) племенахъ. «*Такоже и ти Словѣне прешедъше сѣдоша по Днѣпру*» — читаемъ мы у него — «*и нарекошася Поляне, а друзии — Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчькы ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полоту, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣне же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и прозваша и Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ*». Вотъ главный отрывокъ Несторовой лѣтописи, гдѣ сообщены данныя о древнихъ племенахъ: сдѣлавъ исходной точкой Кіевъ, Несторъ мысленно двигается, очевидно, къ сѣверу, къ „верховнымъ землямъ“: сѣвернѣе *Поляне* жили *Древляне*, доходившіе до Припяти; за Припятью къ сѣверу, въ направленіи къ Двинѣ жили *Дреговичи*, а сѣвернѣе ихъ — на Двинѣ — сидѣли *Полочане*; сѣвернѣе (точнѣе — сѣверовосточнѣе) Полочанъ сидѣли новгородскіе *Словѣне*. Мысль Нестора переходитъ, затѣмъ, на лѣвый берегъ Днѣпра и называетъ *Сѣверяне* (или *Сѣверъ*), сидѣвшихъ, какъ видно, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерній.

Свѣдѣнія объ этихъ племенахъ, а также о другихъ, съ ними сосѣднихъ, сообщаются и дальше. Разсказавъ объ основаніи Кіева, а раньше еще внеся въ текстъ лѣтописи легенду объ апостолѣ Андреѣ, Несторъ, чтобы вернуться къ оставленному имъ предмету — разсказу о разселеніи Восточныхъ Славянъ, составилъ слѣдующую переходную фразу: «*И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое; а другое на Полотѣ, иже Полочане*». Непосредственно же за этимъ Несторъ продолжаетъ: «*Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Воли, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; тудъ бо сѣдятъ Кривичи*». Итакъ, въ представленіи лѣтописца Словѣне и Кривичи были тѣсно связаны (ср. слова «*а Словѣне свое, а другое на Полотѣ, иже Полочане*»), между тѣмъ, какъ увидимъ, Полочане принадлежали къ Кривичамъ. Центромъ Кривичей Несторъ ниже полагаетъ Смоленскъ, ибо Кривичи сидятъ по верхнему теченію Днѣ-

пра, Двины и Волги. Можно думать, что поселенія Кривичей заходили довольно далеко на востокъ, если фразу, стоящую непосредственно за только-что приведенными словами «*таже Сѣверъ отъ нихъ* (то-есть отъ Кривичей). *На Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Весь*» исправить такъ: «*таже на сѣверъ отъ нихъ, на Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Весь*».

Немного ниже, послѣ перечня нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, Несторъ подводитъ итогъ своему предидущему изложенію, перечисляя сначала живущія въ Руси племена, принадлежащія къ Словѣнскому языку, а потомъ—инородцевъ, дающихъ дань Руси.

Въ первомъ перечнѣ, вводящемся словами: «*И бѣ тогдо Словѣнескъ языкъ въ Руси*», названы *Поляне, Деревляне, Новгородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане* («*зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне*»). Итакъ, это все уже приведенныя выше племена, кромѣ Бужанъ, называемыхъ впервые, а потому съ опредѣленіемъ ихъ мѣста жительства. Неясно, почему вмѣсто Новгородцевъ не названы Словѣне и почему не упомянуты Кривичи.

Второй перечень вводится словами: «*А се суть инии языци, иже дань дають Руси*», причемъ названы *Чудь, Меря, Весь* и др.

Несторъ переходитъ, затѣмъ, къ разсказу объ Обрахъ, творившихъ насиліе надъ *Дулѣбами*: «*Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны*». Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ жившее въ Руси племя *Дулѣбовъ*, раньше не упомянутое, вводится въ число племенъ Словѣнскаго рода. Очевидно, Несторъ увидѣлъ, что онъ поспѣшилъ со своимъ итогомъ и что имъ названы еще не всѣ племена.

Отмѣтивъ еще разъ словѣнское происхожденіе Полянъ и Древлянъ, Несторъ продолжаетъ: «*Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другии Вятько; и пришедъша сѣдоста Радимъ на Сожь, и прозвашася Радимичи, а Вятько сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи*». На этомъ сообщеніи лѣтописи я уже останавливался (стр. 58—59). Скажу еще разъ, что достовѣрнымъ представляется мнѣ ляшское происхожденіе только Радимичей, ибо о немъ говоритъ и Начальный сводъ (см. выше—стр. 57, 58, 93). Тѣсная связь Радимичей съ Вятичами, зависѣвшая, какъ кажется, отъ того, что Радимичи сидѣли раньше дальше на востокѣ, по Окѣ,—въ мѣстностяхъ, занятыхъ позже Вятичами,—была причиной распространенія легенды о ляшскомъ происхожденіи и на Вятичей. Мнѣ придется вернуться къ этому вопросу и еще разъ (см. подъ заголовкомъ „Дополнительныя соображенія о Радимичахъ, Дреговичахъ и Вятичахъ“).

Введя въ кругъ словѣнскихъ племенъ Дулѣбовъ, Радимичей и Вятичей, Несторъ рѣшился дать снова перечень этихъ племенъ. Онъ ввелъ его словами: «*И живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне и Сѣверъ и Ра-*

димичи и Вятичи и Хорвате. Дулѣби живяху по Бугу, идѣ ныне Велыняне, а Уличи и Тиверьци сѣдяху по Двнѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ множьство ихъ: сѣдяху бо преже по Бугу и по Двнѣпру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дьне, да то ся звваху отъ Грькъ „Великая Скуѳь“». Предложенное здѣсь чтеніе содержитъ поправку сравнительно съ Лаврентьевскимъ спискомъ, гдѣ читается «*сѣдяху бо по Днѣстру*». Поправка основана, во-первыхъ, на томъ, что выше уже сказано «*сѣдяху по Двнѣстру*»; во-вторыхъ, на томъ, что въ Радзивилловскомъ, Академическомъ и Ипатьевскомъ спискахъ вмѣсто словъ «*по Двнѣстру и присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ множьство ихъ: сѣдяху бо преже по Двнѣстру*» читается «*по Бугу и по Днепру*»; въ-третьихъ, на основаніи приведеннаго выше (стр. 92) сообщенія Начальнаго свода, изъ котораго видно, что *Уличи* сидѣли раньше по Днѣпру, а позже сѣли между Богомъ и Днѣстромъ. Исправленное, точнѣе—возстановленное такимъ образомъ чтеніе „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ дополняетъ ту страницу въ исторіи разселенія южнорусскихъ племенъ, которую, какъ мы видѣли (стр. 92), раскрываетъ сообщеніе Начальнаго свода: Уличи и Тиверци сидѣли нѣкогда между Днѣпромъ и Бугомъ до самаго моря, но потомъ (по сообщенію Начальнаго свода) они поселились между Бугомъ и Днѣстромъ, а еще позже (при Несторѣ) они сидятъ уже по Днѣстру, доходя до Дуная и, повидимому, отойдя отъ Южнаго Буга.

Несторъ сообщаетъ еще кое-какія данныя о русско-славянскихъ племенахъ: онъ описываетъ ихъ нравы, противополагая кроткіе нравы очевидно болѣе культурныхъ Полянъ дикимъ нравамъ Древлянъ, съ одной стороны, нравамъ не менѣе дикимъ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, съ другой. Впрочемъ, дикими нравы Древлянъ, Радимичей и Сѣверянъ были въ прошломъ (ср. прошедшія времена: *творяху, живяху* и т. д.); только о Вятичахъ сказано, что они сжигаютъ мертвыхъ еще и теперь: «*еже творять Вятичи и нынѣ*». Подобные дикіе нравы и обычаи имѣли также и Кривичи, какъ замѣчаетъ Несторъ.

Переходя къ лѣтописному изложенію событій, Несторъ возсоздаетъ намъ картину господствовавшихъ нѣкогда въ западной Россіи отношеній, когда *Словѣне* и *Кривичи* вмѣстѣ съ *Чудью, Весью* и *Мерею* давали дань Варягамъ, а *Поляне, Сѣверяне* и *Вятичи*—Хазарамъ. Эти отношенія измѣнились благодаря призванію Варяговъ племенами сѣвера. Въ противоположность Начальному своду, Несторъ говоритъ, что призваны были собственно не Варяги, а одно изъ варяжскихъ племенъ—*Русь*. Изъ предидущаго видно, что дало Нестору поводъ къ такому утвержденію. *Русью* (подъ вліяніемъ финской этнографической среды) прозвались Варяги, осѣвшіе издавна въ Прибалтійскомъ краѣ и двинувшіеся позже во главѣ славянскихъ племенъ къ

югу на добычу Царьграда (см. стр. 67). Несторъ зналъ, что *Русь* были исконно Варягами и что названіе *Русь* на югъ принесено скандинавскими выходцами. Отсюда одинъ шагъ до утвержденія, что Русь была призвана на сѣверъ изъ-за моря.

Подъ **862** годомъ Несторъ первыми насельниками въ *Новгородѣ* назвалъ *Словѣнъ*, а первыми насельниками въ *Полотскѣ*—*Кривичей*. Этому противорѣчитъ, какъ-будто, то приведенное выше (стр. 95) мѣсто, гдѣ Несторъ говоритъ, что Полотское княженіе пошло отъ Словѣнъ.

Подъ **882** годомъ Несторъ сообщаетъ, что Олегъ, направляясь къ югу съ полчищами *Варяговъ*, *Чуди*, *Словѣнъ*, *Мери*, *Веси* и *Кривичей*, прежде всего входитъ въ область *Кривичей* и овладѣваетъ Смоленскомъ. Можно заключить отсюда, что только часть Кривичей была втянута въ жизнь сѣвера, между тѣмъ какъ Кривичи по-днѣпровскіе держались самостоятельно или даже тянули къ югу. Олегъ покоряетъ своей власти, кромѣ Словѣнъ и Кривичей, также *Полянъ*, *Древлянъ*, *Сѣверянъ* и *Радимичей*, а съ «*Уличи и Тиверци*», замѣчаетъ лѣтописецъ, онъ «имѣлъ рать». Но подъ **907** годомъ, по сообщенію того же лѣтописца, въ войскахъ Олега, двинутыхъ имъ противъ Царьграда, кромѣ Варяговъ, Чуди и Мери, участвуютъ не только *Словѣне*, *Кривичи*, *Поляне*, *Сѣверяне*, *Древляне* и *Радимичи*, но также *Хорваты*, *Дулѣбы* и *Тиверцы* (держусь чтенія Ипатьевскаго списка, и считаю, что включеніе Вятичей въ Радзивилловскомъ и Академическомъ спискахъ обязано позднѣйшей поправкѣ: ср. стр. 58). Итакъ, все-таки отсутствуютъ Уличи.

Перечисливъ эти племена, лѣтописецъ замѣчаетъ: «*яже суть толковины си вси звахуться отъ Грекъ „Великая Скуѳь“*». Повидимому, «*яже суть толковины*» относится къ однимъ Тиверцамъ, а дальнѣйшее — ко всему перечню; не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что подобное же указаніе (*«да то ся звахуть отъ Грекъ „Великая Скуѳь“»*) выше (см. стр. 97) отнесено къ Уличамъ и Тиверцамъ вмѣстѣ... Слово *толковина* означаетъ переводчикъ; наименованіе Тиверцевъ толковинами указываетъ, вѣроятно, на ихъ двуязычность. Эта двуязычность наводитъ на мысль о смѣшеніи Тиверцевъ съ степными сосѣдями ихъ—Тюрками. О „поганыхъ толковинахъ“, разумѣя подъ ними если не Половцевъ, то Торковъ или Берендѣевъ, говорилъ князь Святославъ Всеволодичъ, разсказывая свой зловѣщій сонъ („Слово о полку Игоревѣ“): «*чрьпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ*

великыи женчюгъ на лоно, и нѣюютъ мя». Весьма вѣроятна догадка, высказанная А. И. Соболевскимъ (Виз. вр. I, 460), что другимъ названіемъ для *Толковинъ* было тождественное съ нимъ по значенію *Тълмачи*; но это еще болѣе сближало бы нашихъ *Толковинъ*, слѣдовательно—Тиверцевъ, съ Печенѣгами или другими Тюрками: ср. у **Константина Багрянороднаго** *Талматъ* или *Вороталматъ*, какъ названіе одного изъ восьми печенѣжскихъ колѣнъ; это колѣно жило на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Отмѣчу еще Ταλμάτζοι или Τουλμάτζοι, упоминаемыхъ Багрянороднымъ въ числѣ наемниковъ, служившихъ вмѣстѣ съ русскими въ византійскомъ флотѣ.

Подъ **944** годомъ Несторъ перечисляетъ племена, пошедшія вмѣстѣ съ Игоремъ въ походъ противъ Царьграда; кромѣ *Варяговъ* и *Руси*, здѣсь названы *Словѣне*, *Кривичи* и *Тиверцы*.

Итоги.

Итакъ, подведу итогъ того, что можно извлечь изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ о древнерусскихъ племенахъ и мѣстахъ ихъ жительствъ.

Къ южной группѣ относились, прежде всего, ***Поляне***, занимавшіе правое побережье средняго теченія Днѣпра, со средоточіемъ въ Кіевѣ.

Къ югозападу отъ нихъ, по Днѣстру, до самаго устья его, жили ***Уличи*** и ***Тиверцы***, при чемъ, повидимому, Тиверцы сидѣли южнѣе Уличей.

Среднее, а можетъ быть и верхнее теченіе Южнаго Буга было занято ***Бужанами***, какъ кажется отождествленными Несторомъ съ ***Дулѣбами***, ибо относительно тѣхъ и другихъ онъ говоритъ, что они сидѣли по Бугу, гдѣ въ его время сидѣли ***Волыняне***; возможно, что Волыняне — это только новое этническое названіе, замѣнившее прежнія.

Къ западу отъ Дулѣбовъ-Бужанъ-Волынянъ сидѣли ***Хорваты***; слѣдовательно, они занимали нынѣшнюю Галицію. Несторъ отличаетъ ихъ отъ Бѣлыхъ Хорватовъ, при чемъ такъ же, какъ у Багрянороднаго, подъ *Бѣлыми Хорватами* у него разумѣются Южные Славяне, составляющіе часть сербско-хорватскаго племени. Хорваты упоминаются вмѣстѣ съ Дулѣбами и въ вводной части къ лѣтописи, и подъ **907** годомъ. Такимъ образомъ, Хорваты являются сѣверными сосѣдями Уличей.

Къ сѣверу отъ Бужанъ и Полянъ сидѣли — въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи и южныхъ уѣздовъ Минской — ***Дговляне***. Трудно

утверждать, чтобы Древляне, которымъ соотвѣтствуютъ современные намъ Полѣшуки, не переходили на лѣвый берегъ Днѣпра; по Деснѣ, Семи и Сулѣ, какъ увидимъ, сидѣли Сѣверяне; но возможно, что правобережное Подесенье было занято Древлянами. Нѣкоторое указаніе на это даетъ, какъ-будто, древнѣйшій видъ (правда, предположительно возстанавливаемый) разсказа о мести Ольги Древлянамъ. Покоривъ Древлянъ, Ольга отправилась съ дружиной по Деревской землѣ, «*уставляющи уставы и уроки, и суть становища ея и ловища, и по Двньпру перевѣсища и по Десньі, и есть село ее Ольжичи и доселѣ*»: такъ приходится возстановить текстъ лѣтописныхъ статей **946** и **947** года, если допустить, что сообщеніе о поѣздкѣ Ольги на сѣверъ, къ Новгороду и Пскову,—позднѣйшая вставка изъ другого источника. Впрочемъ, необходимо допустить, что Древляне сидѣли и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, еще и въ виду лѣтописной статьи **970** года. Здѣсь мать Владиміра и сестра Добрыни, Малуша, названа дочерью Малъка Любечанина; признавая вѣроятною догадку Прозоровскаго и Срезневскаго о томъ, что этотъ *Малъко* тождественъ съ древлянскимъ княземъ Маломъ, приходится заключить, что Любечъ былъ древлянскимъ городомъ (не исключена, все-же, возможность порчи текста, вслѣдствіе которой первоначальное „Малъ Кольчанинъ“, то-есть происходящій изъ древлянскаго города Кольца, превратилось въ „Малъко Любьчанинъ“).

Къ южной группѣ относятся еще и ***Сѣверяне***, сидѣвшіе къ югу отъ Десны—по Семи и Сулѣ—и заходившіе, какъ можно думать, въ своихъ крайнихъ поселеніяхъ далеко на юговостокъ.

Среднюю Россію занимали, если мы будемъ отправляться съ запада, во-первыхъ—***Дреговичи***, населявшіе нынѣшнюю Бѣлоруссію, Минскую губернію и часть Витебской губерніи. Ихъ имя, звучавшее въ древнемъ языкѣ *Дрьгвичи*, стоитъ въ связи съ словами, означающими болото, болотистую мѣстность *(дрьгва, дрягва)*.

Во-вторыхъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи, жили ***Радимичи***.

Въ-третьихъ, еще далѣе къ востоку — въ бассейнѣ Оки — сидѣли ***Вятичи***.

Сѣверную Россію занимали ***Кривичи***, сидѣвшіе въ бассейнахъ верхняго теченія Западной Двины, верхняго теченія Днѣпра и Волги, и ***Словѣне***.

Возможно, что Кривичи распадались на двѣ группы: ***восточную*** и ***западную***, при чемъ Восточные Кривичи — это насельники сѣвернаго Поволжья.

Дополнительныя соображенія о Дреговичахъ, Радимичахъ и Вятичахъ.

Выше, останавливаясь на разселеніи Восточныхъ Славянъ, мы опредѣлили три племенныя и діалектическія группы, на которыя они распались: Южную, Сѣверную и Восточную (см. стр. 50 и 51).

Изъ предидущаго выяснился составъ двухъ первыхъ группъ: къ ***Южной*** относились ***Поляне, Древляне, Бужане, Хорваты, Улици, Тиверцы и Съверяне;*** къ ***Съверной — Кривичи и Словѣне. Восточную группу,*** согласно даннымъ уже выше указаніямъ (стр. 51—52), составляли ***Вятичи,*** занимавшіе въ концѣ **XI** и на чалѣ **XII** вѣка, какъ видно (ср. стр. 58 и 93, 96), уже не юговостокъ Россіи, а бассейнъ Оки.

Куда же мы отнесемъ Радимичей и Дреговичей, сидѣвшихъ въ западной части средней Россіи? О ***Радимичахъ,*** согласно лѣтописи (см. стр. 57, 58, 93, 96), утверждаемъ, что они были Ляхи. Это дѣлаетъ особенно вѣроятнымъ ляшское происхожденіе также и ***Дреговичей.***

Какъ уже неоднократно мнѣ приходилось указывать (см. стр. 92, 93 и др.), та картина разселенія Восточнаго Славянства, которую можно возстановить по даннымъ лѣтописей **XI** и начала **XII** вѣка, представляется далеко не тождественною съ тою, какую имѣемъ основаніе возсоздать для **X** или **IX** вѣка.

Измѣненіе старыхъ отношеній свидѣтельствуется частью напрашивающимися сами собой догадками, частью прямыми историческими указаніями.

Указанія эти слѣдующія: ***Уличи*** и ***Тиверцы*** сидѣли нѣкогда между Днѣпромъ и Южнымъ Бугомъ до самаго Чернаго моря, позже они перешли въ область между Южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ, а еще позже они поселились по Днѣстру (ср. стр. 88, 92 и 97). Удаленіе ихъ въ новыя мѣста поселенія было насильственное, недобровольное: это видно изъ того, что въ прежней ихъ странѣ сохранялись (но стояли пустыми или, согласно нѣкоторымъ позднѣйшимъ спискамъ, стояли въ развалинахъ) ихъ города.

Перехожу къ догадкамъ; онѣ уже были мною Вамъ сообщены (стр. 59, 93 и др.) и мнѣ приходится повторяться.

Вятичи жили нѣкогда гораздо южнѣе бассейна Оки: они сидѣли въ сѣверной части Донецкаго бассейна, спускаясь, быть можетъ, и южнѣе — въ направленіи къ Азовскому морю (ср. стр. 51—52, 93); но позже они рѣшительно удалились къ сѣверу и осѣли въ бассейнѣ Оки, въ нынѣшнихъ Рязанской, Тульской и Калужской губерніяхъ (стр. 52, 93 и ниже).

Здѣсь нѣкогда жили ***Радимичи***; но, вытѣсненные Вятичами, Радимичи проникаютъ въ сѣверное Поднѣпровье.

Обращаю Ваше вниманіе на слѣдующее интересное совпаденіе. По лѣтописи *Радимичи* сидятъ между Днѣпромъ и Сожею. Однимъ изъ ихъ средоточій является рѣка Проня, ибо *Пищань*, на которой Волчій Хвостъ, воевода Владиміровъ, разбилъ Радимичей, оказывается притокомъ Прони. Между тѣмъ, рѣка Проня—это видная рѣка въ Рязанской области, гдѣ она впадаетъ въ Оку. Проня—на Днѣпрѣ и Проня—на Окѣ, Проня—въ Могилевской губерніи и Проня—въ Рязанской устанавливаютъ связь между населеніемъ сѣвернаго Поднѣпровья и средняго Поочья.

Что Радимичи жили нѣкогда восточнѣе, чѣмъ въ **984** году при Владимірѣ, заключаю изъ того, что они были обложены данью въ пользу Хазаръ: едва ли хазарское господство простиралось такъ далеко, какъ сѣверное Поднѣпровье (ср. стр. 58, 61, 96). Война Владиміра съ Радимичами представляется совершенно неожиданною: уже дѣдъ его владѣлъ всѣмъ Поднѣпровьемъ и объединилъ подъ своею властью Новгородъ съ Кіевомъ; по преданію уже Олегъ покорилъ Радимичей, и они участвовали въ его походѣ на Царьградъ. Не слѣдуетъ ли заключить изъ лѣтописнаго сообщенія **984** года, что Радимичи только около этого времени пробились съ востока къ Днѣпру и что безопасность пути изъ Варягъ въ Греки потребовала отъ Владиміра ихъ покоренія?

984 годъ — это двадцать лѣтъ послѣ паденія Хазарскаго царства подъ ударами Святослава. Паденіе этого царства привело къ новымъ отношеніямъ на востокѣ. Вятичи оказались вынужденными оставить свои богатѣйшія черноземныя поля и бросились къ сѣверу; здѣсь они потѣснили Радимичей, устремившихся къ Днѣпру, въ нынѣшнюю Могилевскую губернію, скудная почва которой едва ли могла сравняться съ той, сидя на которой они платили Хазарамъ «*по щьлягу отъ рала*».

Радимичи, какъ можно думать, были покорены русской державѣ къ концу **X** вѣка. Тогда же Владиміръ двукратно предпринимаетъ походъ противъ *Вятичей*, но окончательное замиреніе ихъ относится уже только къ **XII** вѣку.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ лѣтописцѣ говоритъ о Вятичахъ, какъ о самостоятельномъ племени: совершая по порученію отца поѣздку въ Ростовъ, онъ идетъ туда «*сквозь* (очевидно, враждебно настроенныхъ) *Вятичь*». Позже Мономахъ «по двѣ зимѣ» ходитъ войной противъ Ходоты и противъ его сына «въ Вятичи». Въ серединѣ **XII** вѣка, въ эпоху борьбы Мономаховичей съ Ольговичами, Вятичи являются несомнѣнно въ видѣ самостоятельныхъ племенныхъ группъ, простиравшихся отъ границъ Муромской земли до самаго Подесенья: ср., напр., подъ **1147** годомъ приглашеніе Вятичей Давыдовичами на вѣче. Въ **1110** году просвѣтители Вятичей Кукша и его ученикъ умираютъ въ ихъ странѣ мученическою смертью.

Все это, какъ кажется, свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія о движеніи Вятичей съ юго-востока на сѣверъ и сѣверозападъ. Благодаря этому своему движенію Вятичи не скоро улеглись въ систему княжескихъ отношеній и сохранили дольше другихъ восточнославянскихъ племенъ свой племенной бытъ и свою независимость.

Причины измѣненія древнихъ группировокъ русскихъ племенъ и новыя группировки ихъ.

Итакъ, я указалъ на тѣ основанія, которыя позволяютъ намъ утверждать, что первоначальныя племенныя отношенія и исконныя условія разселенія восточнославянскихъ племенъ сильно измѣнились на памяти, на глазахъ исторіи.

Соблазнительно доискаться причинъ, нарушившихъ старыя отношенія, и выставить основную и общую первопричину такого нарушенія; соблазнительно потому, что между новыми явленіями въ южной группѣ племенъ и группѣ восточной оказывается извѣстное сходство: и тутъ и тамъ восточнославянскія племена отходятъ отъ своихъ южныхъ поселеній, и тутъ и тамъ они двигаются къ сѣверу и сѣверозападу. Первопричину эту ищемъ въ тѣхъ новыхъ явленіяхъ, которыя имѣли мѣсто на югѣ.

Паденіе Хазарскаго царства повело за собой усиленіе тюркскихъ ордъ, господствовавшихъ въ южнорусскихъ степяхъ. Еще до этого Печенѣги, перейдя Днѣпръ (ср. свидѣтельство Константина Багрянороднаго; см. стр. 88 и 92), оттѣснили Уличей и Тиверцевъ за Южный Бугъ; позже Печенѣгамъ удается оттѣснить эти племена еще дальше на западъ и сѣверозападъ (см. стр. 97). Тѣ же Печенѣги, а можетъ быть и другіе, шедшіе вслѣдъ за ними Тюрки стали тѣснить Вятичей, этихъ мирныхъ земледѣльцевъ, нашедшихъ себѣ безопасность въ Хазарскомъ царствѣ: Вятичи идутъ къ сѣверу и сѣверозападу, приводя въ движеніе и сосѣднихъ Радимичей.

Составные элементы малорусской народности и языка.

Передвиженіе многочисленныхъ, по свидѣтельству лѣтописей («*бѣ множьство ихъ*» — ср. выдержку на стр. 97), Уличей и Тиверцевъ должно было отразиться на всемъ пространствѣ, занятомъ правобережными, въ отношеніи Днѣпра, южнорусскими племенами. Уличи и Тиверцы тѣснили не только Хорватовъ. Отыскивая себѣ новыя земли, они должны были вторгнуться и въ области Полянъ и Древлянъ. И это, въ свою очередь, могло вести къ переходу Древлянъ за Припять въ страну Дреговичей; исторія Кіевскаго княжества даетъ осно-

ваніе утверждать, что интересы кіевскихъ князей втягивали ихъ въ борьбу съ полоцкими Кривичами.

Уличи и ***Тиверцы*** были несомнѣнно южною отраслью южнорусскаго племени,—ясно, что это предки нынѣшнихъ Украинцевъ. ***Поляне***, ***Древляне***, ***Бужане***— это сѣверная отрасль того же южнорусскаго племени; слѣдовательно, ихъ потомковъ ищемъ въ сѣверныхъ Малорусахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этнографическій и лингвистическій перевѣсъ принадлежитъ въ малорусской семьѣ именно Украинцамъ: отъ нихъ въ области языка пошли различныя новыя явленія, напр. ***монофтонгизація дифтонговъ***, измѣненіе дифтонга **uo** въ **i**, а также ***отвердѣніе согласныхъ передъ*** **i** и **e**, ***смѣшеніе звуковъ*** **ы** и **і** и др. Эти южномалорусскія явленія широкими струями врываются въ область сѣверномалорусскихъ говоровъ.

Говоры угрорусскіе и горскіе, галицкіе, слѣдовательно — говоры ***Хорватовъ***, равно какъ говоры полѣсскіе и подляшскіе, то есть говоры ***Бужанъ*** и ***Древлянъ***, — это говоры, по удачному опредѣленію проф. Крымскаго, архаическіе.

Борьба сѣверномалорусскихъ и южномалорусскихъ говоровъ, вторженіе южномалорусскихъ явленій въ область сѣверномалорусскую— соотвѣтствуютъ вполнѣ тому натиску, который, какъ предположено (стр. 103), должны были сдѣлать Уличи и Тиверцы въ области сѣверныхъ племенъ. Уличи и Тиверцы, если судить по указаннымъ діалектологическимъ отношеніямъ, вторглись по линіи наименьшаго сопротивленія клиномъ въ область Бужанъ и Древлянъ, проникнувъ въ Пинщизну. Въ Галиціи Уличи и Тиверцы заняли господствующее положеніе, оттѣснивъ Хорватовъ въ горы.

Составные элементы бѣлорусской народности и языка.

Переходъ Древлянъ черезъ Припять привелъ ихъ въ иноязычную область. Въ ней, какъ мы видѣли (стр. 95), сидѣли Дреговичи, племя ляшскаго происхожденія (стр. 101); скудная природа занимаемой ими страны позволяетъ думать, что Дреговичи были немногочисленны. Нахлынувшіе съ юга Древляне покорили и ассимилировали ихъ себѣ, но языкъ покорителей воспринялъ нѣкоторыя черты языка покореннаго племени, то есть нѣкоторыя польскія особенности: ср. съ этимъ вторженіе польскихъ особенностей въ языкъ сѣвернорусскихъ Словенъ и Кривичей, когда они пробились въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ черезъ ляшскую среду (стр. 56—59 и 61).

Воспринявшій въ себя отдѣльныя ляшскія черты *языкъ Древлянъ* легъ въ основаніе языка *бѣлорусскаго*.

Древнѣйшія исконныя черты бѣлорусской рѣчи сближаютъ ее съ языкомъ Малорусовъ.

Къ такимъ чертамъ можно отнести слѣдующія явленія: 1] переходъ звука **ł** (**л**) въ **неслоговое u** въ концѣ слоговъ (напр. *доў, меў, ґоўка*, то есть долъ, мелъ, иголка), 2] переходъ сочетаній **ръ, лъ, рь, ль** въ положеніи за согласнымъ въ **ры, лы, ри, ли** (напр. *дрывá, ґлытáць, трывóґа, крывú);* 3] придыхательный приступъ къ начальнымъ гласнымъ (примѣры: *ґаўсá*, то есть овсá, *вóзира*, то есть óзера, *юшкá*, т. е. ушка; изъ примѣровъ видно, что этотъ приступъ измѣнялся въ фрикативные звуки γ, **v** или **j**); 4] произношеніе звука **v** въ концѣ слога (слѣдовательно, на мѣстѣ исконныхъ **въ, вь**) какъ **u неслоговое** (*ноў, ґарадоў, кроў, дзъўка*, то есть новъ, городовъ кровь, дѣвка); 5] переходъ **неслогового i** (**й**) въ **j** въ положеніи послѣ согласнаго,—а оказывался **неслоговой звукъ i** въ такомъ положеніи вслѣдствіе выпаденія передъ нимъ **полукраткаго i** (въ случаяхъ какъ *судийа, колийе*); **j**, ассимилируясь затѣмъ предшествующему согласному, переходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ группу **двойной мягкій согласный** (*суддя* или *судздзя*, то есть судья, *кóлля*); 6] отпаденіе конечнаго **неслогового i** (**й**) въ прилагательныхъ, какъ-то *добры, красны* вмѣсто добры*й*, красны*й*; 7] отпаденіе начальныхъ **неслоговыхъ i** (**й**) и **u** (**ў**), происшедшихъ изъ исконныхъ **i** и **u полукраткихъ** передъ согласнымъ (*ґóлка, ґра, звар, зјезд*, то есть иголка, игра, взваръ, взъѣздъ); 8] *дифтонгизація* **e** и **o** передъ слогомъ, утратившимъ полукраткій гласный, при чемъ, однако, эта дифтонгизація сохранилась только въ южныхъ говорахъ бѣлорусской рѣчи. Сюда же относятся еще нѣкоторыя другія явленія. Всѣ эти явленія я признаю исконными явленіями бѣлорусской рѣчи потому, что они (кромѣ, впрочемъ, дифтонгизаціи **e** и **o**) распространены равномѣрно во всей ея области и, съ другой стороны, весьма рано обнаруживаются въ письменныхъ памятникахъ.

Къ *ляшскимъ* особенностямъ бѣлорусской рѣчи отношу: 1] *цеканье* и *дзеканье*, то есть произношеніе **t** и **d мягкихъ** со свистящимъ призвукомъ, иначе говоря — какъ **c** (**ц**) и **ʒ** (**дз**) **мягкіе** (*цихо*, д'з'ен'); въ древности, какъ я имѣлъ уже случай говорить (стр. 57), это дзеканье и цеканье сопровождалось *шепелявостью*, свойственною также польской рѣчи, произносящей шепеляво **мягкія s** и **z**; 2] *шепелявое* произношеніе **s** и **z мягкихъ**, теперь далеко не повсемѣстное, но держащееся въ различныхъ бѣлорусскихъ говорахъ; 3] отвердѣніе **мягкаго r** (**р**), стоящее въ связи съ утратой **мягкаго r** и въ польской рѣчи, гдѣ оно

замѣнилось черезъ **rż** (*рж*), развившееся непосредственно изъ **rj**.—Ляшскія черты въ бѣлорусской рѣчи распространены неравномѣрно: ***цеканье*** и ***дзеканье***, равно и твердое **г** (**р**), особенно упорно и послѣдовательно держатся на западѣ — въ направленіи къ польской языковой области, уступая мѣсто иному произношенію (съ **ť**, **ď** и съ **мягкимъ г**) въ направленіи къ сѣверорусской и южновеликорусской языковымъ областямъ.

Бѣлорусскій языкъ не сохранился, однако, до нашего времени въ томъ видѣ, какой онъ предположительно имѣлъ тогда, когда въ составъ его входили только южнорусскіе и ляшскіе элементы. Въ настоящее время бѣлорусская рѣчь на всемъ своемъ протяженіи представляетъ еще такія звуковыя особенности, которыя тѣснѣйшимъ образомъ сближаютъ ее съ южною вѣтвью великорусскаго нарѣчія, то есть съ языкомъ нынѣшнихъ Рязанской, Тульской, Калужской, Тамбовской и Орловской губерній. Какъ мы уже говорили выше (стр. 53) и еще разъ подчеркнемъ ниже (стр. 109, 112), въ этихъ областяхъ долженъ былъ сохраниться ***языкъ Вятичей***: историческія свидѣтельства ясно доказываютъ, что здѣсь были сплошныя поселенія Вятичей. Слѣдовательно, языкъ Бѣлоруссіи представляетъ черты, общія съ языкомъ Вятичей.

Этотъ выводъ согласуется съ тѣмъ, что мы говорили выше о разселеніи русскихъ племенъ въ средней Россіи (см. стр. 101—103): Вятичи, проникши при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ далеко на востокъ, съ наступленіемъ иныхъ отношеній, вызванныхъ усиленіемъ тюркскихъ ордъ на юговостокѣ Россіи, должны были удалиться къ сѣверу и сѣверовостоку, то есть въ бассейны средняго и верхняго теченія Оки, проникая и до Подесенья, слѣдовательно и до сѣвернаго Поднѣпровья; Вятичи, очевидно, гонятъ передъ собой Радимичей. Это приводило насъ къ предположенію, что Радимичи жили нѣкогда не въ Могилевской губерніи, а восточнѣе—въ бассейнѣ Оки, и что Вятичи заняли поселенія Радимичей (ср. стр. 96). Но общеніе Вятичей съ Радимичами, обязанное ихъ давнему сосѣдству, было, какъ можно думать, весьма тѣснымъ; этимъ объясняется ихъ связь въ лѣтописныхъ сообщеніяхъ, а также возникновеніе легенды объ общемъ ихъ происхожденіи (ср. стр. 58—59). И вотъ, у насъ является основаніе предположить, что Радимичи еще на прежнихъ жительствахъ, въ бассейнѣ Оки, подверглись вліянію Вятичей, ассимилируясь имъ и воспринимая ихъ языкъ. Появившись въ послѣдней четверти **X** столѣтія въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ, Радимичи уже не были чистыми ляхами — этнографически они были уже смѣшаннымъ племенемъ, соединявшимъ въ своемъ языкѣ особенности западнославянской ляшской рѣчи, съ

одной стороны, и восточнославянской рѣчи Вятичей, съ другой.

Какъ мы уже говорили (стр. 53—54), Вятичи, оторвавшись отъ другихъ восточнославянскихъ племенъ, успѣли выработать въ своемъ языкѣ нѣсколько рѣзкихъ звуковыхъ особенностей, опредѣлившихъ ихъ лингвистическую обособленность въ восточнославянской семьѣ. Главнѣйшею изъ нихъ была ***редукція*** (сильное сокращеніе) ***неударяемыхъ гласныхъ*** **а, о, е**, приведшая въ извѣстныхъ случаяхъ къ замѣнѣ неударяемаго **о** черезъ **а** (***аканью***) [ср. стр. 53—54].

Радимичи, воспринявши рѣчь Вятичей, усвоили себѣ и эту звуковую особенность — ***аканье*** и ***редукцію неударяемыхъ гласныхъ*** **а, о, е**. Черезъ ихъ посредство эта звуковая особенность проникла въ современный намъ ***бѣлорусскій*** языкъ.

Передъ историками русскаго языка развертывается слѣдующая огромной важности задача: объяснить, какимъ образомъ вокализмъ южновеликорусскаго нарѣчія въ основныхъ своихъ чертахъ оказывается тождественнымъ съ вокализмомъ бѣлорусскимъ, почему звуковой составъ народныхъ говоровъ Рязанской, Тульской, Калужской и сосѣднихъ губерній тождественъ съ звуковымъ составомъ Минской, Виленской и другихъ бѣлорусскихъ губерній.

Разрѣшая эту задачу, А. А. Потебня въ свое время приходилъ къ мысли о томъ, что бѣлорусскій языкъ — это поднарѣчіе южновеликорусскаго. Такое заключеніе едва ли пріемлемо, когда мы сообразимъ, что бѣлорусскій языкъ представляетъ рядъ исконныхъ явленій, роднящихъ его съ малорусскимъ. Но въ основаніи своемъ это заключеніе вѣрно.

Бѣлорусскій языкъ представляетъ соединеніе двухъ разнородныхъ наслоеній: перваго—древнѣйшаго, роднящаго бѣлорусскій языкъ съ малорусскимъ, и второго — позднѣйшаго, роднящаго бѣлорусскій языкъ съ южновеликорусскимъ. И это второе наслоеніе дѣйствительно можно признать, если не поднарѣчіемъ, то частью одной общей съ южновеликорусскимъ нарѣчіемъ группы. При томъ, еще одна оговорка: само южновеликорусское нарѣчіе въ настоящемъ его видѣ представляется продуктомъ позднѣйшаго образованія. Ошибочно было бы, какъ увидимъ (стр. 113—115), считать, что южновеликорусское нарѣчіе выдѣлилось изъ общаго ему и сѣверновеликорусскому нарѣчію предка — языка великорусскаго. Великорусскій языкъ — это результатъ позднѣйшаго сожительства, позднѣйшей встрѣчи и вызваннаго ею единенія двухъ исконно различныхъ нарѣчій — сѣвернорусскаго и восточнорусскаго.

Отождествивъ южновеликорусское нарѣчіе въ его прошломъ

съ нарѣчіемъ восточнорусскимъ, ставимъ вопросъ: гдѣ зародилось основное явленіе южновеликорусскаго и бѣлорусскаго вокализма — на востокѣ или на западѣ?

Предполагать наличность въ древности такой діалектической группы, которая занимала бы всю среднюю Россію и простиралась отъ Западнаго Буга до бассейна Цны, праваго притока Оки, едва ли вѣроятно. Слѣдовательно, общія явленія вокализма на берегахъ Западнаго Буга и Цны могли появиться только въ результатѣ движенія населенія съ запада на востокъ, или съ востока на западъ.

Не подлежитъ сомнѣнію движеніе населенія съ запада на востокъ: теченіе Оки, сходящейся своими верховьями съ сѣвернымъ Поднѣпровьемъ, было вполнѣ естественнымъ колонизаціоннымъ путемъ. Но зарожденіе ***аканія и редукціи неударяемыхъ гласныхъ*** на западѣ и послѣдующее перенесеніе этихъ явленій на востокъ я считаю невѣроятнымъ.

Во-первыхъ, вполнѣ естественно допустить, что именно на западѣ развились другія черты бѣлорусской рѣчи — ея ляшскія особенности: сосѣдство съ польскою языковою областью представляло естественныя условія для зарожденія этой звуковой черты; между тѣмъ, ***цеканье*** и ***дзеканье*** вообще не переходитъ за область Бѣлоруссіи, а спорадическое распространеніе ихъ на востокъ можетъ объясняться позднѣйшими переселеніями. Равнымъ образомъ, черты, роднящія бѣлорусскую рѣчь съ малорусскою, естественнѣе всего могли возникнуть на западѣ—въ сосѣдствѣ съ Малоруссами: мы видѣли (см. стр. 103, 104), что южнорусскіе Древляне, сидѣвшіе южнѣе Припяти, могли перейти и за эту границу, наводняя южныя части нынѣшней Минской губерніи; и эти малорусскія черты не выходятъ за предѣлы Бѣлоруссіи, не переходятъ на востокъ. На востокѣ видимъ только одну черту общую съ западомъ, но съ западомъ органически не связанную, — это ***аканье и редукція неударяемыхъ*** **а**, **о**, **е**; отсутствіе на востокѣ другихъ чертъ, сопрягающихся въ бѣлорусскомъ нарѣчіи съ аканьемъ, дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобы аканье пришло сюда съ запада.

Во-вторыхъ, можно выставить положеніе о томъ, что редукція неударяемыхъ гласныхъ на востокѣ, въ южновеликорусской области, сохранилась въ болѣе чистомъ и первоначальномъ видѣ, чѣмъ на западѣ. Въ южновеликорусской области **а**, **о**, **е** дѣйствительно вообще окончательно исчезли изъ неударяемыхъ слоговъ и только въ предударномъ слогѣ извѣстны звуки **а** (на мѣстѣ **а**, **о**, **е**) и **е** (въ опредѣленныхъ говорахъ), при чемъ **а** можетъ діалектически замѣнять **а**, **о**, **е** и въ конечныхъ открытыхъ слогахъ. Между тѣмъ, въ бѣлорусскомъ языкѣ видимъ замѣну гласныхъ **а**, **о**, **е** черезъ **а** и въ другихъ положеніяхъ, напр.—въ третьемъ отъ ударенія слогѣ *(дзясяцй*,

галава́, т. е. десяти, голова); эта особенность характеризуетъ такъ называемые ***сильно акающіе говоры бѣлорусскаго нарѣчія***, а эти говоры оказываются какъ разъ самыми западными въ бѣлорусской языковой области. Въ сущности, появленіе звука **а** въ слогахъ неударяемыхъ противорѣчитъ основному явленію — ***редукціи неударяемыхъ гласныхъ***. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ, какъ могъ звукъ **а** проникнуть въ неударяемые слоги: въ южновеликорусскомъ — въ слогъ предударный и, діалектически, въ конечный открытый слогъ, а въ бѣлорусскомъ — діалектически и въ третій отъ ударенія предударный слогъ. Но можно утверждать, что ***редукція неударяемыхъ гласныхъ*** сохранилась въ наиболѣе первоначальномъ видѣ тамъ, гдѣ звукъ **а** имѣетъ наименьшее распространеніе въ неударяемыхъ слогахъ. Такіе говоры находимъ на востокѣ бѣлорусской области, а также въ области южновеликорусской (напр., въ Орловской, Курской, Воронежской губ. и въ области Войска Донского): здѣсь извѣстны такіе говоры, которые и въ слогѣ предударномъ допускаютъ **а** только при опредѣленныхъ условіяхъ (при наличности подъ удареніемъ гласныхъ **и, у, ы, ѣ**). Западную Бѣлоруссію съ ея сильно акающими говорами нельзя признать сохранившею аканье въ его первоначальномъ видѣ, нельзя еще и потому, что здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ ***умѣренно акающихъ говорахъ***, въ слогахъ заударныхъ появляется звукъ **о** тамъ, гдѣ его требуетъ этимологія (*сéрцо, бéлаё* и т. п.).

Задумываясь надъ явленіемъ ***сильнаго аканья*** и столь противорѣчащимъ ему явленіемъ — ***возстановленіемъ этимологическаго гласнаго*** **о** въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ, приходимъ къ мысли, что ***аканье*** въ западной Бѣлоруссіи — явленіе наносное, перенятое отъ сосѣдей и, какъ это часто бываетъ при заимствованіяхъ, переступившее первоначальныя условія своего появленія — выступающее въ утрированномъ видѣ: замѣна первоначальнаго произношенія *столá* черезъ *сталá* повела къ замѣнѣ вообще всякаго предударнаго **о** черезъ **а** (вмѣсто звука неполнаго образованія **ъ** — ср. стр. 53), то есть вызвала и *галава́, данясу́, старана́, палажу́* и т. д. И такъ какъ ***аканье*** явилось здѣсь не самостоятельно, развилось не само собой, то понятно, что рядомъ съ нимъ уживается употребленіе звука **о** въ слогахъ заударныхъ, конечныхъ въ словѣ. Вотъ почему, изслѣдуя ***редукцію гласныхъ*** **а, о, е** и ***аканье*** въ ихъ происхожденіи, мы ихъ родину ищемъ не на крайнемъ западѣ, а въ серединѣ или на востокѣ, словомъ — въ области южновеликорусской. Проникновеніе его на западъ, въ Бѣлоруссію можно сопоставить прежде всего съ проникновеніемъ

аканья въ сѣверномалорусскіе говоры: очевидно, Бѣлоруссію и прилегающія сѣверномалорусскія области покрыла какая-то акающая волна—и эта волна шла съ востока.

Слѣдовательно, мы останавливаемся на мысли о томъ, что аканье проникло въ Бѣлоруссію съ востока... Это равносильно утвержденію, что Бѣлоруссія восприняла колонизаціонныя движенія съ востока: она не заселена въ цѣломъ своемъ составѣ съ востока, она получила съ востока часть своего населенія.

Выводъ, нами сдѣланный, согласуется съ тѣми предположеніями, къ которымъ мы приходили выше, разсматривая дошедшія до насъ историческія свидѣтельства (ср. стр. 102).

Радимичи жили нѣкогда восточнѣе (см. стр. 59, 61, 96), въ тѣсномъ общеніи съ Вятичами, но во второй половинѣ **X** в. они появляются въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ; по пятамъ за ними слѣдуютъ ***Вятичи*** (см. стр. 59, 93). Это могло имѣть послѣдствіемъ наводненіе всей Бѣлоруссіи Радимичами и Вятичами. Они застали здѣсь ***южнорусскоѳ*** колонизаціонное движеніе, поглотившее исконныхъ поселенцевъ—***Ляховъ***. Въ результатѣ спайки всѣхъ указанныхъ элементовъ получился ***бѣлорусскій языкъ***, образовалась бѣлорусская народность. Признавъ Вятичей Восточнорусами, предположивъ, что подъ вліяніемъ ихъ усвоили себѣ восточнорусскій языкъ и Радимичи, заключаемъ, что ***бѣлорусскій языкъ*** представляетъ соединеніе элементовъ—***восточнорусскихъ, ляшскихъ*** и ***южнорусскихъ***. Связь бѣлорусскаго языка съ южновеликорусскимъ опредѣляется тѣмъ, что въ составъ бѣлорусскаго языка вошли южновеликорусскіе, иначе—восточнорусскіе элементы.

Перехожу къ великорусскимъ нарѣчіямъ.

Составные элементы великорусской народности и языка.

Происхожденіе обоихъ великорусскихъ нарѣчій выяснилось изъ предидущаго изложенія (стр. 53—54 и 54—63).

Сѣверноруссконе нарѣчіе — это языкъ Восточныхъ Кривичей и Словѣнъ. Какъ указано выше (стр. 98, 100), ***Кривичи*** вслѣдствіе своего разселенія распались на двѣ вѣтви: ***западную***,—занявшую верхнее теченіе Двины, рѣки Великой и Чудскаго озера, и ***восточную***,—занявшую верхнее теченіе Волги.

Различаясь географически, обѣ вѣтви стали различаться также этнографически и лингвистически, при чемъ различіе это зависѣло, какъ кажется, главнымъ образомъ отъ того, что западная вѣтвь, въ противоположность восточной, испытала на себѣ большее

вліяніе польскихъ говоровъ, которые, какъ мы видѣли (стр. 56—62), застала въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ русская колонизація, направившись вверхъ по Днѣпру.

Западно-кривичскій говоръ съ теченіемъ времени отошелъ отъ говора Словѣнъ и Восточныхъ Кривичей еще болѣе, испытавъ на себѣ то-самое нашествіе Радимичей, которое, какъ мы видѣли (стр. 92—93, 101—102, 106), охватило всю Бѣлоруссію (ср. стр. 59—61).

Типичнымъ представителемъ западно-кривичскаго говора является ***языкъ древняго Пскова.*** Мы знаемъ его съ **XIV** вѣка. Рядомъ съ сѣверноруссскими особенностями, къ которымъ относимъ мѣну **č (ч)** и **c (ц)** и произношеніе **ѣ** какъ **і**, мы видимъ въ древнепсковскомъ говорѣ особенности ляшскія. Къ послѣднимъ относятся слѣдующія явленія: 1) дальнѣйшее развитіе ***мазуранія***, приведшее къ смѣшенію **ž (ж)** и **z (з)**, **š (ш)** и **s (с)**, 2) появленіе **gł (гл)** изъ **dł (дл)** въ случаяхъ, какъ *жерегло*, *вегли*, *стьгли* (ср. еще стр. 59—61). Наконецъ, находимъ въ древнепсковскомъ говорѣ также особенности восточнорусскія, именно ***аканье***, становящееся въ памятникахъ **XV** в. уже довольно замѣтнымъ.

Благодаря наличности и ляшскихъ и восточнорусскихъ элементовъ въ языкѣ Западныхъ Кривичей, онъ втягивается все болѣе въ бѣлорусскую этнографическую и лингвистическую жизнь.

Словѣне и Восточные Кривичи, въ силу стѣснявшихъ ихъ съ запада и съ юга условій, направляютъ свои колонизаціонныя движенія на востокъ и сѣверовостокъ.

Восточные Кривичи изъ области Поволжья естественно переходятъ въ бассейнъ Оки и, осаживаясь въ немъ, покоряютъ себѣ мѣстныя финскія племена. Появленіе здѣсь Сѣверорусовъ давнишнее; оно предшествовало, конечно, образованію русскаго государства. Поволжье, представленное и Кривичами и болѣе восточными Мерянами, участвуетъ въ союзѣ сѣверныхъ племенъ, появившемся послѣ удаленія Руси на югъ. Съ теченіемъ времени Кривичи и Меря вмѣстѣ со Словѣнами входятъ въ составъ Кіевской державы.

Но развитіе этой державы, приведшее къ паденію Хазаръ и разстройству старыхъ отношеній на юговостокѣ, поставило Восточныхъ Кривичей и ославянившуюся Мерю въ бассейнѣ Оки и даже верхней Волги лицомъ къ лицу съ Радимичами и восточнорусскими Вятичами. Въ предшествующую эпоху Радимичи сидѣли южнѣе и обращены были къ югу, а Вятичи сидѣли южнѣе ихъ; но когда, послѣ паденія Хазаръ, Тюрки одолѣли Вятичей, эти послѣдніе и болѣе сѣверные ихъ сосѣди, Радимичи, отступили на сѣверозападъ и сѣверъ. Радимичи, а за ними — часть Вятичей, направились въ сѣверное Поднѣпровье. Но другая ***часть Вятичей*** двинулась къ Окѣ и верхней

Волгѣ. Здѣсь произошла встрѣча этой части Вятичей съ Восточными Кривичами.

Эта встрѣча не носила, конечно, мирнаго характера: Суздальской землѣ пришлось отбиваться отъ Вятичей, защищаться отъ нихъ. Заключаемъ объ этомъ изъ позднѣйшихъ событій: какъ мы видѣли (стр. 102), Владиміру Мономаху достается тяжелая борьба съ Вятичами; возможно, что походъ, двукратный походъ Владиміра Святославича на Вятичей вызванъ именно движеніемъ ихъ къ сѣверу—на Оку—и къ сѣверозападу—къ Днѣпру. *Вятичами* въ Кіевѣ называли преимущественно тѣ части этого племени, которыя осѣли въ Подесеньѣ и по верхнему теченію Оки; но въ Кіевѣ знали и то, что Вятичи живутъ также восточнѣе—въ нынѣшней Рязанской губерніи: это видно изъ опредѣленія мѣстожительства Вятичей у Нестора, сообщающаго, что они сидѣли по Окѣ и Волгѣ. Что Рязанская земля была заселена Вятичами, видно изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ указаній, гдѣ Вятичи отождествляются съ Рязанцами (*«Вятичи еже есть Рязанци»*). Слѣдовательно, борьба Суздальскихъ князей велась съ Вятичами не только на западной границѣ ихъ княжества, гдѣ они сѣли въ предѣлахъ Черниговскаго княжества и оказались, такимъ образомъ, вотчиной потомства Святослава Ярославовича, но и на южной, гдѣ они оказались подъ властью потомковъ младшаго изъ Святославичей—Ярослава. Войны Суздальцевъ, а позже и Москвичей, съ *суровыми Рязанци, полоумными смерды*, какъ ихъ называютъ и суздальскій и московскій лѣтописецъ, были продолженіемъ борьбы Восточныхъ Кривичей съ Вятичами изъ-за обладанія бассейнами Оки и верхняго теченія Волги.

Впрочемъ, племенная борьба перешла вскорѣ въ борьбу политическую: государственныя организаціи, основанныя, съ одной стороны, Восточными Кривичами, а съ другой, — Вятичами, — вотъ, что входитъ въ конфликтъ и кто продолжаетъ борьбу; самое племя Вятичей подпадаетъ въ извѣстныхъ частяхъ своихъ подъ руку Суздальскаго князя, и по всему видно, что именно это обстоятельство является причиной переноса политическаго центра сѣверовосточной русской области изъ Владиміра на западъ — въ Москву.

Москва лежала на самой племенной границѣ между Восточными Кривичами и Вятичами: первые сидѣли восточнѣе и сѣвернѣе Москвы, вторые — западнѣе и южнѣе отъ нея. Весьма вѣроятно, что перевѣсъ Вятичей, перевѣсъ, прежде всего, численный и матеріальный, зависѣлъ отъ разыгравшихся въ **XIII** вѣкѣ событій: нашествіе Татаръ, смявшихъ Половцевъ, завершило на юговостокѣ то, что началось еще во второй половинѣ **X** вѣка, — оттяжку

славянскаго, въ частности вятическаго населенія въ среднюю Россію. Возможно, что именно нашествіе Татаръ направило часть отступающихъ Вятичей и къ сѣверозападу, въ Поднѣпровье. Между возвышеніемъ Москвы и нашествіемъ Татаръ должна быть связь, и связь не только хронологическая: всего вѣроятнѣе, что Москва стала средоточіемъ населенія, въ предшествующія эпохи чувствовавшаго себя безопаснымъ южнѣе, въ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерніяхъ.

Съ того же времени, съ конца **XIII** вѣка — начала **XIV** вѣка, опредѣляется возникновеніе новой народности—*великорусской.*

Изъ предидущаго ясно, какіе были составные элементы великорусской народности: съ одной стороны, это — Сѣверноруссы, съ другой,—Восточноруссы. Въ бассейнѣ Оки, вокругъ Москвы они встрѣтились уже не для борьбы, а для прочнаго сожительства и взаимной поддержки. Главная историческая задача Москвы состояла въ защитѣ населенія средней Россіи отъ Татаръ. Выполняя эту задачу, Москва естественно перешла и къ собиранію русскихъ земель, но эта вторая задача стала возможной только послѣ образованія въ Москвѣ, вокругъ Москвы сплоченнаго этнографическаго ядра, воплотившаго въ себѣ племенные элементы сосѣднихъ земель, подлежавшихъ собиранію. Образованіе этого ядра великорусской народности было результатомъ несомнѣнно сложнаго, хотя, быть можетъ, и не столь продолжительнаго процесса; впрочемъ, процессъ этотъ могъ начаться задолго до возвышенія Москвы и даже задолго до татарскаго нашествія, ибо Москва издавна находилась на границѣ сѣверноруссскаго и восточноруссскаго населенія.

Взаимныя отношенія двухъ великорусскихъ нарѣчій и средневеликорусская діалектическая группа.

Мы видѣли (см. стр. 62—63), что до второй половины **X** вѣка Вятичи, съ одной стороны, и Восточные Кривичи, съ другой, — жили въ разныхъ культурныхъ сферахъ, разъединенныхъ и территоріально. Вятичи попали въ бассейнъ Донца и Дона не съ сѣвера, не изъ областей, сосѣднихъ съ кривичскими, а съ запада — изъ средняго Поднѣпровья. Поэтому, предполагая исконное дѣленіе русской семьи на Южную, Восточную и Сѣверную вѣтви, я не допускаю ближайшаго родства между Восточной и Сѣверной вѣтвями Русскихъ Славянъ.

Рѣзко различили обѣ вѣтви не только позднѣйшія явленія, какъ, напр., съ одной стороны, явленіе *редукціи неударяемыхъ гласныхъ* и *аканья*, развившееся въ восточномъ нарѣчіи, а съ другой,— *смѣшеніе* **ѣ** и **е** или приближеніе **ѣ** къ **і**, развившіяся въ нарѣчіи

сѣверномъ. Оба нарѣчія различались и нѣкоторыми исконными чертами: такъ, ***Восточная вѣтвь*** Русскихъ Славянъ произносила **г**, какъ согласный **фрикативный** (какъ γ), между тѣмъ какъ ***Сѣверная*** — знала **взрывное г** (**g**); этой чертой консонантизма Восточная вѣтвь сближалась съ Южной вѣтвью.

Можно съ увѣренностью утверждать, что въ бассейнѣ Оки встрѣтились два разные, сильно другъ отъ друга отличные діалекта, успѣвшіе обособиться въ звуковомъ отношеніи, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ морфологическихъ. И тѣмъ поразительнѣе тотъ лингвистическій результатъ, къ которому привело сожительство Сѣверноруссовъ и Восточноруссовъ въ бассейнѣ Оки.

Этотъ результатъ выразился въ цѣлой цѣпи сложныхъ по существу своему явленій.

Во-первыхъ, видимъ образованіе въ Москвѣ такого говора, который совмѣстилъ особенности сѣверноруссскія и восточноруссскія. Возможно, что такіе же смѣшанные говоры образовывались и въ другихъ центрахъ и областяхъ, гдѣ Сѣверноруссамъ приходилось сожительствовать съ Восточноруссами. Такимъ центромъ была, быть можетъ, Тверь — соперница Москвы: къ ней съ югозапада примыкали Восточноруссы, между тѣмъ какъ сѣверъ и востокъ былъ занятъ Сѣверноруссами. Въ областяхъ, колонизованныхъ общими усиліями обоихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Владимірскаго княженія, а затѣмъ и Московскаго государства, образовывались, точно такъ же, смѣшанныя нарѣчія, подобныя ***московскому:*** имѣю въ виду колонизацію средняго Поволжья.

Во-вторыхъ, видимъ образованіе діалектическихъ явленій, охватывающихъ говоры и сѣверноруссскіе и восточноруссскіе и доказывающихъ наличность новыхъ соединеній элементовъ, принадлежавшихъ нѣкогда различнымъ діалектическимъ мірамъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, сѣверноруссскіе и восточноруссскіе говоры во всемъ ихъ составѣ или почти во всемъ составѣ начинаютъ переживать (новые) общія явленія, доказывающія общность языковой жизни. Нашедши себѣ основаніе въ центрѣ, общая жизнь распространяется на далекія периферіи, охватывающія, какъ сказано, почти весь составъ говоровъ сѣверноруссскихъ и восточноруссскихъ.

Явленія великорусскаго нарѣчія, какъ такового.

Остановлюсь сначала на этихъ общихъ сѣверноруссскому и восточноруссскому нарѣчіямъ (новыхъ) явленіяхъ.

Наличность ихъ, и только она одна, даетъ намъ право говорить о великорусскомъ языкѣ, какъ о нѣчто единомъ. Единство его — не въ общемъ происхожденіи обоихъ его составныхъ частей, единство его не въ далекомъ, доисторическомъ прошломъ: оно

обнаруживается въ позднѣйшей жизни объединившихся племенъ и несомнѣнно примыкаетъ ко все болѣе развивающемуся единству въ настоящемъ. Наличность общихъ (новыхъ) языковыхъ явленій въ нарѣчіяхъ сѣверноруссномъ и восточноруссномъ (или, говоря примѣнительно къ современнымъ отношеніямъ, — сѣверновеликоруссномъ и южновеликоруссномъ) позволяетъ говорить о ***великорусскомъ языкѣ***, какъ единомъ языковомъ цѣломъ, давно уже живущемъ одною общею языковою жизнью на всемъ пространствѣ, занятомъ Сѣверноруссами и Восточноруссами.

Перечислю эти общія явленія, останавливаясь, при томъ, на такихъ, которымъ нѣтъ прямого соотвѣтствія въ обоихъ другихъ русскихъ языкахъ — бѣлорусскомъ и малорусскомъ. Такихъ явленій немного. При этомъ исторія, засвидѣтельствованная памятниками, учитъ, что это — явленія новыя.

Изъ явленій звуковыхъ сюда относится 1] переходъ звуковъ **у** (**ы**) и **і** въ положеніи передъ **неслоговымъ і** въ **о** и **е**; имѣю въ виду измѣненіе ***древнерусскихъ*** словъ какъ *мыю, рыю, слѣпый, пий, брию, шия* въ *мою, рою, слѣпой, пей, брею, шея: по-бѣлорусски* и ***по-малорусски*** въ этихъ случаяхъ сохраняются звуки **у** (**ы**), **і**: *мыю, сляпый* и *сліпий, пий, шия* и т. д.

Выставленное здѣсь утвержденіе нуждается въ нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ.

Во-первыхъ, относительно всеобщности опредѣленнаго нами явленія. Это явленіе охватило рѣшительно всѣ относящіеся сюда случаи какъ въ сѣверновеликоруссномъ, такъ и въ южновеликоруссномъ нарѣчіи. Но въ южновеликоруссномъ нарѣчіи это явленіе можно отчетливо прослѣдить только въ положеніи подъ ударепіемъ, ибо неударяемые **о** и **е**, какъ мы знаемъ (стр. 53 и 107—109), подлежатъ редукціи и переходятъ въ **звуки неполнаго образованія**, близкіе къ **у** (**ы**) и **і**: мы произносимъ, напр., въ нашемъ литературномъ нарѣчіи: *до́брый, ми́лый*, также ***твор. вд.*** *сла́вый*, ***повел.*** *вымый* при *пусто́й, руко́й, мой*, также *выпій* при *пёй, си́ній* при *самъ третёй*). Что до сѣверновеликорусскаго, то здѣсь находимъ **о**, **е** и въ неударяемыхъ слогахъ: *ма́лой, си́льной, лёхкой;* отмѣчаемое въ сѣверновеликоруссномъ нарѣчіи произношеніе *ма́лый, си́льный* можетъ быть слѣдствіемъ вліянія городскихъ говоровъ, усвоившихъ московское произношеніе.

Во-вторыхъ, весьма поучительнымъ является то обстоятельство, что на окраинахъ какъ южновеликорусской, такъ и сѣверновеликорусской области, передъ **неслоговымъ і** вмѣсто ***общевеликорусскаго*** **о** являются другія замѣны исконнаго **у** (**ы**). Въ южновеликорусскихъ говорахъ крайняго югозапада мѣстами держится **у** (**ы**): напр., въ мосальскихъ, жиздринскихъ и брянскихъ говорахъ — *мыю, палыи, крый Боже,* а рядомъ,

въ сосѣднихъ съ ними говорахъ тѣхъ же уѣздовъ вмѣсто **ы** находимъ **ö** (**ö** — это звукъ близкій къ *французск.* **eu**, *нѣмецк.* **ö**) — *мöю, крöю* (но въ *им.* и *вин. ед. ч.* прилагательныхъ всегда **о**: *густой, глухой*). Въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ Олонецкой губерніи на мѣстѣ ожидаемаго **-ой** изъ **-ый** является **-эй**; такъ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ (на югѣ) и въ Вытегорскомъ уѣздѣ есть говоры, представляющіе произношеніе *слѣпэй, такэй, баскэй*, при чемъ по аналогіи **э** вытѣсняетъ **о** и въ окончаніи *твор. пад.* — *со мнэй, бабэй, с тобэй.*

Въ-третьихъ, явленіе это по памятникамъ нельзя доказать раньше конца **XIII** и **XIV** в. (напр., въ Лаврентьевской лѣтописи — *которои, старѣишеи*), при чемъ совершенно особо стоитъ происхожденіе **о** въ *им. той*, **е** въ *им. сей*, а также въ *род. мн.*, какъ *днеи, людеи, свинеи*, ибо **о**, **е** свойственны въ этихъ случаяхъ также и малорусскому языку.

Другихъ звуковыхъ явленій, общихъ всему великорусскому нарѣчію, мы указать не можемъ, ибо, съ одной стороны, такія явленія, какъ переходъ **кы, гы, хы** въ **ки, ги, хи** или переходъ **е** въ **о** (подъ удареніемъ) передъ твердымъ согласнымъ, не являются характерными для великорусскаго нарѣчія, какъ общія ему съ нарѣчіемъ бѣлорусскимъ; съ другой стороны, — такія явленія, какъ переходъ γ (**г фрикативнаго**) въ *родительномъ* падежѣ *мѣстоименій* и *прилагательныхъ* въ **v**, или какъ смягченіе **k** въ **k'** послѣ мягкаго звука, представляются въ великорусской области, несмотря на все ихъ распространеніе, явленіями діалектическими; наконецъ, съ третьей стороны, такое явленіе, какъ переходъ звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухіе, не выдерживается во всѣхъ великорусскихъ діалектахъ и, кромѣ того, оказывается свойственнымъ бѣлорусскому языку и западнымъ говорамъ малорусскаго.

Зато общимъ всему великорусскому языку явленіемъ оказывается 2] замѣна **c**, **z**, **s** (**ц, з, с**) черезъ **k**, **g** (или γ), **х** (**к, г, х**) подъ вліяніемъ звуковой аналогіи въ склоненіи и спряженіи: ср. замѣну общерусскихъ и древнерусскихъ *руцѣ, ногѣ, сосѣ, пеци, не мози, лязи* черезъ *рукѣ, ногѣ, сохѣ, пеки, не моги, лягѣ* (откуда *ляг*); въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ сохраняются свистящіе звуки *(руце, руці, нозе, нозі)* или они замѣняются шипящими — въ повелительномъ наклоненіи *(малор. печи, бѣлор. поможи, печи)*. И это явленіе, судя по памятникамъ, не старше конца **XIII**—**XIV** в., ибо ничего общаго съ нимъ не имѣетъ весьма древняя замѣна сочетанія **st** (**ст**) или **sc** (**сц**) черезъ **ск**, напр. уже въ памятникахъ **XI** вѣка — *вѣскѣ, женьскѣ, чловѣчьскѣи* и т. п. Впрочемъ, неяснымъ остается единичное *дѣскѣ* въ припискѣ къ Минеѣ **1096** года. Формы же, какъ *зв. ед. архистратиге* ничего не доказываютъ, кромѣ сохраненія безъ измѣненія звука **г** въ иноземномъ, заимствованномъ словѣ.

Особенно много общихъ всему великорусскому нарѣчію явленій можно указать въ области морфологіи. Приведу: 1] появленіе формъ *им. мн.* на **-а** въ именахъ мужескаго рода съ подвижнымъ ударенiемъ *(города́, лѣса́, дома́);* 2] появленіе формъ *имен. мн.* на **-ья** *(листья, колья,* хотя рядомъ *діалектически* держатся формы *им. вд. листьё, кольё);* 3] появленіе формъ *им. мн.* на **-ья** въ именахъ одушевленныхъ изъ старыхъ собирательныхъ *(князья, друзья, братья, мужья);* 4] замѣна **-ове** черезъ **-овья** *(сыновья, татаровья);* 5] появленіе въ *род. пад. мѣстоименій ж. рода* окончанія **-jo** въ *её, одноё, самоё* и т. д.

Равнымъ образомъ, и въ области синтаксиса въ великорусскомъ языкѣ оказывается нѣсколько общихъ явленій. Напр.: 1) распространеніе частицы **если** въ условныхъ предложеніяхъ (*если* въ нарѣчіяхъ бѣлорусской рѣчи, по предположенію Карскаго, «едва ли не подъ вліяніемъ русской литературной рѣчи»); 2) вытѣсненіе *им.* и *вин. двойств. числа* формой *род. падежа* какъ въ *мужескомъ*, такъ и въ *женскомъ* и *среднемъ родѣ (два брáта, два гóрода, двѣ сестры, два лицá)* и нѣк. др.

Явленія, связывающія отдѣльныя части сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій.

Перехожу теперь къ появленію въ великорусской языковой области такихъ явленій, которыя связываютъ отдѣльныя части сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчія въ болѣе или менѣе обширныя діалектическія группы. О двухъ такихъ явленіяхъ мы уже говорили (см. стр. 116).

1) Первое изъ нихъ состоитъ въ замѣнѣ исконнаго γ (то есть **г фрикативнаго**), развившагося изъ придыханія, въ *род. падежѣ мѣстоименій* и *прилагательныхъ* черезъ **v (в)**: *тово, доброво, слѣпово* и т. д. Замѣна эта произошла на фонетической почвѣ: ср. *діалектическій* переходъ γ въ **v**, напр. въ *древнерусскомъ повостѣ* или въ современномъ *сѣверномъ* областномъ *Восподь.* Названное явленіе охватило обширнѣйшую часть великорусской территоріи: во-первыхъ, большую часть сѣверновеликорусскаго нарѣчія, сохранившаго или сохранявшаго до послѣдняго времени γ въ олонецкихъ, нѣкоторыхъ новгородскихъ, нѣкоторыхъ вологодскихъ говорахъ и превратившаго γ въ **g** (**мгновенное г**) въ архангельскихъ; во-вторыхъ, — значительную часть южновеликорусскаго нарѣчія, при чемъ, однако, γ упорно держится на сплошной территоріи югозападной части этого нарѣчія, а равно въ болѣе глухихъ селеніяхъ также и другихъ частей южновеликорусской области.

2) Второе явленіе, на которое обращаю Ваше вниманіе, въ настоящее время можетъ быть опредѣлено относительно географиче-

скаго его распространенія довольно точно, благодаря обстоятельному изслѣдованію Д. К. Зеленина, появившемуся въ 1913 году подъ заглавіемъ „Великорусскіе говоры съ неорганическимъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ“. Оно состоитъ въ переходѣ **к, г, х** въ **к', г', х'** въ положеніи за нёбными согласными и за **неслоговымъ і**: *чайнюю, Ваньня, батиньки, бочня, няньня, Олья, верьхю* и т. п. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей задненебныхъ согласныхъ предшествующимъ небнымъ звукамъ. Районъ распространенія этого явленія, по изслѣдованію Зеленина, въ сѣверновеликорусской области — восточная часть Новгородской губерніи (уѣзды Кириловскій и Череповецкій), почти вся Вологодская губ., значительная часть Вятской, вся Ярославская губ., западная часть Костромской и, наконецъ, Владимірская губернія; въ южновеликорусской области сюда относятся: Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовская губерніи.

Другихъ подобныхъ звуковыхъ чертъ, объединяющихъ говоры сѣверновеликорусскіе и южновеликорусскіе, я затруднился бы указать.

Наличность общихъ явленій въ области сѣвернорязанскихъ акающихъ говоровъ и, напр., — владимірскихъ или восточно-московскихъ окающихъ должна имѣть особое объясненіе: повидимому — это говоры по происхожденію своему сѣверноруссскіе, но пріобщившіеся въ извѣстныхъ районахъ къ южновеликорусской области, благодаря нахлынувшему съ юга населенію. Имѣю въ виду, напр., *цоканіе* сѣвернорязанскихъ говоровъ, ихъ *шепелявое* произношеніе свистящихъ, ихъ *дзеканье* и *цеканье*, то есть рядъ чертъ, извѣстныхъ и въ сосѣднихъ окающихъ говорахъ.

Между сѣверновеликорусской и южновеликорусской областями можно указать, еще, общее явленіе, состоящее въ переходѣ звука **о** подъ удареніемъ въ неначальномъ слогѣ слова, а при извѣстныхъ условіяхъ (опредѣляемыхъ исконными акцентными отношеніями) также въ начальномъ слогѣ, въ особое **о, о лабіализованное**, діалектически измѣняющееся въ дифтонгъ **uo** (**уо**), или же въ звукъ **ô** (**о закрытое**): ср., напр., произношеніе *сарока, сорока, воля, попъ, кожа* съ такимъ **о**. Это произношеніе можно указать на сѣверѣ — въ вологодскихъ говорахъ (тотемскомъ, грязовецкомъ, никольскомъ), въ вятскихъ говорахъ (Котельническаго и Орловскаго уѣзда), въ Костромскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ другихъ, а въ южновеликорусской области — въ говорахъ рязанскихъ (Егорьевскаго, Рязанскаго и Михайловскаго уѣзда), въ нѣкоторыхъ тульскихъ, въ воронежскихъ (Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ); подобное же произношеніе имѣло несомнѣнно мѣсто и въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губ. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ говоровъ

извѣстно, далѣе, произношеніе исконнаго **ѣ** подъ удареніемъ какъ дифтонгъ **іе**, почему, напр., произношеніе *сіено* оказывается общимъ, напр., землянскимъ говорамъ и тотемскимъ. Но объединять на основаніи двухъ указанныхъ чертъ всѣ эти говоры въ одну діалектическую группу нѣтъ основаній, въ виду именно того, что собственное измѣненіе звука **о** и **ѣ** могло частью произойти еще въ старшую эпоху, а именно—въ общерусскомъ праязыкѣ (это относилось бы къ измѣненію **о** при извѣстныхъ акцентныхъ условіяхъ), частью же восходить къ исконнымъ явленіямъ, нарушеннымъ въ другихъ русскихъ говорахъ (ср. произношеніе **ѣ** какъ дифтонгъ **іе** въ общерусскомъ праязыкѣ).

Средневеликорусская діалектическая группа.

Третьимъ результатомъ сближенія Сѣверноруссовъ и Восточноруссовъ въ области средней Россіи было образованіе здѣсь смѣшанныхъ говоровъ, соединившихъ типичныя особенности сѣверноруссскаго и восточноруссскаго нарѣчія. Такихъ смѣшанныхъ говоровъ много на всемъ протяженіи общихъ границъ обоихъ названныхъ нарѣчій. Смѣшеніе представляетъ, при этомъ, значительныя разновидности: въ однихъ изъ такихъ говоровъ видимъ перевѣсъ явленій восточнорусскихъ, въ другихъ—сѣверноруссскихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ налицо и противорѣчивыя одно другому явленія.

Такъ, напр., во многихъ окающихъ говорахъ центральной полосы великорусской области звукъ **о** произносится часто только въ слогѣ предударномъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ неударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ **о** является **звукъ неполнаго образованія**, который можно условно обозначать буквой **ъ**: *гъродá, гъловá, слóвъ* (то есть слóва) и т. п.; такіе говоры отмѣчены и въ Ярославской и во Владимірской губерніи, при чемъ можно съ увѣренностью сказать, что редукція неударяемаго **о** въ слогахъ непредударныхъ является чертой, заимствованною изъ сосѣднихъ восточнорусскихъ (южновеликорусскихъ) говоровъ (ср. стр. 53—54, 108—110, 113).

Напротивъ, въ цѣломъ рядѣ восточнорусскихъ говоровъ можно найти напр., при сохраненіи произношенія **фрикативнаго г** (*γарá, наγá*), звукъ **v** (**в**) вмѣсто *γ* въ *род. пад. вд. числа* (*тавó, дóбрава*); таковы, напр., многіе калужскіе говоры, а именно говоры восточные и сѣверовосточные, тянущіе къ Москвѣ. Въ иныхъ же восточнорусскихъ (южновеликорусскихъ) говорахъ *γ* вообще вытѣсняется изъ произношенія черезъ **g** (**г взрывное**), несомнѣнно заимствованное изъ сѣверноруссскаго нарѣчія, но рядомъ сохраняется **х** на мѣстѣ первоначальнаго *γ* въ концѣ слова (*γара, наγа,* но *нохъ, сапохъ*).

Однородны съ этими говорами такіе говоры, которыхъ нельзя

признать смѣшанными, но которые тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ въ своемъ вокализмѣ явно заимствованныя изъ другихъ говоровъ черты.

Подобные говоры оказываются и не въ пограничныхъ между восточнорусскимъ и сѣвернорусскимъ нарѣчіемъ областяхъ, а даже въ большомъ отдаленіи отъ центральныхъ районовъ, но, повидимому, именно въ такихъ мѣстностяхъ, которыя въ культурномъ отношеніи, а также и въ колонизаціонномъ, зависѣли отъ этихъ центральныхъ районовъ.

Такъ, напр., въ сѣверновеликорусской области извѣстны многочисленные говоры, не смѣшивающіе звуковъ **č** (**ч**) и **c** (**ц**),—они указаны и въ Ярославской, и въ Вятской, и въ Архангельской губерніи; отсутствіе смѣшенія указанныхъ звуковъ, возстановленіе этимологическаго различія **ч** и **ц** представляется всецѣло обязаннымъ вліянію центра и прежде всего Москвы. Въ Архангельской губерніи извѣстны говоры, представляющіе переходъ конечнаго **о** въ **а** (напр. *доброва, слѣпова* и т. п.); переходъ этотъ произошелъ, вѣроятно, черезъ посредство редуцированнаго звука, замѣнившаго **о**, а самая замѣна эта, какъ мы видѣли (стр. 107—110), зависѣла отъ вліянія восточныхъ говоровъ.

Въ мѣстностяхъ позднѣйшей колонизаціи можно найти много образцовъ подобныхъ смѣшанныхъ говоровъ. Такъ, напр., въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ есть акающіе говоры, въ консонантизмѣ своемъ близко сходные съ говорами окающими (то есть имѣющіе взрывное **g**, **твердое t** въ *3 лицѣ ед. и мн.* и **v** вмѣсто γ въ *род. пад. мѣстоименій* и *прилагательныхъ*, но не смѣшивающіе **ч** и **ц** и т. д.).

Отсюда видно, что вся великорусская языковая область распадается на три діалектическія группы: *сѣверновеликорусскую, южновеликорусскую* и группу смѣшанныхъ говоровъ, которую, по занимаемому ею географическому положенію, можно характеризовать какъ *средневеликорусскую.*

Говоръ города Москвы.

Между *средневеликорусскими* говорами совершенно особое положеніе занимаетъ *языкъ города Москвы.*

Онъ представляется наиболѣе типичнымъ среди всѣхъ остальныхъ смѣшанныхъ говоровъ. Это зависитъ отъ того, что сѣвернорусскія и восточнорусскія особенности распредѣлены въ немъ безъ сколько-нибудь явнаго перевѣса однихъ передъ другими. Московскій говоръ въ отношеніи гласныхъ—вокализма—можно опредѣлить какъ говоръ южновеликорусскій (восточнорусскій), въ отношеніи же согласныхъ—консонантизма—

какъ говоръ сѣверновеликорусскій (сѣвернорусскій). Но и вокализмъ московскій существеннѣйшею своею особенностью (весьма умѣреннымъ аканьемъ) не такъ рѣзко отдѣляется отъ говоровъ сѣвернорусскихъ именно потому, что въ предударномъ слогѣ послѣ мягкихъ согласныхъ въ соотвѣтствіи со звукомъ **а** является либо звукъ **е**, склонный къ **і**, либо звукъ **і**, то есть тѣ же звуки, которые въ этомъ положеніи извѣстны и въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ,—по крайней мѣрѣ, въ положеніи передъ мягкимъ, смягченнымъ согласнымъ. Въ отношеніи къ консонантизму языкъ Москвы точно такъ же занимаетъ серединное положеніе: въ общемъ согласные московскаго говора того же характера, что въ сѣвернорусскихъ говорахъ, но при этомъ отсутствуетъ смѣшеніе **ч** и **ц**, и оба эти звука различаются между собой.

Я ограничусь здѣсь выводомъ о тѣсной связи между образованіемъ великорусскаго языка и народности и возвышеніемъ Москвы, а также между послѣднимъ и образованіемъ типичнаго для Москвы языка.

Совершенно ясно, что бассейнъ Оки и Верхней Волги былъ той центральной для разселившихся къ востоку русскихъ говоровъ полосой, куда, съ одной стороны, стремились Сѣверноруси и куда отступали, съ другой,—Восточнорусы. Весьма вѣроятно, что Восточнорусы устремлялись въ эту область въ нѣсколько пріемовъ, бросая болѣе богатыя земледѣльческія области подъ насильственнымъ давленіемъ господствовавшихъ на югѣ кочевниковъ: приливъ Восточнорусовъ въ указанную область начался въ **X** в., благодаря ударамъ Печенѣговъ; онъ усилился во второй половинѣ **XI** в. подъ напоромъ Половцевъ; съ новой силой продолжался этотъ приливъ вслѣдствіе нашествія Татаръ въ **XIII** в.; онъ не прекращался и позже подъ нажимомъ Татаръ, а затѣмъ — Крымцевъ и Ногайцевъ.

Заключеніе.

Въ предидущемъ изложеніи намѣчены, такимъ образомъ, главные факторы, приведшіе къ замѣнѣ трехъ старыхъ діалектическихъ группъ русскаго языка—***южнорусской, сѣвернорусской*** и ***восточнорусской***—слѣдующими новыми діалектическими группами: 1] ***малорусскою,*** отличающеюся отъ южнорусской только своимъ объемомъ (ибо сѣверная часть ея перешла въ группу бѣлорусскую); 2] ***бѣлорусскою***, составившеюся изъ сѣверныхъ говоровъ южнорусской области, изъ поглощенныхъ ими ляшскихъ элементовъ и изъ западныхъ говоровъ восточнорусской группы; 3] ***великорусскою,*** составившеюся

юся изъ соединенія сѣверноруссkихъ говоровъ съ восточною отраслью восточнорусской діалектической группы, при чемъ, однако, несмотря на послѣдовавшее сближеніе, рѣзко различаются между собой составные элементы великорусской группы—***съверновеликорусскіе***, соотвѣтствующіе сѣверноруссkимъ, и ***южновеликорусскіе***, соотвѣтствующіе восточноруссkимъ.

УКАЗАТЕЛИ.

Во всѣхъ Указателяхъ цифры *въ скобкахъ* означаютъ, что на данной страницѣ данное названіе или предметъ не названы прямо, въ томъ видѣ, въ какомъ помѣщены въ Указатель.—Вездѣ влѣво *отъ точки запятой* помѣщены наиболѣе важныя для ориентировки и по существу цифры страницъ, а вправо (если есть) — второстепенныя; влѣво отъ *пары точекъ съ запятой* помѣщены цифры страницъ, гдѣ дано опредѣленіе или объясненіе даннаго понятія-указанія.—*Въ скобкахъ при названіяхъ*—ссылки и поясненія составителя Указателей. — *Курсивомъ* напечатаны, съ одной стороны, названія-цитаты (если данное названіе встрѣчается лишь въ цитатахъ или въ видѣ цитаты) и, съ другой стороны,—названія, получающія лингвистическое объясненіе.

Принятыя сокращенія: басс.=*бассейнъ*, в. (вв.) =*вѣкъ (вѣка)*; виз.=*византійскій*; вм.=*вмѣсто*; воев.=*воевода*; вол.=*волость*; вост.=*восточный*; г. (гг.)=*говоръ (говоры)* или — въ Ук. VI — *годъ (годы)*; г. (гг.) с. л.=*годъ (годы) сообщенія лѣтописи*; гор.=*городъ*; гос.=*государство*; гр.=*группа*; гр. гг.=*группа говоровъ, діалектическая группа*; греч.=*греческій*; губ.=*губернія*; д. (дд.)=*десятилѣтіе (-ія)*; д. (з.) ош.=*дата (завѣдомо) ошибочная*; др.=*другіе*; е.=*еще*; з.=*земля*; зал.=*заливъ*; зап.=*западный*; зв. (звв.)=*звукъ (звуки)*; имп.=*императоръ*; к.=*конецъ*; кн. (кнн.)=*князь (князья)*; княж.=*княженіе*; м.=*море*; н. (нн.)=*нарѣчіе (-ія)*; Нач. св.=*Начальный сводъ*; нч.=*начало*; нын.=*нынѣшній*; обл.=*область, области*; оз.=*озеро*; ок.=*около*; П. вр. л.=*Повѣсть временныхъ лѣтъ*; пн. (пнн.)=*поднарѣчіе (-ія)*; пр.=*правый*; пран. (пранн.)=*пранарѣчіе (-ія)*; праяз.=*праязыкъ*; прим.=*примѣчаніе*; прит.=*притокъ*; р.=*рѣка*; s.=sensu *(въ смыслѣ)*; с.=*семья*; с. яз.=*семья языковъ*; сл.=*слова*; см.=*смотри* см. е.=*смотри еще*; соотв.=*соотвѣтствующій*; ср.=*сравни*; сѣв.=*сѣверный*; t. a. (p.) q.=*terminus ante (post) quem*; терм.=*терминъ*; теч.=*теченіе*; у. (уу.)=*уѣздъ (уѣзды)* царств.=*царствованіе*; яз. (язз.)=*языкъ (языки)*; яя.=*явленія*.

I.

Указатель географическихъ названій и именъ.

Австрія 31
западная 22—23; 31
нижняя 45
Ἀειφάρ (порогъ!) 89
Азія 20—21, 24; 18, 30, 41
Средняя 26, 30, 35;
степи 20—21, 26
сѣверная 41;
Азовское море 51, 62; 68
бассейнъ 46, 50, 51, 62, 101; 64
берега 52; (46), 83
берегъ восточный 51
Аланія 88
Аппенинскій пол. 21—22, 22, 23;
Архангельская губ. 117, 120
Астрахань 52
Африка (сѣверная) 21; 31
Балканскій пол., Балканы 21-22, 22, 23, 30, 31, 42, 44, 45-46, 50, 66; (32), 42, (45), 62, 63, (64)
Балтійское м. 25, 39, 62, 63; 29, 62—63
бассейнъ 26, 39; 22, 63
побережье восточное 29; 63
Βαρούφορος (порогъ!) 89, 90
Beodizus 44
Березина (басс.) 61;
Berezica, Berozicha 44

Βερούτζή (порогъ!) 89
Βιτετζέβη (ср. Витечевъ) 89
Блатенское оз. (ср. Pelso) 31
Богъ (см. еще Бугъ Южный) 92, 97;
Болгарія 30, 75, 79, 81—82, 86; 4, (46), 47, 76, 88
21
Бреславль 39
Британнія 115—116
Брянскій у. (Орловск. губ.) 49; 108
Бугъ Западный 40, 33, 39
бассейнъ 37, 96 (ср. 99);
Буг (Южный! ср. Богъ) 37, 49, 97, 99, 101, 103;
Бугъ Южн. (см. е. *Богъ*) 63, 99;
басс. верхняго теченія 64, 88:
„ нижняго „ (51), 99;
„ средняго „ 45; 11
Буковина 89
Βουλνιπράγ (порогъ!) 89
Βουσεγραδέ (ср. Вышгородъ) 31
Быстрица (прит. Дуная!) 52
Бѣлая Вежа (гор.!) 88
Бѣлобережіе (на Днѣпрѣ!) 71, 96;
Бѣлоозеро 28, 36, 43, 47, 64, 100, 101-102, 110; (8, 54-62), 57, 84, (92-93), 104-108, (110-111)
Бѣлоруссія 109,
восточная 109;
западная 60;
центральная *Варяжская земля* (ср. Швеція) 70;
Варяжское м. (ср. Балтійское м.) 70;
Великая (бассейнъ) 54, 59;
„ верхн. теченіе 110
„ истоки 54;
Венгрія 41, 45, 47, 88
сѣверовосточная 8;
сѣверозападная 45
Венедскій зал. (ср. Балтійское м.) 70;
Верхнія, верховныя земли 66, 95
Византія (гор.! см. Царьградъ)
Византія (гос.!) 45, 66, 68, (69), 73, 75, (76), 78—79, 88; 41, 47, 87
Виленская губ. 8; 29, 107
Висла (см. еще Повислинье) 61, 94;
Витебская губ. 8, 59, 100;
Витечевъ, Витичевъ (гор.!) 90; 89
Владимірская губ. 118, 119
Владимірское княж. 114;
Владиміра Залѣсскаго обл. 10;
Владиміръ (гор.!) 53;
внѣшняя Русь (ἡ ἔξω Ῥωσία) 89, 90;
Vodica 44
Войска Донского обл. 109
Волга 56
Волга (см. еще Поволжье) 55—56, 112; 58, 93
бассейнъ 36, 112; 57
„ верхняго (сѣверн.) теч. 43-44, 54, 59, 63, 100, 110, 111, 121; 111-112
„ средняго теченія 114;
истоки (ср. басс. в. теч.) 50; 54; 95—96;
путь 65;
Вологодская губ. 8; 117, 118
Волховъ (р.) 54
Волынская губ. 8, 48, 92, 99;
Волынь 37;
Волынь 36—37, 38, 48—50, 63;
Воронежская губ. 109, 118
Востокъ 62;
Вытегорскій у. (Олон. губ.) 116
Вышгородъ 90; 89
Вьручии 92;
Вязьма (р.) 56
Вятская губ. 8; 118, 120
Галатія 30
Галиція 8, 45, 99, 104; 45
Γελανδρί (порогъ!) 89
Γζερνιγώγα (ср. Черниговъ) 89
Германія 42; 61
южная 23;
Гора (ср. Финляндія) 63;
Готское государство 41, 42;
Греція (ср. Византія) 23, 76;
Гродно 29
Гродненская губ. 8;
Грязовецкій у. (Волог. губ.) 118
*Dânuvios (ср. Дунай) 32;
Двина (Западная) 95; 28
басс. верхн. теч. 32, (50), 54, 57, 59, (95-96), 100, 110;
„ нижн. „ 32, 40;
верховье (истоки) 50, 54; 95—96
Дерева, Деревская область 92, (99—100); 100
Десна (прит. Ю. Буга) 49;
Десна (прит. Днѣпра) 49;
Десна (прит. Днѣпра; см. е. Подес.) 95, 100; 49, 77
Днепрв, Днѣпрв 37; 97
Днѣпръ (ср. Поднѣпр., Приднѣпр.) 37, 41, 46, 49, 59, 67, 97, 101-103, 111-112; 50, 57, 6475, 95, 100
басс., басс. верхн. (сѣв). теч., средняя часть—см. Поднѣпр., в., сѣв., средн.
берегъ лѣвый (вост.) (48), 50, 52, (62), 95, 99, 100, (113); 61, (62), 75
„ „ (верхняго теч.) 56, 100;
„ „ (нижн. теч.) 46;
„ „ (средн. „) (50), 52, (62, 113);
„ прав. (западн.) (50), 61; 75, 103
„ „ (нижн. теч.) (88)
„ „ (средн. теч.) (50), 88, 99, 100, 103;

верховье (*на верхѣ Волги*, истоки) 54, 55, 61, 95—96; 62, 89
путь 50, 57, 58, 61, 64, 65, 69, (71), 72, 102; 22, 54, 63—64, (75), 78, 88—90, 111
теченіе в., н., средн.—см. Поднѣпр. в., н., ср.
устья 68;
Днѣстръ 37;
Днѣстръ 37, 40, 41, 46, 92, 97, 99, 100;
басс. верхн. теч. 63, (99);
„ нижн. „ 47, 64, 88, 99; 46-47, 47, 48
„ средняго теч. 48, 51, 63, (99); 47—49
устья 99;
Добруджа (ср. Дунай нижн. теч.) 44;
Dônavia (ср. Дунай) 32;
Донецъ (Сѣверный) 50, 113;
басс. средняго теч. 51;
Донъ (ср. *Славянская рѣка*) 31, 47, 51, 93; 30
бассейнъ 50, 93, 113; 101
„ нижн. теченія 51, 52;
„ средн. „ (46, 50), 51, (52); (93, 101)
„ сѣверная часть 52, 59; 101
берегъ правый 52
устья 68;
Драва (басс. нижняго теч.) 47
Дунай 32;
Дунай (см. Придунайск. обл.) 25, 32, (42, 43), 45, 47, 49, 66, 94, 97; 37, 43, 47—48, 49
берегъ правый 47
нижн. теч. (31), 40, (43, 44), 45, 47, 97; 45, 47-48, 94-95
притоки 31
устья 44, 47, 49, 66, (97); 27, 47
Двнѣпръ (см. еще Днепръ, Днѣпръ) 97, 100
Двнѣстръ (см. еще Днѣстръ) 97
Европа 20—21, 21—22, 25, 26, (41); 18, 20—26
восточная 24, 25; (27)
западная 24, (25); 45, 49, 69
средн. (центр.) 20, 22, 23, 25, 26, 41, 42, 66; 32, 41
сѣверная 23, (26), 66;
сѣверовосточн., сѣверозападная 23
Егорьевскій у. (Рязанск. губ.!) 118
Ἐσσουπῆ (порогъ!) 89
Жиздринскій у. 115
Задонскій у. (Ворон. губ.!) 118, 119
Ибръ (на Волыни!) 37
Изборскъ 71, 92;
Иллирикъ 47
Ильмень (см. еще *Ильмерь*) 54;
Ильмерь (ср. Ильмень) 95;
Ингельгеймъ 69
Индія 20, 30;
Иранъ 26, 30;
Искорость, *Искоростѣнь* 92;
Испанія 31
Италія 23, 30; 31
Итиль (ср. Астрахань) 52;
Кавказъ 26, 51; 24, (52)
Калужская губ. 8, 101, 106, 107, 113; 118, 119
Каменецъ-Подольскъ 29
Каринтія 43
Карпаты 31—32, 47, 49;
Каспійское м. 62;
бассейнъ 50, 62, (63);
Кенигсбергъ 27
Кирилловскій у. (Новг. губ.) 118
Китай 41;
Китайскій Туркестанъ 24;
Кишиневъ 29
Кіевская губ. (сѣв. часть) 48;
Кіевская обл. (ср. Поднѣпр. Кіевск.) 92, 93;
Кіевскій югъ 10;
Кіевское гос. (ср. Кіевъ, Русь древняя и пр.) 10—11, 52, 66, 71—72, 76, 87—90, 111; 72, 72—73, 73—76, 76—77, 77—87
Кіевское Поднѣпровье (см. Поднѣпр. Кіевск.)
Кіевщина (см. Кіевск. гос. и пр.)
сѣверная часть 63;
Кіевъ 53, 68, 71, 72, 73, 74, 80-83, 84, 90, 91, 92, 102, 112; 16, 57, 58, 65, 66, 71-76, 79, 84, 86, 89—95
Ковенская губ. 29
Ҝодра (на Волыни!) 37;
Кольцо (гор. Древлянъ!) 100
Константинополь (см. Царьградъ)
Корсунь 64, 81; 66, 76
Ҝosanica, Cosintus, Kosnica 44
Костромская губ. (зап. часть) и у. 118
Котельническій у. (Вятск. губ.) 118
Крымъ 30, 64;
Курляндія 29, 36;
Курская губ. 109, 118
Ладожское оз. 54;
Λεάντι (порогъ) 89
Лебедія 64
Лифляндія 29;
*Λιούβτζα, τά; (ср. Любечь) 89
Ловать (бассейнъ) 57, 59;
верхнее теченіе 54;
истоки 50, 54;
Ломжинская губ. 27
Луга (р.) 75, 86
Любечь 100; 89
Люблинская губ. 27
Лядьская земля; лѧда, лѧдь 49;
Македонія 45
Малая Азія 21, 23, 31; 26, 30

Мда (ср. Чудское оз.) 61
Минская губ. 8, 100, 107, 107;
южные уу. 99;
Михайловскій у. (Ряз. губ.) 118
Μιλινίσκα (ср. Смоленскъ) 89
Могилевск. губ. 8, 56, 58, 92-93, 100, 102, (107);
Морава (р.) 94
Мосальскій у. (Калужск. губ.) 115
Москва (гор.!) 112-113, 114, 121; 80, 83, 119, 120, 120—121
Московское гос. 80, 114;
Мста (р.) 75, 86
Муромская земля 102;
Муромъ (гор.!) 77
Ναπρέζη (порогъ) 90
Наревъ (р.) 40;
Νεασήτ (порогъ) 89
Недада 45
Νεμογαρδάς (ср. Новгородъ) 89
Никольскій у. (Волог. губ.) 118
Новгородская губ. 117
восточная часть 118
Новгородская обл., Новгородск. сѣверъ (ср. Новгородъ) 73, 74—75, 75, 76, (93); 61
Новгородъ (см. е. Новъгородъ) 10, 53, 60, 71, 74, 79, 95, 98; 16, 57, 65, 66
Новъгородъ (ср. Новгородъ) 95;
Нѣманъ 28
верхнее теченіе 32;
нижнее теченіе 32, 40;
Обоянскій у. (Курск. губ.) 118
Овручъ (гор.! ср. *Вьручии*) 92;
Одеръ (р.) 43, 61
Ока 108;
бассейнъ 35—36, 43—44, 52, 54, 59, 93, 96, 100, 101, 102, 106, 111-113, 114, 121;
„ верхняго теченія 106, 112;
„ средняго теченія 120, 106;
путь 108;
Олонецкая губ. 8; 116, 117
Ольжичи (село) 100
Орловская губ. 106; 109, 118
Орловскій у. (Вятск. губ.) 118
Остеръ (р.) 77
Осколъ 50;
Ὀστροβουνίπραχ (порогъ!) 89
Ostudizus 44
Осьма (р.) 56;
Pathissa (ср. Тисса) 31
Пелопонесъ 30, 31;
Pelso 31;
Пензенская губ. 120
Переяславль (гор.!) 53, 73;
Пермская губ. 8;
Петрозаводскій у. (Олон. губ.) 116
Пинщизна 104;
Пищань (Начальн. свода!) 92;
Пищань (р. бассейна Днѣпра) 92, 102;
Пищань (р. бассейна Оки) 102;
Повислинье (см. еще Висла) 27, 28, 37, 40, 42; 27—29, 32, 35, 39—44
сѣверное 42;
Поволжье (см. Волга) 63, 100, 111, 114;
Подесенье (см. еще Десна, прит. Днѣпра) 102, 106, 112;
правобережное 100;
Поднѣпровье (басс. Днѣпра; см. еще Днѣпръ)
верхнее (сѣверное) 33, 43, 50, 54, 61, 62, 65, 66, 100, 101, 102, 106, 110; 28-29, 54-62, 95-96, 101-102, 104, 106, 110-111
Кіевское (ср. среднее; ср. Кіевск. обл.) 10 (ср. 93, 100 и 90)
лѣвобережное, правобережное (см. Днѣпръ —берегъ лѣв., правый)
нижнее (южн.) 31, (46), 47, (48), 64, 68, 88, 97; 26, 45-47, 47-48, (49, 75, 88-91, 97)
средн. 28, 48, 49, 51, 61, 63, 113; 26, (49-51), 61
„ (сѣверная часть) 62;
Сѣверское 74—75
Поднѣстровье (см. Днѣстръ)
Подолія 8; 27
Полота (р.) 95;
Полотскъ (=Полоцкъ) (60), 98; 71, 76, 77
Полоцкая обл, Полоцк. сѣверъ 60; 73, 76
Полтавская губ. 95;
Польская земля (=з.Полянъ) 80, 93; 72
Польша 27
Полѣсье (волынское, минское...) 28, 29, 31-32, 33, 38, 50, (104);
Поочье (см. Ока)
Прегель (р.) 27
Преславъ (столица Болгаріи) 82; 30, 76
Прибалтійск. край, обл. 26, 27, 61, 97; 48, 62
Приднѣпровье южн. (см. Днѣпръ, Поднѣпр.) 31
Придунайскія обл. (см. е. Дунай) 31, 47
Припять 95, 103, 104;
бассейнъ 31, 36, 39, 61;
берегъ лѣвый, правый (95), 103, 104;
Пріокскія земли (см. Ока) 52;
Проня (прит. Днѣпра) 92, 102;
Проня (прит. Оки) 102;
Прутъ 46;
нижнее теч. 47;
Псковская губ. 59;
Псковская обл. 60, 93;
Псковскій у. 61

Псковъ 60, 111; 100
Рижскій зал. 29;
Росія, Ῥωσία (гор.!) 68;
Россія (ср. Русь, Русское гос. и пр.) 8, 14, 20—21, (24), 37... 78, 80 и др.; 30, 31
восточная 8;
западная 32... 65, 66, 97
средняя 36, 46, 64, 100, 106, 113, 119
„ (западная часть) 101
сѣверная 51, 83
сѣверовосточная 51
сѣверозап. 25-26, 26, (28, 30, 31, 32), 50, 51; 25—27, 27—29, 29—31
юговосточная 8, 20—21, 47, 52, 101, 106
югозападная 25—26;
южная 8, 20, 20-21, 26, 66; 28, 31, 35-38, 41, 46, 47, 50, 51, 68-71, 75, 77, 83, 103
„ (степи) 20, 26; 30, 45, 50
Ростовская обл. 53, 79, 84;
Ростовъ 53, 71, 77, 84; 102
Рудница (р.) 92
Ruotsi (ср. Швеція) 67, 70;
Русія (ср. Русь древняя) 73;
Русская земля (ср. Кіевск. обл., *Польская з.*, Русь) 93; 75
Русское гос. (см. Кіевск. гос. и т. п.) 64-87 и др.
Русское море (ср. Черное м.) 68;
Русь (древняя! см. е. Россія, Кіевск. гос. и пр.) 72, 67, 68, 70, (90, 93, 97-98), 10-11, 53, 72, 80-82, 84-86, (88), 96, (100-101, 102); (4, 5, 14, 14-16, 57, 67-68, 71, 72-87, 87-91, 91-92)
восточная (85);
сѣверная (85, 94);
южная 68, 81, (85, 94); 88
Русь внѣшняя 89, 90;
Русь Угорская 11, (104;)
Рязанск. губ. 8, 53, 101, 102, 106, 107, 112; 118
сѣверная часть 118
Рязанская з. 112; (52)
Рязанскій у. (Ряз. губ.) 118
Самбарай, Самбарая (гор.!) 73;
Σαμβατάς (ср. Кіевъ) 89
Саратовская губ. 120;
Седмиградье 47
Семь 95, 100;
Скандинавія 70; 65
Скиѳія 38; 95
Славянская рѣка (ср. Донъ) 51;
Смоленская губ. (часть) 59;
Смоленская обл. 64. 73;
Смоленскъ 84, 89, 95; 98
Сожа, Сожь (см. еще Съжь) 56, 101; 59
Средиземн. м. (обл.) 21-22, 25-26, 31-32, 66;
Старый Свѣтъ 41;
Στρούβουν, Στρούκουν (порогъ) 90
Стугна (р.) 77
Стырь (на Волыни) 37;
Суздальская з. 112;
Сула 95, 100; 77
Свжь (ср. Сожа) 59, 96
Сѣдлецкая губ. 27
Тамбовская губ. 106;
Tarpodizus 44
Тверская губ. 79, (114);
Тверь (гор.!) 114;
Tierna (р.) 31
Тиса, Тисса 31, 41
Тмутороканская вол., обл. 51-52, 52; 75, 77
Тмуторокань (гор.!) 51, 52, 68, 73;
Тотемскій у. (Волог. губ.) 118, 119
Трансильванія 45;
Трубежъ (р.) 77
Тульская губ. 8, 53, 101, 106, 107, 113; 118
Туркестанъ Китайскій 24
Туровъ 77; 76
Tyrodiza 44
Угорская Русь 11, (104);
Узія 88
Украина (7), 8, (17, 104);
Οὐλβορσί (порогъ!) 89, 90
Финляндія (ср. *Гора*) 63;
Хазарія 88
Херсонесъ (см. еще Корсунь) 68
Херсонская обл., Херсонъ 88
Холмская губ. 8;
Царьградъ (ср. Византія, гос.) 42, 62, 65, 66, 69, 91, 93; 68, 69, (72), 88—91, 98, 99, 102
Цна (басс.) 108
Червенскіе города 76;
Череповецкій у. (Новгор. губ.) 118
Черниговская губ. и княж. 95, 112;
Черниговъ 53, 73, 89;
Черное м. (22), 68;
бассейнъ (ср. Россія южная и т. п.) 22, 26, 48, 50, 63, 64; 25, 26, 28—29, 30, 32, 35—36, 37—39, 64—65, 78
берегъ восточный 87;
„ сѣверный 22, 30, 31, (32, 37—38), 47, 51, (63—65), 68, 87, (97), 101;
„ „ степи 20—21, 30, (47—48), 50, 63, (75, 88, 103)

Чехія 43
Чудское оз. (и басс.) 59, 110; 61
Швеція 67, 69, 70;
Штирія 43
Эзель 29
Эльба 43, 61;
Эпиръ 45
Ярославская губ. 118, 119, 120
Θессалія 45
Θракія (сѣверная) 47

II.

Указатель названій народовъ, племенъ и т. п.

—При справкахъ рекомендуется обращаться и къ Указателю III.—

Авары (Тюрки! см. еще Обры) 47-48, 63;
Аисты (см. еще Эсты) 39;
Андрофаги (Геродота! Финны Вост.) 38;
Ἄνται, Ἄντες (см. еще Анты) 46;;
Анты (см. е. Слав. Вост.) 45, 46;; 45-48, 51;
Арабы 51
Арійцы (ср. е. Индоевроп.) 25; 26, 30, 35, 36
Балтійскослав. с. (см. Славяно-балтійцы).
Балтійцы 26-29, 32, 39, 40; 25, 33, 34, 36, 42, 48, 57, 61
Βαράγγοι (см. еще Варяги) 91;
Бастарны, Бастерны (см. еще Спалы) 40;
Βερβιανοί (см. еще *Δερβιανοί) 90
Берендѣи (Тюрки!) 98;
Болгары (Тюрки!) 47-48, 63, 95;
Болгары (Ю. Славяне!) 18, (81-82), 94;
Болгары Дунайскіе (Тюрки!) (47);; (88), 94;
Бужане (см. е. Волын., Дулѣбы) 99;; 96, 101, 104;
Бѣлорусы 8-9, 11, 18, (42), 57, 110; 7
Вандалы (Германцы!) 31
Варяги (терминъ! ср. Русь-терминъ!) 62, 67, 68, 70, 93-94, 97-98; (69), 71, 72
Варяги (см. еще Варязи; ср. Русь, Скандинаво-Варяги) 62-63, 65, 65-67, 67, 68, 70-71, 93-94, 97-98; 64, 71-77, 78, 87-91, 99, 102
Варягорусы (ср. Варяги, Русь) 71;
Варязи (въ русск. лѣт.! см. еще Варяги) 93-94, 97-98; 62, 63, 64, 65, 67
Великая Скуѳь (ср. Тиверцы, Уличи) 97, 98
Великорусы 8-9, 11, 18, 113, (115, 121); 7, 12, 17, (107, 110—113)
Сѣверн., Южн. см. Сѣверновел., Южновел.
Велыняне (см. Волыняне) 96, 99; 97
Venä, venää, venajä (у Финновъ! ср. Русскіе) 39;
Венеды (Тацита и Птолемея!), *Венеды* (Германцевъ!) (см. еще Славяне) 39, 40;
Вепсы (Зап. Финны! см. е. Весь) 38
Väringr (см. еще Варяги) 62;
Вестготы (ср. Готы) 41; 46
Весь (см. Вепсы!) 63, 76; 65, 73, 96, 97, 98
Византійцы (см. еще *Ромеи*) 46, 69;
Vlach, włoch, Волохи, **волхъ* 32;; 87, (62), 94;
Волыняне (см. еще Велыняне; ср. Бужане, Дулѣбы) 99;
Вороталматъ (колѣно Печенѣговъ!) 99
Восточноазіатскія народности 41;
Восточная вѣтвь В. Славянъ (Русскихъ)— см. Восточнорусы.
Восточнорусы (см. еще Вятичи) 50, 51-54, 62, 78, 101-103, 110, 111-113, 113-114, 115, 119, 121; 51, 62-63, 78-79, 103, 122
Восточные... см. названія соотв. племенъ.
Вятицы, Вятичи (см. еще Вятичи) 52, 58, 59, 93, 96; 77, 97, 98, 100
Вятичи (см. е. Восточнор., ср. Вятицы 52, 53, 58-59, 78, 79, 93, 96, 97, 101-103, 106, 107, 110, 112; 72, 75, 77, 80, 81, 98, 100, 106-113
Восточные 111-112; 79, 113, 122
Западные 111; 110, 121
Галаты (Кельты!) 30
Γαλίνδοι, Галинды (Птолемея!) 39-40;
Галлы романизированные (ср. Французы) 11;
Гепиды (Германцы!) 45, 47
Германцы (см. еще Нѣмцы, ср. Варяги) (18, 24), 25, 27, 28, 30-31, 36, 39, (43); 22, 29, 31, 32, 33, 35, 40, 48-49, 66
Восточные 40; 28, 31
Герулы (Германцы!) 45
Геты (Марцеллина! s. Славяне) 45;
Готы (Германцы Вост.; см. е. Вестготы, Остготы) 28, 39-40, 40, 40-41; 40-42, 44, 47
Грейтунги (см. еще Остготы!) 41;;
Греки (см. е. Византійцы) (18), 22, (24), 25, 30, (38-39), 64, 71, (78-79); (37, 37-40), 38, 69, 71-77, 78, 79, 83, 102
„ южной Россіи (Херсонеса и т. п.!) 38-39, 64, 68; 83
Грекороманскій міръ 40;
Грекы, Грькы (см. еще Греки) 30, 97, 98
Γύθωνες (Птолемея! см. е. Готы) 39;

Гунны (Монголы) 41-42, 45, 47, 48; 44, 51
Дакійцы (Ѳракійцы!) 30
*Δερβιανοί (К. Багр.! см. е. Древляне) 90;
Δερβλενίνοι (К. Багр.! см. е. Древляне) 88;
Дервленины (К. Багр.! см. е. Древл.) 88, 89;
Деревли, Деревляне (см. е. Древляне) 95
Древляне (см. е. Деревли, Деревляне и т. п.) 78, (88-90), 92, 95, 99, 100, 101, 103-105, 110; 73, 76, 80, 81, 96, 97, 98, 108
Древнерусск. племена (ср. назв. племенъ) 78-79, 80-81, 87, 88-90, 92-93, 99-100, 101-103, 103, 103-104, 104-105, 110, 110-112; (49-51), 51-64, 65-83, 84, 87-104, 104-110, 110-113
Дреговичи 95; 96
Дреговичи 90, 95, 100, 101, 103, 104-106, (110); 76, 96
Δρουγουβιτοί (К. Багр.! см. е. Дреговичи) 90;
Дрыговичи (см. Дреговичи) 100;;
Doudleby (Чехи!) 48;
Дулѣби (см. еще Дулѣбы) 96, 97;
Дулѣбы (см. е. Буж., Вол.) 48, 96, 97, 99; 78, 98
Европейскія народности (ср. Индоевроп.) 41;
Европейцы западные 62, 67
Западные... см. названія соотв. племенъ.
Иллирійцы 22, 30; 41—42, 66
Индійцы древніе (см. е. Арійцы). (18), 20, 25;
Индоевропейцы 18, 18-25, 29-31; 36
Восточные 23-26;
Западные 23-25;
Иранцы (ср. еще Арійцы) (18), 25, 28-29, 36, 37, 38; 33, 35-36
Италіанцы 32;
Италики, италійск. народы 22, 25, 30; (18, 24)
Кабардинцы (Черкесы!) 52
Карела (Финны Зап.!) 38;
Касоги, *Касогы* (Сѣвернокавказск. с.!) 52, 75
Кельты (18), 25, 30, 32; (24), 31, (39), 41, 66
романизированные 32;; 11
Козари (см. еще Хазары) 58, 93
Кочевыя народности (въ южной Россіи) 26, 41, 47-48, 50, 51, (63-64, 64-65), 75, 98, 103, 121; (76-77, 88, 92 96, 101-102), 111
Κριβηταιηνοί, Κριβιτζοί (К. Багр.! см. еще Кривичи) 89, 90;
Кривичи 93, 95; 63, 77
Кривичи (ср. Сѣверорусы) 89, 90, 93, 95, 96, 98, 100, 101, 110; (54-62), 63, 64-72, 73-75, 76-78, 80, 96, 97, 99, 104
Вост. (54, 59), 95-96, 100, 110; 111-113, (122)
Зап. (54, 59-63, 64, 76), 93, 100, 110-111; 95
поднѣпровскіе (см. еще Кривичи) 98; 95
полоцкіе (ср. Крив. Зап., Полочане) 76, 95
Крымцы (Тюрки!) 121;
Кутригуры (Гунны!) 47; 51
Лангобарды (Германцы!) 47
Латыши (Балтійцы!) 32; 39
Лензанины (ζ), Лензенины, Λενζενίνοι (К. Багр.! ср. Лучане) 88, 89; 89
Литовцы (Балтійцы!) (18, 24), 25, 29, 32; 28, (33-34), 39, 57
Лужичане (Славяне Зап.!) 18;
Лутичи (Славяне Зап.!) 89, 94
Лучане 89;
Ляси (см. еще Ляхи) 49, 56, 59, 93;
Ляхи (ср. Поляки; см. еще Дреговичи Радимичи) 49;; 56, 57-59, 64, 93-94, 101, 104, 110; 56-62, 76, 105-108, 110-111, 121
*Лѣчане (ср. Лучане) 89
Мадьяры (Финноуг. с.!) 64, 75;
Мазуры (Поляки Восточные!) (56)
Малорусы (ср. Южнор. и пр.) (8), 8-9, 11, (12), 16-17, 18, 103-104, (110, 121); 7, 105, 108
Сѣверные 104, (105);
Южные (см. еще Украинцы) 104;
Маровшане (Славяне Зап.!) 94
Меланхлены (Геродота! Финны Вост.!) 38;
Меря, Меряне (Финны Зап.) 63, 70; 65, 71, 73, 93, 96, 97, 98, 111
Мокша (Мордва!) 38;
Моравяне (Славяне Зап.!) 94
Мордва, Мордва (Финны Вост.!) 38;
Москвичи 112;
Невры (Геродота! Финны Зап.!) 38;48
Новгородцы, *Новгородци, Новгородьци* 96; 10, 94
Ногайцы (Тюрки!) 121;
Норманы (см. еще Скандинавы) 62;
Нѣмцы (см. еще Германцы) 61;
Обри, Обры, *Обѣри* (см. еще Авары) 48; 96
Осетины (Иранцы!) 52
Остготы (Готы! ср.!) 30, 41; 45, 46
Печенѣги, *Печенѣзи* (Тюрки!) 75, 87-88, 92, 103, 121; 76-77, 99
Восточные 88
Западные 88
Поли (см. еще Поляне) 95;
Половци, Половцы (Тюрки!) 93, 98, 112, 121; (81)
Полочане (см. е. Кривичи полоцкіе) (60), 95, (98); 96
Польскія племена (см. Ляхи)
Полѣшуки (ср. Древляне) 100; 104
Поляки (см. е. Ляхи) 18, 28, 42-44, 49, 61; 12, 56
Поляне (см. еще *Поли*) 95, 96; 72, 73
Поляне 72, 80-81, 92, 95, 99, 101, 103, 104; 69, 73, 78, 96, 97, 98
Поморяне (Славяне Зап.!) 28; 94

Радимичи 57, 58, 96; 59, 73, 93
Радимичи (ср. Ляхи) 56-62,92-93, 96, 100, 101, 102, 110; 72, 73, 97, 98, 103, 106, 107, 111
Романскія племена 41
Ромеи (К. Багр.! ср. Греки, Византійцы) 88
Ros. Ῥῶς (ср. Русь) 67;
Ῥως, οἱ (прод. Амартола! ср. Русь) 91
Россы (К. Багр.; ср. Русь, Руссы) 87—90;
Rots, *Rotsi* (ср. Русь) 67;
Ругіи (Германцы!) 45
Ruotsalainen, *Ruotsalaiset* 67, 70;
Русскіе (ср. Варяги, Русь)
Русскіе (см. е. Анты, Варяги, Русь, Славяне Вост.)
въ своей исторіи 18, 34, 38, 39, 45-51, 52, 54, 63, 99-100, 101, 103; 16-17, 55-56, 57, 59, 61, 62, 73, 78, 84, 86, 88-91, 91-92
въ своемъ современномъ 7, 11, 18, 39, 53,103,103-122
Руссы (у К. Багр.! ср. Россы, Русь) 89
Русь (терминъ! ср. Варяги терминъ!)
антинорманистовъ 68—69;
норманистовъ 68, 89—91;
Шахматова 67, 69, 70, 71, 72, 90, 93—94, 97—98; 68, 89—91, 91
Русь (см. е. Варяги, Скандинавы) (65—67), 68, 69—70, 88—91, 93—94, 96, 97—98
Варяги (см. Варяги)
въ русск. лѣтоп. 67, 93-94, 97-98; 57, 72, 96
въ Санъ-Бертинской лѣтописи 69; 70
народность Кіевскаго гос. (ср. Южнорусы) 72, 93, 96; 30, 70, 71-72, 72-77, 79, 94
у Конст. Багрян. (ср. Россы) 88, 89,89-91
у продолжателя Амартола 91;
черноморск. (см.е.Сканд.) 68,69;71-72,73,(78)
Шведы (см. е. Сканд.-Русь) 67, 69; 62, 70
Рязанци, Рязанцы (ср. Вятичи) 52, 112;
Сарматы (Иранцы!) 28, 36;
Σέρβιοι (К. Багр.! ср. Сѣверяне) 90;
Сербохорваты, Сербы (Слав. Южн.!) 18, (42), 94; 12
Сибирскія народности 41;
Скандинавы (см. е. Норманы, Шведы) 62;62-63, (65), 67, 67-68, (68-69), 70, (72, 76), 90, (93-94, 97-99); 26, (65-77, 78, 87-91, 102)
Варяги s. Шахм. (см. *Варяги*!) 62-63, 65, 67, 68, 70-71, 71-72, 72, (72-77, 87-91), 93-94, 97-98; (26), 64, 65-67, 98, 99, 102
Русь s. Шахм. (см. Русь!) (62-63, 65, 66), 67, 67-68, 68-69; 70, 71, 72, 88, 90, 93-94, 97-98; (26), 87-91
черноморскіе (см. Русь черноморская)
Скиры (Германцы Вост.!) 28, 42; 45
Скиѳы (Иранцы!) 28, 36, 37—39, 64;
*Σκλαβενοί (К. Багр.! ср. Славяне) (89—91);
Σκλαβηνοί (см. е. Словѣне, Слав. Южн.) 45,45-46
Славяне (ср. *Венеды*, *Геты*, *Σκλαβενοί) 18, 22, (24), 25-37, 37-40, 40-42, 42-44, 61, 88-91, 94; 44-45, 48, 49
Восточные (см. е. Анты, Русскіе) (18) 26, 41, (42) 42-43, (44-45), 45-47, (48), 48-49, 49-51, (51-52), (53-54), 54, 57, 59, 61, (63), 65, 69, (70), 76-77, 77, 77-79, (84, 86-87, 87, 87-91), 91-92, 95, (97), 101, 103, 107;
Западные (см. е. Дреговичи, Ляхи, Радимичи) (18), 32, 42-44, (47, 49-50), (61), 94);
Южновосточные (ср. Sporі) (42), 42-43, 44-48 48, 61;
Южные (см. е. Σκλαβηνοί) (42), 42-43, 44-48, 61, (94-95), 99; (64, 79, 81-82, 86)
Славяно-балтійцы (25), 26—28;
Словаки (Славяне Зап.!) 18;
Словенцы (Славяне Южн.!) 18, (42); 12
Словѣне (s. Слав. Вост.! въ русск. лѣт.!) 95, (96);
Словѣне (Славяне Южн.! см. еще Σκλαβηνοί) 45, 45—46, 48; 46, 48
= Бѣлые Хорваты + Сербы + Хорутане 94;
= предки нын. Болгаръ 94—95;
Словѣне (см. е. Словѣне - Сѣвернорусы) 93, 95; 63, 77, 94, 96—99
Словѣне (Сѣвернорусы! см. еще *Словѣне*!) 63, 65, 93, 95, 100, 101, 110, 111; 66, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 96, 97, 98, 99, 104
Σουδινοί (Птолемея!) 39
Спалы, Сполы 40; 41
Sporі (Славяне Южновост.!) 46;;
Σταυανοί (Птолемея!) 39
Суздальцы 112;
Сумь (см. е. Суоми) 67;
Суоми, Suomi (Финны Зап.!) 67; 38
Сѣверновеликорусы (см. е. Сѣвернорусы; ср. Великор.) (8; 107), 113, (114—121), 122
Сѣвернорусы (см. е. Кривичи, Словѣне) 50-51,54,54-55,55-56, (56-57), 59,62, 62-63 64, (65), 67, 101, 110, 113, 113-114, 121-122 122; 54-63, 64, 65, 66-67, 67, 78-79, (100), 110-113, 113-115, 119, 121
Восточн. (см. е. Словѣне-Сѣвернор., Крив. Вост.) (54), 59, 61, 63, 110; 60, 61
Западные (см. е. Кривичи Полочане) (54), 59, 63, 110; 59—61
Сѣверные... см. названія соотв. племенъ
Сѣверъ, *Сѣверяне* (см. е. Сѣверяне) 95; 73, 96—98

Сѣверяне (см. е. *Сѣверъ*, Σερβιοί) 90, 95, 100, 101; 69, 72, 78, 80, 92, (96), 97; 98
Ταλματζοι (ср. Τουλμάτζοι) 99;
Талматъ (колѣно Печенѣговъ!) 99;
Татары (Тюрки!) 112; 113, 121
Тервинги (см. еще Вестготы!) 41;;
*Thiuda, tjudis, *tjudь* (ср. Готы) 40;
Тиверцы (см. е. Тиверьци) 97, 98—99, 99, 101, 103, 104; 78, 80, 98, 99,
Тиверьци 97, 98; 99
Тлъковины, Толковины (ср. Тиверцы) 98, 99;
Торки (Тюрки!) 98;
Тохары (Индоевроп.!) 24—25;
Τουλμάτζοι (ср. Ταλμάτζοι) 99;
Тълмачи (ср. Толковины) 99;
Тюрки (47), 51, 98-99, 103, 106, 111, (121); 69;
Угры (Финноуг. с.! см. е. Мадьяры!) 30, 87
Украинцы (терминъ политич.!) 7, 17; (11)
Украинцы (Малорусы!) 114; 7, 11
*Οὐλτίνοι (ср. Οὐλτίνοι) 89;
Уличи 92, 97; 98
Уличи (см. е. Ултины, *Уличи*) 73, 89, 92, 97, 98, 99, 101, 103, 104; 80, 98
Ултины, Οὐλτίνοι (К. Багр.! см. е. Уличи) 88, 89;
Утригуры (Гунны!) 47; 51
Fenni (Тацита! см. еще Финны) 39;
Финноугры (см. Финны) 33 (прим.);;
Финны [33 (прим.);; 28, 33-36, 37, 55-56, 61, 62-63, 67, 70; 26, 57, 64-65, 65-66, 69-71, (71-74, 76, 77, 93, 93, 96, 97, 98),
Восточн. 28, 33, 33(прим.), 34, 38-39, 50, 51;
Западн. 28, 33, 33(прим.), 34, 38, 40, 48, 70;
Поволжскіе 33(прим.);;
Прибалтійскіе (ср. Западные) 33(прим.);;
Сѣверовосточные 33 (прим.);
Франи, Франки (ср. Варяги) 62;
Французы 11
Фригійцы (Θракійцы!) 26;
Хазары (Тюрки! см. е. Козари!) 51, 52, 64, 69, 72, 75, 79, 103; 58, 68, 73, 87, 93, 102, 111
Хорвате, Хорваты (Славяне Вост.!) 96—97, 99, 101, 103, 104; 76, 98
Хорваты (Славяне Южн.!) 18;
Хорваты Бѣлые (Славяне Южн.!) 99; 94
Хорутане (Славяне Южн.!) 94;
Черемисы (Финны Вост.!) 38;
Черкесы 52
Чехи (Славяне Зап.!) 18, 94; 12, 30
Чудь (Финны Зап.! см. еще *Чюдь*) 40, 63, 70; 65, 66, 73, 76, 93, 96, 97, 98
Чюдь (см. еще Чудь) 40;; 63; 77
Шведы 67; 69, 70
Эрзя (Мордва!) 38;
Эсты (Тацита! ср. Аисты) 39;
Эсты (Финны Зап.!) 38;
Южновеликорусы (см. еще Восточнорусы, Вятичи; ср. Великор.) (8), 53, (107), 113, (114-121, 122); 106-110, 111-113)
Южновосточные Славяне (см. Spori).
Южнорусы (50), 51, 63, 63—64, 65, 66, (72, 73, 78-79, 80-83, 84, 88-90, 92, 93), 97, 99-100, 101, 103-104, (104-105), 110, 113—114, (121); (74, 76, 84—87, 95—97)
Южные... см. названія соотв. племенъ.
Язиги (Иранцы!) 41
Ясы (Сѣвернокавказск. с.!) 52, 75
Θракійцы (Индоевропейцы!) 22, (24), 26; (30), 66

III.

Указатель языковъ, явленій и словъ.

— *Влѣво отъ знака* | помѣщены цифры страницъ, гдѣ идетъ рѣчь о данномъ языкѣ, нарѣчіи, говорѣ и т. п., какъ о таковомъ; *вправо отъ знака* | — цифры страницъ, гдѣ приведены *явленія*, свойственныя данному языку, нарѣчію, говору и т. п. *вправо отъ знака* | — цифры страницъ, гдѣ приведены слова и формы даннаго языка или бытующія въ данномъ языкѣ, или возводимыя къ данному языку.

— Говоры губерній и уѣздовъ см. еще въ Ук. I подъ названіями соотвѣтствующихъ губерній и уѣздовъ.

Авестійск. яз. (ср. Иранск. язз.) // 24, 28, 29, 35
Акающіе гг. (см. Южновеликор. пн., Бѣлорусск. н.)
Албанск. яз. (Θрак. с. язз.!) 24;
Арабск. яз. (Семитич. с. яз.!) // (51)
Арійск. праяз. 25, 35;
Аріоевропейск. с. яз. (см. е. Индоевр. с. язз!) 18;
Армянск. яз. (Иранск. с. язз!) 24//24
Балтійск. с. язз., язз. 25, (26), 26-27, 27-29, 32, 33-34; 5 // (4,5), 27, 29

Балтійско-славянск. с. яз. 26-27, 27;
Болгарск. яз. (Южнослав. с. язз.! см. еще Древнеболг., Церк.-слав. яз.) 12, 42, 42-43;/42-43, 86; 13
Британск. яз. (Кельтск. с. язз!) 39;
Брянск. гг. (Южновел. пн.!) 115-116//115, 116
Бужанъ г. (Южнор. н.!) 101, 104;
Бѣлорусск. н., яз. 8, 10, 11, 12, 17, 18, 47, 51, 57, 104-105, 106, 107, 110, 121; (7), 8-9, 80, 84, 104-110 / 54, 57, 60, 84, 105, 105-106, 107-110, 115, 116 // (10-11), 18, 84, 105, 108-109, 109, 115, 116
говоры (вост., зап., центр., южн.) 8, 57, 105, 106, 109, 110; 60, 105-110/57, 105, 105-106, 106, 107, 108-109, 109, 117//108-109, 117
Великорусск. пнн., нн. (см. Сѣверновеликор. пн., Южновеликор. пн.)
Великорусск. н., яз. (ср. Средневел. гр. гг., Сѣверновел., Южновел. пн.) 107, 8, 10, 11, 12, 14, 16-17, 17, 47, (77, 78-79, 79-80, 83, 84), (113), 113-114, 114-115, 119, 121-122; (7), 8-9, 10-17, (53-54, 77-87), 80, 110-122/12-13, 14, (15, 77, 80-82, 83, 84-87), 83-84, (113-114), 114-117//10-11, 12-13, 14, 15, 18, 19, (28, 34), 53, (81, 83-84, 85-86), 105, 115, 116, 117
говоры (см. е. Московск. г., Средневел. гр. гг., Сѣверновел., Южновел. гг.) 8, 79-80, 114, 114-121; / 115-116, 116, 117-118, 118-119, 119-121//81, 115, 115-116, 117-119, 119-120
Венгерск. яз. (см. Мадьярск. яз.)
Вепсск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 33
Вогульск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 35
Водск. н., яз. (Финнск. с.!) 33 (прим.)
Восточнаго и южнаго русскихъ пранн. общія яя. и сл. /54; 114//54
Восточноиндоевропейск. пран. 24-25/24//25
Восточнопольск. гг. (см. Польск. яз.)
Восточнорусск. пран., н., яз. (см. е. Вятичей н., Южновел. пн.) (50, 52), 53-54, 80, 101, 107, 110, (113), 113-114, 114, (117), 119, 121, 122; 106-110, 111-113/53-54, 54, 107, (107-110), 111, 113-114, 115, 119, 120, 120-121, // 54
говоры восточные (111-112). 122;
„ западные (111), 121;
Восточнославянск. с. язз., язз. (ср. Русск. с. язз.) 12, 42-43, 50-51
Восточнославянскій праяз., яз. (см. е. Общер. праяз.) 12, 14-16, 42-43; / (15, 16) // 48, 49
Вотск., Вотякск., Вотяцк. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 35, 67
Вятичей н., г. (см е. Восточнор. н.) 54, 101;
Галицк. гг. (ср. Малорусск. н.) 104;
Германск. праяз., язз. 18, 24; / 24//27, 32, 37
Германск. язз. (см. еще подъ назв. отдѣльныхъ язз.) 18, 24, 28//27, 29, 33, 39
Городскіе гг. (см. Кіевск., Моск., Новгор., Псковск. гг.) 79-80;
Горскіе гг. (ср. Малорусск. н.) 104;
Готск. праяз., яз. (Герман. с.!) 33; // 24, 33, 40, 41
Греческ. яз., праяз. 18, 24; 37, (83) / 24, 83//18, 19, 24, 37, 38, 39, 40, (45, 46, 62, 67, 88-91, 99)
Двинск. г. (ср. Сѣвернор. н.) 61//61
Древлянъ г., н., яз. (Южнор. с.!) 101, 104 104-105, (110); 80-81/105-106//100
Древнеболгарск. яз. 12, 42-43, 81-82; / 13, 15, 19, 34-35, 42-43, 81//13, 15, 18, 19, 24, 34, 35, 40, 81, (86), 89
говоры /13, 15, 43
Древневерхненѣмецк. яз. (Герм. с.!) //24, 29
Древнегреческ. яз. (см. Греческій яз.)
Древнеиндійск. язз., праяз. 18, 24; 35//18, 24
Древнеирландск. яз. (Германск. с.!) //24, 29
Древнекимрск. яз. (Германск. с.!) //24
Древнекіевск. яз. (см. е. Древнерусск.) 80-82, 84-86; 77-78, 79-87 / 84-86 // (10-11, 66), 81, (93, 112)
говоры 80-81, 81-82;
Древненовгородск. г. (ср. Словѣнъ г.) 60, 61;
Древненорманск. яз. (ср. Скандин. яз.) //90
Древнеперсидск. яз. (ср. Иранск.) // 28, 35
Древнепрусск. яз. (Балтійск. с.!) 25; // 34
Древнепсковск. г. (ср. Кривичей Зап.!) 60-61, 111 / 56, 60-61, 111 //60, 61, 111
Древнерусск. яз. (ср. Древнекіевск., Русск. яз. древній и соврем.) 14, 67, 77-78, 79, 80, 82-83, 84-87; 5, 19 / (12-13, 14, 15-16), 19, 67, (77, 80, 81, 81-82), 84-87, 115-116, 117//10-11, 19, 32, 37, 38, 40, 48, 49, 56, 60-61, 62, 67, 81, 89, (92-99), 92, 95, 97, 98, 99, 100, 115, 116
Древнескандинавск., Древнесѣверск. яз. (см. е. Скандинавск. яз.) 33; // 33, 90
Дреговичей г. (ср. Ляшск. яз.) 101, 104, (105-106, 110); (56-61, 103) /(56, 59, 60-61, 105-106, 110) // (100)
Еврейск. яз. (Семитич. с. яз.!) // 73
Жиздринск. гг. (Южновелик.!) 115-116//115, 116
Западноиндоевропейск. пран. 24-25; / 24//24
Западнославянск. с. язз., язз. 12, 42; (28) /12-13, 19, 42-43//32
Западнославянск. праяз. (12), 42-43/19, 42-43
говоры 12
Зырянск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 35

Индійск. яз. (см. Древнеинд. яз.)
Индогерманск. с. язз., яз. (см. Индоевроп. с. язз.) 18;
Индоевропейск. с. язз., язз. 18, (20), 23, 25; 23-25, 27, (29-31) /24//18;
Индоевропейск. праяз. 18, 19, (21-23), 23, 24; 27/18, 24, (27) //18
гг., нн. (см. Восточноинд., Западноинд. пран.)
Иранск. с. язз., язз. 18, (24); 35, 28, 29, 33, 35-36, 37/24//28-29, 35, 38
Иранск. праяз. (ср. Арійск. праяз.) (18), 24, 35;
Италійск. с. язз. (см. е. Латинск. яз.) 18; / (24)
Каргопольск. г. (Сѣвернор., гг. вост.) 61; /61//62
Карельск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.)
Кельтск. с. язз., праяз., язз. 18, 24; 39/24// 29, 31, 32
Кіевск. г., яз. (см. еще Древнекіевск. яз.) //112
Кіевская (см. Древнекіевск. гг., ср. Древнерусск. яз.) 80-81, 82-83, /81
Московская (80, 112-113, 120) / (86, 120-121)
Кривичей г., н., яз. (ср. Сѣверорусск. н.) 101;
Восточныхъ (ср. Великор. н., Сѣверновел. пн., см. е. Сѣвернор. н.) (59, 60, 61, 100), 111/(114)
Западныхъ (см. е. Древнепсковск. г.; ср. Сѣвернор. н.) (59, 59-61), 110-111, 111 / (56, 59-61), 111 // (60, 61), 111
Лапландск. яз. (Финской с.!) 33 (прим.)
Латинск. яз. (Италійск. с.!) 18, 24; / 18, 19 24 // 18, 19, 24, 35, 37, 39
Латышск. яз. (Балт. с.!) 25, (4, 5)
Ливск. н., (Финск. с.!) 33 (прим.) // 34
Литовск. яз. (Балт. с.!) 24, 25; (4,5) / 24 //19, 24, 33, 34, 35, 37
Литовско-латышск. язз. (ср. Балт. с. язз.) 4
Лужицк. гр. (с.) 18; 42; 12/13, (42-43)
Ляшск. яз. (см. Польск. яз.)
говоры (см. Дреговичей, Радимичей гг., Мазурск. гг.)
Мадьярск. яз. (Финск. с.!) (33 прим.);
Мазуракающ. гг. (ср. Мазурск. гг.) (56); /56, (57), 59, (60), 105, 111
Мазурск. гг. (см. е. Польск. яз., ср. Маз. гг.) 56 /56, (57), 59, (60, 104), 105-106, 108, 111
Малорусск. яз. (культурный!) 17;
Малорусск. н., яз. 8, 10, 11, 12, 14, 16-17, 17, 47, (77, 78-79, 80, 83, 84, 101, 103-104), 104, 104-105, 121; (7), 8-9, 10-17, (63-64, 77-87) (106), 107, 108 / 12-13, 14-15, (15-16), 53, (80-82, 83, 84-87), 80, 104, 105, 107, 108, 115, 116 // (10-11), 12-13, 14, 15, 18, 115, 116
говоры (ср. Южнорусск. гг.) 8; 104; (104-105) / (104), 105, 109-110
галицк., горск., подляшск., полѣсск., угрорусск., украинскіе гг. 104;
западные гг. /116
поднарѣчія (сѣверн., угорское=угрорусск., южное) 8, 104;
Мокши н. (Мордовск.!) (38); // 34, 35
Мордовск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 34; 35
говоры (см. Мокши, Эрзи н.) (38);
Мосальск. гг. (Южновелик.!) 115-116//115, 116
Московск. г., яз. (см. еще Русск. яз. современн.; ср. Великор. н., Средневел. гр. гг.) (53), 79-80, 114, 120-121; (5), (77), 83-84, 86, (114-115, 119-120) / 53, (80), 83-84, 86, (87, 114-117), 119, 120//53, 84, 86, (105)
говоры восточные 118; / 118
Невыясненн. происхожденія сл. //31, 37, 40, 44
Новгородск. гг. (см. еще Древненовг. г., ср. Сѣвернор. н.) /117
восточные гг. /118
Новоперсидск. яз. (Иранск. с.! ср. Иранск. яз.) //35
Норвежск. яз. (ср. Древнескандин. яз.) //90
Нѣмецк. яз. (Германск. с.!) //18, 33, 37, 40
Общерусск. гр. язз., с. язз. 17, 18;
Общерусск. праяз., яз. (см. еще Восточнослав. праяз.) 4, 11, 12, 14, 16, 16-17, (18, 42, 47); 12-17, 42-43, (49-51) / 12-13, 14-16, (19, 42-43, 60-61, 85, 86, 116, 119 //(15). 18, (32, 42, 43, 49), 60, 61, (85), 86, 116
Общерусск. яз. современный (Русск. лит. яз.! ср. Русск. яз. соврем.) 80; 3, 5, 79, 114, 120-121, // 10-11, 53, 84
Общеславянск. с. язз. (см. Славянск. с. яз.)
Общеславянск. праяз., яз. (ср. Славянск. с. язз.) 12, 18, 18-19, (24, 25, 27), 28-29, 34-35, (42); 4, 5, 16, 36-37/12-13, 15, 19, 32, 34, 42-43, 55// 12, 15, 19, 27, 28, 28-29, (31), 32, 34, 37, 40, 60
говоры, нарѣчія (вост., зап., южн.) 12; 42
Окающіе гг. (см. Сѣвернор. н., Сѣверновел. пн., гг.)
Олонецк. гг. (ср. Сѣверновел. гг.) 116//116
Осетинск. яз. (Иранск. с.!) 24/24//35
Остяцк. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.)
Пермск. н. (Финск. с.!) //35
Пехлеванск. н. (ср. е. Иранск. язз.!) //35
Подляшск. гг. (Малор. н.!) 104;
Полоцк. гг. (ср. Сѣвернор. н., Кривичей гг.) 59-60 (ср. 95, 98, 100, 110-111);
Польск., Ляшск. яз. 12, (18), 42-43; 56, 61, 101, 104, 110, 121/12-13, 19, 42-43, 60, 105-106, (107, 108, 110), 111//12-13, 19, 34, (49), 60, 61

говоры восточнопольскіе (см. еще Мазурск. гг.) 56;
Полѣсск. гг. (Малорусск. н.!) 104;
Полянъ г. (см. Древнекіевск. яз., ср. Древнерусск. яз.) 80, 101;
Правеликорусск. яя. (вм. Общерусск. яя!) /15
Прагерманск. яз. (см. Германск. праяз.)
Праготск. яз. (см. Готск. праяз.)
Прамалорусск. яя. (вм. Общерусск. яя!) /15
Прарусск. яз. (см. Обшерусск. праяз.)
Праславянск. яз. (см. Славянск. праяз.) 18-19;
Псковск. г., гг., яз. 60; / (60), 61
Радимичей г. (ср. Восточнопольск. гг., Ляшск. яз.) (56-61), 106, 107; 106-110 / (56, 57, 59, 60-61), 106-107
Ῥωσσιστί (ср. «Русск.» яз. К. Багр., Скандин. яз.) 89-91; // 89-91
Русск. гр. (с.) язз. (см. е. Восточнослав. с. язз., Общерусск. гр. язз.) (12, 50-51, 53, 101, 103, 121-122)
Русскій праяз. (см. Общерусск. праяз.)
Русск. яз (терминъ!)
индивидуальный,-ые 7, 8, 17; 3-5
культурн. 17; 10-11
литературн. 80;
Русск. яз. (см. еще Восточнослав. праяз., Общерусск. праяз.; ср. Восточнор., Сѣвернор., Южнор. н.).
древній (см. Древнер. яз.! ср. Кіевск. г.) 14, 77, 84; 77-87/84-87;
„ говоры (см. α) Восточнор., Сѣвернор. и Южнор. гг., β) гг. древнерусск. племенъ) 50-51/53-54, 54, 113-114.—101, 103;
періода Кіевск. государства (см. Древнерусск. яз., Кіевск. яз.) 79-87/84-86
современный (въ его настоящемъ и главнѣйшемъ прошломъ) 3, 5, 7, 8, 8-9, 10-17, 18, (24), 42(ср 12), (46), 47, (50-51), 53-54, 77, 80, 83, (101), 103, (103-104, 110, 113-114, 114, 119), 121-122; 34, 77-87/12, 13, 14, 15, 19, 34-35, (42-43), 53-54, 84-87, (120-121) // 12-13, 15, (28-29), 32, 34-35, 37, 40, 42-43, 53, 60, 81, 83-84, 85-86, 105
„ говоры (см. еще губ. и уѣзды въ Ук. I) 8, 53, 60, 61, 79-80, 83-84, 85-86, 86, 104, 105, 106, 108-109, 111, 114, 115-116, 116, 117, 117-118, 118-119, 119-121; (3-5, 7), (53-54), 59
„ нарѣчія и поднарѣчія 8, 10, (11), 47, 103, 110, (113), 113-114, 121-122; 7-8, 8-9, 103-121
«Русск.» яз. К. Багрянороднаго (Скандин. яз.!) 89-91 / (69), 88-91 // (69), 88-91
Рязанск. гг. (ср. Вятичей г., Сѣверновел., Южновел. пн.) 53, 106, 107, (112), 118
сѣверные 118
Санскритск. яз. (см. е. Древнеинд. яз.) //35
Сельск. гг. 79-80, 83, 120; / (80), 83-84, 117, 119-120
Сербск. яз., Сербско-хорв. яз. 12, (18), 42, 43; /13, 42, 43//13, 19, 31, 34, 35
Сербско-хорватск. гр. язз. (18);
Скандинавск. яз. (см. еще Древненорм., Древнесканд. яз., «Русскій» яз. К. Багр.; ср. Ук. II: Русь терм. Шахм.) // 33, 62, 90
Скиѳск. яз. (Иранск. с.!) 7/38
Σκλαβενιστί К. Багр. (ср. Древнерусск. яз.) 89-91 // 89-91
Славяно-балтійск., с. язз. (см. Балтійско-слав. с. язз.)
Славянск. с. язз. (s. Общеслав. с. язз.), язз. 12, 16-17, 18, 24, 25, 27, 32, 42; 94 // 27, (31), 44
Славянск. праяз. (см. Общеславянск. праяз.) 18-19, 19
Славянскій яз. (см. Древнеболг. яз., Церковно-слав. яз.)
Славянскій яз. (s. Общеславянск. праяз.) 18-19, 24, 25
«Славянскій» яз. К. Багр. (ср. Древнерусск. яз.) 89-91 / 89-91
Слова — см. *вправо* отъ знака // и *подъ* Невыясненнаго происхожденія сл.
Словацк. яз. (см. е. Чешскословацк.) (12, 18); / 13
Словенск. яз. (Южнослав. с.!) 12, 42/13, 42-43 / 34
Словѣнескъ языкъ (П. вр. лѣтъ! ср. Древнерусск. яз.) 96;
Словѣнъ г., яз. (см. е. Сѣвернор. н.) (54-56, 59, 60, 61), 101, 110; 54-57/54-57, 59, 60, 61
Собственно-финск. яз. (см. Суоми) 33 (прим.)
Средневеликорусск. гр. гг., н. (ср. Московск. г.) 114, 119-120; 120-121 / (114), 119-121 // (53), 119, 120
Старославянск. яз. (см. Древнеболг., Церковно-слав. яз.)
Суоми (Финск. с.! см. еще Финск. яз.) 33 (прим.); // (29, 33-34, 34-35, 35, 39, 67, 70)
Сѣверновеликорусск. пн., н., яз. (см. е. Сѣвернор. н., ср. Великор. пн.) 8, 47, 53-54, 107, 113, (113-114), 114-115, 117, (119), 122; (110, 111-113, 114, 114-117), 117-121/53, 54, (86), (113-114), (115-121) // (54), 86, 115
говоры 8, 83-84, (114), 114-115, 115-116, 117-119, 119-120 / 83-34, 86, 115-116, (116),

117, 117-118, 118-119, 119-120, 120-121 // (61), 83-84, 86, 116, 117, 118, 118-119, 119, 120
группы говоровъ 117-118; 118-119, 119-120/ 117-118, 118-119, 119-120
Сѣверновосточной области Руси гг. (ср. Вятичей г., Крив. Вост. гг.) (110), 111-112;
Сѣверозападной области Руси гг. (ср. Кривичей Зап. гг., Полоцк., Псковск. гг.) 59-60; / 60, 61
Сѣверномалор. пн., г. 8, 104; / (105), 109-110
Сѣвернорусск. пран., н. (ср. Восточносл. праяз., Велик. н.) 14-15, 16, 53, 54, 54-56, 56, 59, (59-61), 61, 77, 80.82-83, 84, 86-87, 101, 107, 110, (113), 113-114, 114, 114-115, (117), 119, 121-122; 14-16, (50-51), 54-61, (62), (77-87), 106, (110-113) / 14-16, 54, 54-55, 56, 59-61, 80-81, (82-83), 84-87, (107), 111, 113-114, 119//54, (56), 60, 62, 63, 67, (70), 86, 119
говоры 59, (100), 101, 110, 114/55, 59, 114, 114-115
„ восточные (ср. Кривичей Вост., Словѣнъ гг.) 110, 111-112 / (59), 60, 61 61
„ западные (ср. Кривичей Зап. г., Полоцк. г.) 59-61, 110-111/59-61, 111//60, 61, 111
Сѣверянъ г. 101;
Тиверцевъ и Уличей гг. (ср. Южномал. пн.) 101, 104; / 104
Тохарск. яз. (Индоевроп. с.!) 24-25; / 24//24
Тюркск. язз. // (47, 48, 73), 81, (98-99)
Угорск. пн., п. (Малор. н.!) 8; // 11
Угорусск. пн., гг. (Малор. н.!) 8, 104;
Украинск. яз. (культурный!) 17; 7
Украинцевъ яз., н. (Малор. н.!) 104; /104
Уличей и Тиверцевъ гг. (ср. Южномал. пн.) 101, 104; // 104
Финно-угорск. с. яз. (см. Финск. с. яз.) 33 (прим.)
Финск. с. язз. 33 (прим.); 28, 33, (33-36), 36, 38/34, (67)
Финск. язз. (см. е. Финск. с. яз.) // (4, 5), 28-29, 33-34, 34-35, 35, 38, 39, 56, 67, 70
восточн. 28, 33, 33 (прим.), 34; // 28, 33, 34
западн. 28, 33, 33 (прим.), 34, 35; // 33, 34
поволжск. 33 (прим.);
прибалтійск. (см. западн.) 33 (прим.);
сѣверо-восточн. 33 (прим.);
Финскій яз. (см. Суоми)
Хорватск. гг. (Малорусск. н.!) 101, 104;
Церковно-славянск. яз. (ср. Древнеболг. яз.)
древней Руси (79), 81-83, 85-86; (4,53) / (81), 82, 86, // (81), 86
современной Россіи (82), 86/86//86
Черемисск. н., яз. (Финск. с.!) 33 (прим.)
Чешск., Чешско-словацкій яз. 12, (18), 42 / 13, (42-43) // 13, 48
Чешско-словацк. гр. язз. (ср. Чешск. яз.) 18, 42; / (13, 42-43)
Эрзи н. (Мордовское!) (38); // 34, 35
Эстовъ яз. (Балтійск. с.!) (39);
Эстонск. яз. (Финск. с.!) 33 (прим.) // 34, 67
Южновеликорусск. пн., н. (см. еще Восточнор. пран., ср. Великор. пн.) 8, 47, 53-54, 106, 107, 109, (113, 113-114, 114), 114-115, 117, (119), 122; (106-107), 107-110, 110, (111-113, 114-117), 117-121/53-54, (106), 107-110; (113-114, 114), 114-115, 115, (115-121) // 53, (54), 81, 109, (115)
говоры 8, 108-109, (114), 115-116, 117, 117-119, 119, 119-120|108-109, 115-116, (116), 117-118, 118-119, 119-120, 120, (120-121) // 115, 116, 118, 119
группы говоровъ 117-118; 118-119, 119, (120) / 117-118, 118-119, 119, (120)
Южнаго и восточн. русскихъ пранн. общія яя. /54, 114//54
Южновосточнославянск. праяз. 42-43; / 42-43, 61
Южномалорусск. пн., гг. 8, 104; / (104)
Южнорусск. пран., н. (ср. Восточнослав. праяз., ср. Малор. н.) 14-15, 16, 53, 54, 77, 80, 80-81, 82-83, 84, 86-87, 101, 104, 110, 113-114, 121; 14-16, (51, 63, 64), (77-87), 103-104, (104-105), 106, 108 / 14-16, (53), 54, (80-81), 81, (82-83), 84-87, (104,105), 114 //54, (66, 68), 81, 86, (89-90), (105)
говоры 101, 104; / 104
Южнославянск. с. язз., гг. (праяз.) 12, (18), 42; / 19, 42-43//32, 48
Ѳракійск. с. язз., Ѳракійск. яз. 24//44

IV.

Указатель предметный.

— Передъ пользованіемъ Указателемъ IV рекомендуется проглядѣть указанія, набранныя жирнымъ шрифтомъ.

— Въ видахъ экономіи мѣста въ общій алфавитъ часто включены лишь указанія, имѣющія характеръ родовыхъ понятій, а соотвѣтствующія видовыя понятія помѣщены (въ особомъ алфавитномъ порядкѣ) при данномъ родовомъ понятіи либо въ скобкахъ (ср. указаніе Писатели), либо на отдѣльныхъ строкахъ, съ отступомъ (ср. указаніе Культура). Ссылки на страницы подѣлены, какъ и самыя видовыя указанія, знакомъ / въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ алфавитному порядку видовыхъ указаній, помѣщенныхъ при родовомъ.

— Въ общій алфавитный порядокъ попали лишь тѣ изъ отдѣльныхъ языковыхъ явленій, которыя имѣютъ спеціальныя *названія*; суммарныя ссылки на остальныя явленія см. подъ Морфол., Синтакт. и Фонетич. яя. (ср. еще Ук. III).

— Ссылки на источники (цитируемые и не цитируемые) ищи подъ указаніями Лѣтописи, Памятники, Писатели (древніе и ученые).

Автохтоны (и „автохтонисты“) 31, 27
Аканіе (бѣлорусск., восточнорусск.-исконное, древнепсковск., Радимичей, „сильное“, средневеликорусск., сѣверномалорусск., „умѣренное“, южновеликорусское) 107, 53; 53-54, 107-110, 108, 109, 109-110, 111, 113, 118, 119
Аналогія: грамматич. / звуков. (43), 60-61/116
Анна (греч. царевна) 76
Антинорманисты 68
Антропологич. данныя, антропологія 21, 23;
Архаическ. гг. (малорусскіе!) 104
Археологич. данныя, археологія 21, 27, 65;
Аскольдъ 65, 66, 71, 72; 73, 74
Аспарухъ (предводитель Болгаръ) 47;
Аттила 42, 45.
Броженіе народовъ русскаго сѣвера 65-67, 67-68, 69, 69-71; 63, 65, 65-77
Былины 82;
Варвары (терм.!) 30; 22, 41, 48, 69, (87)
Варяговъ изгнаніе, «призваніе» 70; (68)
Великое переселеніе народовъ 41-42; 45
Владиміръ Всеволод. Мономахъ) 102, 112; 81
Владиміръ Святослав. (Святой) 10, 66, 76-77, 81, 82, 102, 112; 52, 69, 74, 100
Возстановленіе этимологическаго **о** 109;
„ „ **ч, ц** 120;
Вокализмъ (восточнорус., москов.) 107, 120, 121
Волчій хвостъ (воев. Владиміра) 102
Вятко, *Вятко* 59, 96;
Географы—см. Писатели древніе
Гипотезы о прарод. (ср. е. Прародина) 19-20, 20
индоевропейской 20-21, 21-23; 19-20
русской 45-46, 46-47, 47-51; (42-43, 44)
славян. 25, 26-29, 29-36, 36-37, 37-40, 40-42; 19
Гипотеза о происхожденіи „Руси“ 67, 68-69; 67-70, 72, 90-91,
Говоръ (терм.!) 7; 7-8, 9
Графика древнерусск., церковнослав. 4; 53; 81
Давыдовичи (кнн!.) 102
Дарій Гистаспъ 38
Діалектическ. группы (8, 12, 18), 24, 25, (42), (114-115), 117, 118-119, 119-120, 120, 121
Дзеканье (бѣлорусское, польское, сѣверно-русское, сѣвернорязанск.) 57, 105, 118
Дикари (терм.!) 30; 22, 23, 41
Диръ 65, 66, 71, 72; 73, 74
Дифтонгизація **е, о** 105;
Добрыня 100
Заимствованія (словарныя) 4, 5, 27, 28, 28-29, 29, 32, 33-35, 37, 38, 39, 40, 48, 49, (51), 55-56, (61), 62, 67, 68, (69, 70), 81, 85-86, 99, (100)
Зенонъ (имп. виз.!) 47
Игорь (кн.!) 65-66, 66, 73-75, (102); 89, 94
Измѣненіе звуковъ (активное / пассивное / собственное) 43; 27, (114-115) / 43; / 119;
Индивидуальный яз., язз. (терм.!) 7, 8, 17; 3-5, 7-9, 12, 83
Каганъ (титулъ!) 69; 72, 73, 74
Кирилла и Меѳодія ученики 81;
Кириллъ-философъ 81
Кій 66
Колонизаціонн. движенія (см. Теорет. сообр. объ отн. къ языкамъ условій... территор.)
Консонантизмъ (московскій) 120-121;
Кукша 102
Культурный яз., язз. (терм.!) 17; 10-11
Культуры [ихъ области = районы! / пути распространенія! // центры=очаги!] 21, 79-80 83-84; 9, 11, 17, 22-23, 29-30, 36, 66, 84, 120

Азовско-каспійская (см. Юговосточная)
Африки сѣв. побережья (см. Европы исконная) 21
Балтійск. (см. еще Сѣвернозападн.; ср. Германск., Средиземноморск.) 36, 38-39, 39, 62-63, 64, 65, 79; 22, 26, (32-36, 43), 48, 63, 78, 113 / 36, 62-63, 64-65; (22, 26), 28, 64, 69, 71, 72, 78 // 62; 79
Балтійцевъ (см. Балтійская, Германская)
Болгарск. (см. еще Южнославянск.; ср. Византійск.) 76, 79; (30), 81-82, 86, (94)
Великорусск. (см. еще Московск.) 120
Византійск. (см. еще Греческ.) 65, 66, 78, 78-79; (30, 40-41, 44-45, 45-46, 47), 63-64, 64, (75-76) / 64, 65, 66; 72//66; 64
Востока 20
Восточная (см. Юговосточн.) 50 (ср. 62)
Восточноазіатск. (Китайск.!) 41;
Вятичей 97, 102, 112; 81
Германск. (см. Древнегерм.)
Греческ. (см. еще Византійск.; ср. Черноморск.) 64, 76; (37), 63-64; (81) / 64//64;
Древлянъ 97;
Древнегерманск. (Германск.; ср. Балтійск.) 36; 28, 32, 32-36, 37, (40, 43, 48)
Древнеиндійск. (ср. Среднеазіатск.) 20;
Древнерусск. (см.е. Русск.; ср. Визант., Болгарск.) 53, 78-79, 79, 84; 3-4, 81-83, 85-87, (97)
Европы исконная (см.е. Индоевр., ср. Средиземном.) 21-22, 22/21, 22//21, 22, 23
Западноевропейск. (42, 43, 45), 49
Индоевропейск. (ср. Европы исконн., Средиземноморск.) 21, 23, 26; 20, 22, 25-26, 29-31/25; // 22-23, 26; 25
Иранцевъ (см. Черноморская)
Кавказа 26;
Китайская 41;
Кіевская (см. Древнерусск.)
Кривичей 97;
„ Восточныхъ 112;
Ляшская (см. Польск.) 49;
Малой Азіи (см. Европы исконная) 21; (23, 26)
Московская 79-80, 83-84, 112, 113, 121;
Нѣмецкая (43)
Пелазговъ (ср. Средиземном.) 30;
Польск. (ср. Ляшск.) 49;
Полянъ 97;
Радимичей 97;
Русск. (см. еще Древнерусск.) 11; 79
Скиѳовъ (см. Черноморск.)
Славянъ (см. Балтійск., Германск., Черноморск., Византійск. Юговосточн.)
Средиземноморск. (ср. Европы исконн. и Индоевроп.) 21, 32; 22, 23, 29-31, 66/21, 23; 22, 32//22; 21-22, 30, 31, 32, 66
Среднеазіатск. (ср. Древнеиндійск.) 26; 29, 35/26; 29//26
Среднеевропейск. исконная (см. Индоевр.) 22, 22-23;
Сѣверозападн. (см. еще Балтійск.) 62; 62-63
Сѣверянъ 97;
Финновъ (см. Черном., Германск., Балтійск.)
Хазарск. (ср. Юговосточн.) 69, 78, 79; (51), 52, (64)
Черноморск. (ср. Средиземном.) 22, 26, 48, 50, 63, 64; (25), 28-29, 30, (32), 35-36, 37-39, (78) / 35-36; 22, (28), 30, (63), 63-64// 22, 26; (32), 35
Этрусск. (см. Средиземноморск.) 30
Юговосточн. (Азовско-Каспійск.! ср. Хазарск.) 50, 62, 63, 65; / 50, 65; 63//62;
Южнослав. (см. еще Болгарск.; ср. Визант.) 64; 50, (94)
Лутъ, Лютъ 92
Лѣтописи, лѣтописн. своды (ср. Памятники письм., Писатели древн. русск.)
Архангелогородская 93
«древняя» (см. е. Пов. вр. л.!) 91;
Влад. Мономаха 102;
Литовско-русская 57;
Московская 112;
Начальн. Сводъ (ср. Новг. 1-ая лѣт.) 91, 91-92; 58, (72), 73, 73-74, 75, 92-94; (93); 97;
Нестора (см. Пов. вр. лѣтъ, ср. Писат. древн. русск.-Несторъ)
Новгородск. 1-ая (ср. Начальн. св.!) 91; 58, 72, 73-74, 91-92;
списки 91; 94;
Повѣсть врем. лѣтъ (см. еще Писат. древн. русск.-Несторъ) 91; 52, 58, 59, 72, 73, 74, 91, 92, 94-101, 112;
списки 58, 97, 98;
русскія (вообще! / безъ ближайш. опредѣленія! / XI в.! / XV-XVI вв.!) 91-92; 58, 72-73, 73-74, 74, 87, (112) / 10-11, 51-52, 57, 63, 65, 66, 70, 71 72, 73, 75, 81, 101; (26, 30), 56, (64-77) / 49, 101 / 81; (112);
Санъ-Бертинск. монастыря 69; 68-69, 70;
сводъ, предшественникъ «Начальнаго» 93;
Суздальская 112;
Людовикъ Благочестивый 69
Мазураканіе 56; 59, 111;
Малуша 100
Малъ (кн. Древл.!), Малъ *Кольчанинъ, Малъко Любьчанинъ, Малъкъ Любечанинъ 100

Методы въ языкознаніи 14; 3-4
Меѳодій 81
Мономаховичи (кнн.!) 102;
Монофтонгизація дифтонговъ (ю.-малор.) 104;
Морфол. яз., морфологія (60), 85, 86-87, 117; 3
Мстиславъ Владим. (кн. Тмутороканскій) 52
Народныя легенды, преданія, пѣсни и т. п.: болг. / русск. 82; / 49; 91, 95; 73; 58; 58-59, 102; 100; 82; (74);
Народъ (терм.!) 9;
Нарѣчіе (терм.!) 7; 7-8
Номенклатура ботаническая 27, 29, 36;
„ географическ. (см. еще Ук. I) 31, 44, 49; 51, 55-56, 61, 62-63, 67, 68, 73, 88-91, 92, 100, 102
„ этнографич. (см. е. Ук. II) 10-11, 17; 38, 39, 40, 45, 46, 47, 48, 49, 56, 62, 67-69, 70, 72, 88-90, 92-94, 94, 95-99, 100, 101, 104, 110-112, 112, 121-122
Оканіе (53; 107 : ср. 120; 119)
Олегъ (кн. Дреговичей!) 92;
Олегъ (кн. Кіева!) 58, 65, 66, 71, 72-73, 73-74, 102; 75, 76, 93, 98
Ольга (кн.!) 74, 75; 100
Ольговичи (кнн.!) 102;
Отвердѣніе согл. **ѣ** (**р**) 60, 105-106;
„ согласныхъ передъ **і и е** (малор.!) 104;
Паденіе глухихъ **ъ, ь** 84-85; 13, 14
Памятники письм. (см. е. Писатели древн., Лѣтописи)
греческ. и визант. 44, 46; 69; 71, 94, 91; 91; 94; 87, 87-91;
еврейскіе 73;
западноевропейскіе 68-69; 70
Итинераріи 44;
римскіе 39; 45;
русск. (см. е. Лѣтописи) 3-4, (77); 81-82; 5, 9/16; 57; 69; 98-99;
„ (древнѣйш.! / Псковск.! / сѣвернор.! / южнорусск.!) 3-4, 14, 14-15, 16, 81, 84, 116; / 60, 111; / 14-15, 16, 60, 61/14-15, 15-16, 16;
церковнославянск. 94-95, 49; 81, 75, 73, 91;
Писатели древніе (ср. Памятн. письм.)
арабск. (Масуди и др.) 51;
греческ. (Амартолъ / его продолжатель / Геродотъ / Конст. Багрянородн. Михаилъ Сирійск. / Павзаній / Прокопій / Птолемей) 91; 94/91; 71, 74 / 37-39; 50, 54, (64) / 87, 87-91; 74, 81, 99/ / 46; / 38; / 44, 45, 51/39-40
римск. (Тацитъ / Марцеллинъ) 39;/45;
русск. (Влад. Моном.! Иларіонъ! / Несторъ! / XI – XII в.! XV—XVI вв.!) 102; / 69 / 94, 94-101; 11, 49, 58, 59, 68, 91, 92 / 81; 82/81;
Писатели ученые (антинорманисты! / Васильевскій / Зеленинъ / Карскій / Ключевскій / Крымскій / Латамъ / Лопаревъ / Миклошичъ / Миллеръ, Вс. / Нидерле / норманисты / Потебня / Прозоровскій / Ростафинскій / Соболевскій / Срезневскій / Томашекъ / Томсенъ, В. / Шрадеръ) 68; / 69/118-119; / 117 / 57; / 104; / 20; / 69 / 12; / 82; / 44; 46 / 11, 68; / 107; / 100 / 36; / 99 / 100/38; / 90 / 20-21;
Письменн. яз. (древнерусск.) 53, 81-82; 4-5
Племя (въ отношеніи къ яз.) 8-9, (11, 17, 21);
Поднарѣчіе (терм.!) 7; 7-8, 107
Полногласіе, полногл. сочет. 13, 19; 12, 15, 16, 34
Пороги (Днѣпра) 89-91;
Прародина, родина
Арійцевъ 30, 35; (25-26)
Балтійцевъ 32; (25-27), 27-32
Балтійцевъ и Славянъ общая 25, 26-27; (25-26, 28)
Бужанъ 99; 96
Варяговъ (родина) 62, 67, 70
Восточнорусовъ (см. е. Вят.) 50, 52, 62; 51-52
Восточнорусовъ и Сѣверорус. общая 62;
Вост. Славянъ (см. Русскихъ) (45-46; 42-46)
Вятичей (ср. Восточнор.) 50, 52, 62; 51-52, 62, 113/52, 93, 101, 102, 113; 52-53, (96), 101-103, 103, (106), 111, 113/100, 101, 102, 113; 93, 96, 101-103, (103), 111-113, 114, 121
„ Восточн. 111-112; (102, 103), 112, 112-113
„ Западныхъ 111, 113; (102, 103), 112, 113
Германцевъ 27; (22, 25), 30, 32
Готовъ 40 (ср. 39)
Грековъ (22, 25, 30)
Гунновъ (41)
Дакійцевъ (Ѳракійцевъ!) (22, 30)
Древлянъ 99-100; 92, 95
Дреговичей 100 (ср. 101 и 61); 95
Индійцевъ (ср. Арійцевъ) (25-26, 30, 35, 20)
Индоевропейцевъ 22-23; 19-20, 20-23
„ Восточныхъ, Западныхъ 24; 25
Иранцевъ 28, 35; (25-26, 30, 20)
Италіковъ (22, 25, 30)
Кельтовъ (22, 25, 30; 42)
Кривичей 54; 59, 93
„ Вост. / Зап. 110; 59, 111, 112/110; 59, 111
Латышей, Литовц. (см. е. Балтійцевъ) (61)
Малорусовъ (см. Южнорусовъ; Тиверцевъ и Уличей) 104; 99-100, 101, 103-104
Поляковъ (ср. Славянъ Западн.) (94)
Полянъ 99; 92, 95
Прусовъ древнихъ 42

Радимичей 61; / 57, 61, 62; 58-61; 62/96, 101-102, 102, (103), 106, 111/92-93, 96, 100, 101-102, 102, (103) 106, 111
„Руси“ (родина) 67; 67-68, 98
Русскихъ первая 46, 47; 45-47
„ вторая 48; 47-51, 62, 63
Славяно-балтійцевъ 25, 26-27; (25-26, 28)
Славянъ (общая) первая 32, 36, 40; 19-20, 25, (25-27), 27-40
„ „ вторая 29, 32, 40; 27, 35, 40, 40-41, 42-43, 45
Славянъ Восточныхъ (см. Русскихъ; ср. Славянъ Южн. и Вост. общая)
Западныхъ 42-43
Южныхъ (45-46; 42-46)
Южныхъ и Восточн. общая 42, 43;
Словѣнъ 59 (ср. 54, 110, 111);; 93, 95, 98
Сѣвернорусовъ (общая, Восточныхъ, Западныхъ) 50; 54, 62; 50-51, 54-55, 61, 62
Сѣвернорусовъ и Восточнорус. общая 62;
Сѣверянъ 100; 95
Тиверцевъ и Улич. 101, 100; 88-89, 92, 97, (104)
Украинцевъ 104;
Финновъ 36; (33, 36, 38-39)
Хорватовъ (русскихъ!) 99; 96-97, 104
Южнорусовъ 51, 63; 50-51, 63-64
Ѳракійцевъ (22, 25, 30, 32)
Праязыкъ (терм.!) 11;
Претичъ (воев. Святослава.!) 75
Радимъ 59, 96
Растеній названія. (см. Номенклатура бот.)
Редукція неудар. гласныхъ 107; 53, 107-109, 115, 119, 12
Рогволодъ (кн. Полоцкій!) 760
„Руська віра“ (ср. Христіанство) 11
Родина (см. Прародина)
Романъ (имп. виз.!) 73, 74
Рюрика домъ (династія) 71
Рюрикъ 71, 74
Своды (см. Лѣтописи)
Свѣньлдиць 92
Святославъ Всеволодовичъ 98
Святославъ (Игоревичъ!) 75-76, 66; 75, 93, 102, 58; 82; 45, 52, 88, 89
Святославъ Ярославичъ (потомство) 112
Системы народовъ (восточноазіатскихъ, европейскихъ) 41;
Синтаксисъ, синтактическія яя. 117; 3
Смѣшеніе гласныхъ **і** и **ы** 104;
согласныхъ 16, 54-56, (56), 59, 60; 111, 120, 121;
Смягченіе согласныхъ 12-13, 15, 16, 43, 105, 116, 117-118;
Составъ языка: звуковой / словарн. 3; 4, 18-19, 120-121; 5/18-19; (4,5), (20, 28, 81; 82, 86)
Списки (см. Лѣтописи)
Сравнительно-историческ. **методъ въ языкознаніи** 14, 16; (18, 19)
Сравнительный **методъ въ языкозн.** 14;
Теоретическ. соображенія
объ измѣненіяхъ въ языкѣ (см. е. Измѣненіе звуковъ) 83; 55-56, 60; 60-61; 5
объ отношеніи къ языкамъ (ихъ развитію и жизни) условій антропологическихъ / политическ. / культурн. / территоріальн. / экономич. / этнографич. 21; 23, 23-24/77-79, 79-80, 82-83, 84, 86-87, 112-113; 77-87, 114, 119-120/11, 17, 21, 23, 32, 36, 41, 62, 66, 79-80, 81-83; 17, 20, 22, 25, 28, 29-31, 33, 34, 35, 50, 52, 64, 64-65, 75-76, (77-87), 120/8, 8-9, (19-20), 21, 23, 23-24, 25, 45-46, 47, 53, 62, 63, 77, 78, 110, 113; 9-10, 42, (50), 49, 51, 52-53, 54, 59, 101-102, 103, 103-104, 105, 106, 110, 111, 111-113, 114, 117-118, 120 /23, 62-65, 79, 82, 84; 22, 73, 76, (120) / 7, 8-9, 9, 11, 17, 21, 23-24, 25; (18), 19, 23, (31), 49, (56-57), 57, (59-60), 77-79, 86-87, 87, 101, (103, 103-104, 104-105, 106-107, 110, 110-111, 111-113, 114, 119, 121)
Точки зрѣнія на положеніе русскихъ язз. въ общеслав. семьѣ 11-13; 13-17
Туры (кн.!) 76
Фонетика, фонетическ. яя. 12-13, 14-16, 18, 19, 24, 34-35, 42-43, 53-54, 54-55, 56, 57, 59, 60-61, 81, 83-84, 84-85, 86, 104, 105, 105-106, 107, 108-109, 111, 113, 114, 115, 115-116, 116, 117-118, 118, 118-119, 119-120, 120-121; 3, 14, (27), 28, 29, (31), 32, (33, 33-34, 35), 37, (38, 39), 40, 49, (56), 67, (73), (89-90), (92, 99, 100)
Хальгу, Halgu, Helgu (см. е. Олегъ) 73
Хаканъ, Chacanus (царь „Руси“) 69, 73;
Ходота 102
Христіанство 11, 79, 81-82;
Цеканье 57; 105, 118
Цоканье 59; (56), 83, 118
Шепелявость, шепел. звуки и т. п. 54-55, 56, 57, 59, 60, 105, (111), 118;
Школы (на Руси!) 82
Юстиніанъ (имп. виз.!) 44;
Юстинъ (имп. виз.!) 45

Языков. термины (языковое основаніе / подражаніе въ яз./починъ въ язык. измѣненіяхъ/ яз. среда) 3; 4; 7, 12, (18) / 83, 84; / 83; /83;
Языков. явленія (см. Морфологич., Синтактич., Фонетич. явл.; ср. Теоретич. сообр...)
Ярославъ Мудрый 74; 10
Ярославъ Святославичъ 112
Ѳеофилъ (имп. виз.!) 69

V.

Указатель хронологическій.

Ук. V имѣетъ назначеніе хронологической канвы. Въ него включены лишь тѣ историческія событія и другого рода явленія, которыя точно или приблизительно датированы акад. Шахматовымъ и относительно которыхъ оріентируется (хронологически) рядъ другихъ событій и явленій, упоминающихся въ книгѣ.

— Изъ датъ, приводимыхъ ак. Шахм., опущены лишь слѣд. 22 даты: II-III вв. (см. стр. 31, 44), IV и IV-V (см. 44), 1 п. IX (см. 69), [859] и [862] (см. 72), 866 (см. 69), [898] (см. 94), 934 (см. 87), [944] (см. 99), 975 (см. 92), 984 (см. 57), XI-XIX (см. 3), 1073 (см. 16), 1096 (см. 116), 1103 и 1111 (см. 81), XVI (см. 57), XVI (см. 61), нч. XIX, 1. п. XIX и 5. д. XIX (см. 20).—Зато въ Ук. V включены 15 датъ, приводимыхъ ак. Шахматовымъ во введеніи къ его «Очерку древнѣйшаго періода исторіи русск. языка» (Петр., 1915). Ссылки на страницы этого труда дѣлаются при помощи сокращеннаго заглавія его (Оч.).

Всѣ указанія помѣчены *текущею цифрой,* начинающею собой строку и отдѣленною отъ даты съ помощью скобки. — Прямыя скобки, заключающія *дату,* указываютъ на то, что она не имѣетъ реальнаго хронологическаго значенія.—За датой слѣдуетъ *объясненіе* ея значенія.—За объясненіемъ даты помѣщены иногда *цифры въ прямыхъ скобкахъ:* онѣ соотвѣтствуютъ текущей цифрѣ, стоящей передъ датой, и должны указать читателю переходъ отъ данной даты къ послѣдующимъ, находящимся съ нею въ хронологической или иной внутренней связи.—Цифры, стоящія въ концѣ строки (послѣ каждаго даннаго указанія), обозначаютъ страницы «Введенія» (арабскія) или «Очерка» (римскія).

Шесть первыхъ датъ (до черты!) относятся ко времени до Р. Хр., остальныя—по Р. Хр. — *Арабскія* цифры датъ обозначаютъ годъ или тысячелѣтіе, *римскія* — всегда вѣкъ. — Въ графѣ датъ приняты слѣд. особыя сокращенія (см. еще передъ Ук. I.): 1. дд. = первыя десятилѣтія; 2. (5.) д. = 2-е (5-ое) десятилѣтіе; 1. (2.) п. = 1-ая (2-ая) половина; п. ч. = послѣдняя четверть; тс. = тысячелѣтіе.—Шахм. = акад. Шахматовъ.

Термины Варяги, Русь (какъ народность) — всегда въ смыслѣ, установленномъ ак. Шахматовымъ (см. указ. № 52).

1) 3 тс.		Эпоха, къ которой восходитъ для насъ древнеиндійская культура. [2] — 20
2) нч. 1 тс.		Эпоха, съ которой освѣщается для насъ исторія Европы. [3] — 20
3)	V	Эпоха Геродота. [7] — 37
4)	V	Вост. Финны („Андрофаги“ и „Меланхлены“) живутъ въ лѣвобережномъ Поднѣпровьѣ, къ востоку отъ Зап. Финновъ („Невровъ“). [33/15] — 50 (ср. 38)
5)	V	Районъ Балтійской культуры совершенно неизвѣстенъ Грекамъ и Скиѳамъ. — 64 (ср. 37-39)
6)	III и II	Бастерны (Сполы) и Скиры господствуютъ въ басс. нижнихъ теч. Днѣпра, Днѣстра и Дуная. [11] — (40), Оч. XV
7)	I	Эпоха Тацита. [10] — 39
8)	ок. I-II	Эпоха нарушенія исконныхъ отношеній въ системѣ народовъ Восточноазіатской культ. обл. [9] — 41
9)	I-II	Неудачное нашествіе Гунновъ на Китай и устремленіе ихъ на западъ. [13] — 14

10) II Эпоха александрійск. географа Птолемея. [23, 28] — 39

11) к. II Движеніе Готовъ изъ Повислинья къ нижн. Дунаю. [12/21] — 40

12) III-IV Остготы господствуютъ въ Поднѣстровьѣ и нижн. Поднѣпровьѣ до Азовск. моря. [13] — Оч. XVII

13) IV Начало „великаго переселенія народовъ“. [14] — 41

14) IV Паденіе гос. Остготовъ на Днѣпрѣ. [16] — 41

15) IV-V Черноморская (греко-скиѳская) культура угасаетъ подъ ударами Гунновъ; начинаетъ складываться своеобытная Азовско - Каспійская культура. — 48, 50

16) 453 Смерть Аттилы. [17] — 45

17) 454 Битва при Недадѣ и нч. распаденія гос. Аттилы. [18] — 45

18) 2. п. V Паденіе владычества Гунновъ въ Европѣ. [19/21] — 45

19) 482 Первое появленіе Болгаръ (непосредственныхъ преемниковъ Гунновъ) у виз. границъ. [20] — 47

20) 499 Набѣгъ Болгаръ на сѣв. Ѳракію. — 47

21) к. V Начало движенія Славянъ (Южныхъ и Восточныхъ) къ очагамъ Средиземном. культуры (изъ Повислинья: ср. 11). [22/23/29] — 31, (42, 44)

22) к. V —нч. VI Наиболѣе вѣроятное время появленія Славянъ у нижн. Дуная (въ Добруджѣ). [29] — 44

23) 1 ч. VI Первыя извѣстія о Словѣнахъ (Южн. Славянахъ) и Антахъ (Вост. Славянахъ) на нижнемъ Дунаѣ въ виз. источникахъ. [ср. 24-28] — Оч. XVII

24) 517 Вторженіе *Готовъ* хроники Марцеллина (предполагаемыхъ Славянъ!) въ Македонію, Ѳессалію и Эпиръ. — 45

25) 518-527 Царств. имп. Юстина, когда Анты перешли Дунай и напали на Византію. — 45

26) 527-565 1. п. царств. имп. Юстиніана, когда были возстановлены въ нын. Добруджѣ 2 крѣпости, которыя задолго до этого были заняты Славянами. — 44

27) 530 Нашествіе *Готовъ* хроники Марцеллина (Славянъ?) на Иллирикъ. — 45

28) 534 Т. a. q. для составленія хроники Марцеллина. — 45

29) VI Анты сидятъ въ первой русской прародинѣ — между Прутомъ и Днѣпромъ, распространяясь частью за Днѣпръ и осаживаясь на сѣверѣ отъ Азовскаго м. [ср. 30, 31 / ср. 24-27 / 31] — (45-48).

30) VI Къ сѣверу отъ гунскихъ племенъ Утригуровъ и Кутригуровъ сидятъ «безчисленныя племена Антовъ» (по Прокопію). [31] — 51

31) 558 Авары заняли сѣв. часть басс. нижн. Дуная, поразивъ по пути сюда Утригуровъ и Антовъ. [ср. 32 / 33, 34] — 47

32) 558-559 Послѣднее нашествіе Утригуровъ на Балканск. пол. — 47

Авары захватываютъ землю Гепидовъ. — 47

33) VI Крайній t. a. q. Зап. Финны должны были покинуть Волынь и уйти къ сѣверу. [ср. 34] — 48

34) VI Утвержденіе Антовъ во второй русской прародинѣ — на Волыни. [35/38] — 48

35) к. VI Анты въ союзѣ съ Византіей борются противъ Словѣнъ (Южн. Славянъ) и Аваръ. — 46

36) VI-VIII Вост. Славяне владѣютъ огромными пространствами богатыхъ культурой земель въ южной части нын. Россіи. [ср. 40] — 36

37) VII-VIII Борьба Зап. Славянъ съ Нѣмцами на Эльбѣ (и восточнѣе), обусловившая движеніе Ляховъ изъ Повислинья къ востоку и пере-

ходъ Радимичей на лѣв. бер. Днѣпра. — 61

38) VII-VIII Распаденіе Вост. Славянъ и общерусскаго праяз. на три вѣтви: Вост., Сѣв. и Южную. [ср. 36/39, 41/48//47] — 77

39) VII-VIII Эпоха колонизаціи нижн. Подонья Восточнорусами, сидящими въ басс. средняго теч. Сѣв. Донца и Дона, куда они пришли изъ Сѣв. Подонья. [45] — 51, (52)

40) VII-IX Эпоха, къ которой относятся археологическія находки въ Скандинавіи, доказывающія отсутствіе сообщенія между районами Балтійск. и Визант. культуръ черезъ Днѣпръ. [ср. 36/ср. 41/52] — 65

41) к. VII Южнорусы сидятъ еще на старыхъ мѣстахъ, гдѣ сидѣли съ VI в.,—въ средней части басс. Днѣпра и Днѣстра. [42] — (51, 63)

42) к. VII Удаленіе Болгаръ изъ южнорусск. степей на Балканы и ослабленіе Аваръ втянувшихся далеко на западъ. [43/44] — 63

43) 679 Болгары (Аспарухъ!) захватываютъ устья Дуная, послѣ чего утверждаются на Балканахъ. — 47

44) нч. VIII Для Южнорусовъ открывается возможность движенія къ Черному м. по нижн. теч. Днѣпра, Ю. Буга и Днѣстра. [46] — 63

45) 1. п. VIII Восточнорусы сидятъ, по арабскимъ источникамъ, въ землѣ Хазаръ на Дону («Славянской рѣкѣ» Арабовъ). [88, 89, 90] — 51

46) VIII Южнорусы уже владѣютъ нижн. теч. Днѣпра и южн. частями басс. Ю. Буга и Днѣстра. [49] — 64

47) VIII-IX Эпоха, когда нн., обособившіяся въ общерусскомъ праяз. (вост., сѣв. и южное), представляются еще вѣтвями единаго общаго цѣлаго— общерусскаго праяз., рѣзко отличающагося отъ языковъ невосточнославянскихъ. [104, 105/103] — Оч. XVIII

48) IX-X Эпоха того распредѣленія русскихъ племенъ, которое Несторъ возстанавливалъ по народн. преданіямъ своего времени. [ср. 114 и 115] — Оч., XXIII

49) IX На югѣ нын. Россіи господствуютъ Хазары. [50] —69

50) IX Южнорусы подпадаютъ подъ власть Хазаръ. — 64

51) IX Нарожденіе на сѣверѣ новыхъ явленій, приведшихъ къ образованію Русскаго гос. [52] — Оч. XXV.

52) IX-X Эпоха броженія на сѣверѣ Россіи среди Сѣверно-русовъ и Финновъ, руководимыхъ сперва туземными въ Финляндіи Скандинавами („Русью"), потомъ—пришлыми Скандинавами („Варягами"). [53/60] — 65

53) 1. п. IX Впервые устанавливается путь «изъ Варягъ въ Греки». [55] — 65

54) нч. IX Начало движенія Сѣверно-русовъ и Финновъ на югъ (по Днѣпру) подъ предводит. Руси. [ср. 57 / 54/55//61] — 67

55) 1. п. IX Русь осѣдаетъ на югѣ нын. Россіи. [ср. 57 / (ср. 127)] — 68

56) 1. п. IX Путь по Днѣпру послѣ прохода на югъ Руси временно вновь закрылся. [61. 62] — 69

57) 838 Т. а. q. пришла на югъ Русь во главѣ съ неизвѣстнымъ предводителемъ, принявшимъ титулъ „кагана". [ср. 58, 59/ср. 127] — Оч. XXX

58) 838 Послы царя Руси, „Хакана", въ Царьградѣ. [59] —69, 73

59) 839 Тѣ-же послы при дворѣ Людовика Благочестиваго. — 69

60) ср. IX Утвержденіе Варяговъ въ Новгородѣ, Изборскѣ, По-

		лоцкѣ, Ростовѣ и на Бѣлоозерѣ. [ср. 52 и 63, 65] —71
61)	860	Г. с. л. о походѣ Аскольда и Дира на Царьградъ. [ср. 62] — 71
62)	860	Безчисленная флотилія Руси подъ Царьградомъ (по достовѣрнымъ греч. источникамъ). [77] — 67-71
63)	[862]	Г. с. л. о „призваніи“ Руси. [ср. 113 и 118] — 68, (71)
64)	[862]	Г. с. л. объ утвержденіи Варяговъ (Аскольда и Дира) въ Кіевѣ. — 72
65)	[862]	Г. с. л. (Нестора) о первыхъ насельникахъ въ Новгородѣ и Полоцкѣ. — 98
66)	[879]	Г. начала княж. Олега по лѣтописи (д. з. ош.!). [ср. 73] — 74
67)	[882]	Г. с. л. (Нестора) о движеніи Олега на югъ, по Днѣпру (д. з. ош.!). [ср. 73] —74
68)	[882]	Г. с. л. о водвореніи Олега въ Кіевѣ. (д. з. ош.!) [ср. 73] — 58
69)	[882]	Г. с. л. о дани, наложенной Олегомъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю. [ср. 73] — 70
70)	[882]	Г. с. л. о «первомъ» походѣ Олега на Царьградъ (д. з. ош.!). [см. 73] — 72, 98
71)	[885]	Г. с. л. о покореніи Олегомъ Радимичей (д. ош.!). [ср. 73/см. 98] — 58
72)	нч. X	Эпоха, къ которой восходитъ кіевская письменность. [изъ 77!/ ср. 74//102] — 81
73)	нч. X	Походъ (единственный!) Олега на Царьградъ, по пути куда Олегъ покорилъ гос., основанное Русью въ Кіевѣ (по Шахм.!). [изъ 77!] —72
74)	X	Образованные слои населенія Кіева усвоили себѣ уже древнеболгарскій яз. [77, 87, ср. 102] — 81-82
75)	[907]	Г. с. л. (Нестора) о «второмъ» походѣ Олега на Царьградъ. [см. 73] — 98
76)	[907]	Г. с. л. (Нестора) о Радимичахъ въ войскѣ Олега. [см. 73; ср. 98] — 58, 98
77)	911	Договоръ Олега съ Греками на древнеболгарскомъ яз. [84] — 81
78)	[912]	Г. начала княженія Игоря по лѣтописи (д. з. ош.!). [ср. 79] — 74
79)	920	Вѣнчаніе на царство имп. виз. Романа, современника Олега. — 74
80)	940	Водвореніе Игоря въ Кіевѣ (по предположенію акад. Шахматова!). [изъ 79 и 81/ ср. 73/81] — 74
81)	941	Походъ Игоря на Царьградъ (по продолжателю Амартола!). [84] — 74
82)	945	Годъ, до котораго хронологія лѣтописи завѣдомо искусственна и недостовѣрна. — 58
83)	945	Годъ, начиная съ котораго содержаніе Нач. св. въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ П. вр. л. [ср. 122 и 129] —91
84)	945	Игорь возобновляетъ Олеговъ договоръ съ Греками. — 75
85)	[945]	Годъ смерти Игоря по лѣтописи (д. з. ош.!). [ср. 82] — 74
86)	[946, 947]	Гг. с. л. о дѣяніяхъ Ольги въ землѣ Древлянъ. —100
87)	949	Время написанія Конст. Багрянороднымъ трактата «О народахъ». [ср. 48!//112] — 87
88)	1. п. X	Многочисленный славянск. народъ (Восточнорусы!) сидитъ, по арабск. источникамъ, на Дону. [ср. 89/90] —51
89)	2. п. X	Т. а. q. Вятичи и Кривичи сидятъ въ разныхъ культурн. районахъ. [изъ 88, 90/ 93] — 113
90)	964	Г. с. л. о походѣ Святослава на Хазаръ и встрѣчѣ его съ Вятичами (на Дону). [92/91] — 52, (102)
91)	964	Г. с. л. о покореніи Вятичей Святославомъ. [100]

92) 964 Паденіе гос. Хазаръ подъ ударами Святослава, съ одной стор., и Печенѣговъ, съ другой. [93] — 102

93) 2. п. X. Нч. переселенія Вятичей изъ басс. Дона въ басс. Оки (подъ напоромъ Печенѣговъ). [изъ 92 и 80, 90!/97, 121] —(103, 106), 112-113, (121)

94) [968] Г. с. л. о первомъ набѣгѣ Печенѣговъ на Кіевъ (д. ош.!). [ср. 90] — 75

95) X Походъ Святослава на Грековъ. — 30

96) 970 Упоминаніе лѣтописи о Малькѣ Любечанинѣ, позволяющее думать, что Древляне сидѣли на лѣв. бер. Днѣпра. — 100

97) п. ч. X. Появленіе Радимичей и за ними Вятичей (вост. частей племени) въ сѣв. Поднѣпровьѣ. [изъ 93/121, ср. 120/98] —106, (110)

98) к. X Покореніе Радимичей Кіевской державѣ (по ак. Шахматову). [ср. 101] — 102

99) к. X Походы Влад. Святого на Вятичей. [изъ 100!/116, 124, 125, 132] — 102

100) 981, 982 Гг. с. л. о походахъ Влад. Святого на Вятичей. — 52

101) 984 Г. с. л. (Нач. св.) о Радимичахъ, сидящихъ на Пищани, между Днѣпромъ и Сожью. — 102, (93)

102) XI Нч. русской письменности, сохраненной намъ въ памятникахъ. [ср. 108 и 109; (ср. 72)] — 3

103) XI-XII Древнѣйшій періодъ сѣвернор. и южнорусскаго нн., доступный изученію по письм. памятникамъ. [104; ср. 136] — 16

104) XI Т. а. q. окончилась эпоха общерусскаго праяз., устанавливаемый на основаніи памятниковъ русской письменности. [105] — Оч., III

105) XI Общерусск. яз., какъ таковой, еще сохраняетъ свое единство: основныя черты его, отличившія его отъ общеслав. праяз., въ памятникахъ сѣверорусск. и южнорусскаго нн. тождественны. [136] — 14-16

106) XI и 1 п. XII Гласные *ѣ* и *ъ* сохраняются еще при всякомъ положеніи въ словѣ. [138] — 14

107) XI Древнѣйшіе памятники, свидѣтельствующіе о замѣнѣ сочетаній *st*, *sc* сочетаніемъ *šč*. [146] — 116

108) XI и XII Южнорусск. памятники письменности древнѣйшаго періода. — 16

109) к. XI и XII Сѣверорусск. памятники письменности древнѣйшаго періода. — 16

110) XI Основаніе школъ на Руси [111] — 82

111) XI Нч. развитія русск. книжнаго языка. [112] —Оч. XXXIX

112) XI Нч. русскаго лѣтописанія. [114, 115/118] — 49

113) XI При дворѣ виз. имп. образуется служилый классъ Варяговъ (Варягорусовъ). — Оч. XXX

114) XI Народное преданіе хранитъ еще имена Аскольда и Дира. [ср. 118, 122, 129] — 71

115) XI Въ Новгородской области сохраняются еще слѣды административной дѣятельности Ольги на Мстѣ и Лугѣ. — 75

116) XI Лѣтописецъ представляетъ себѣ крещеною всю русскую землю, кромѣ вост. племенъ Вятичей. [124] — 79

117) XI-XII Русскіе книжные люди утверждаютъ, что христіанство получено Русью отъ Грековъ, въ Корсунѣ. [ср. 151] — 8

118) XI и нч. XII Лѣтописи, на основаніи которыхъ мы возстанавливаемъ для IX-X вв. совсѣмъ иную картину разселенія русскихъ племенъ, чѣмъ та, которую имѣемъ основаніе

принять для X и IX вв. [122, 129 / ср. 48] — 101

119) XI Т. а. q. Вятичи ушли изъ басс. Дона къ сѣверу. [ср. 89! см. 93/120] — 93

120) XI Первые зачатки сожительства Восточнорусовъ съ Сѣверянами, приведшаго позже къ образованію великорусской народности. [134, 144] — Оч. XLIX

121) 2. п. XI Усиленный наплывъ Вятичей въ басс. Оки подъ напоромъ Половцевъ. [123, 143] — 121

122) 1093-1095 Время составленія Нач. св. [ср. 112, 118/ср. 129, 83] —91

123) 1093-1095 Вятичи прочно сидятъ на Окѣ. [124, 143] — 93

124) XII Утвержденіе христіанства среди Вятичей. [ср. 128] — 79

125) XII Окончательное замиреніе Вятичей. [132] — 102

126) XII и XIII Новгородская лѣтопись понимаетъ подъ словомъ „Русь“ кіевскій югъ. — 10

127) XII При устьѣ Дона извѣстенъ гор. *Росія*, принадлежащій, какъ и Тмуторокань, Грекамъ. — 68

128) 1110 Смерть просвѣтителей Вятичей — Кукши и его ученика. [ср. 116 и 124] — 102

129) 2. д. XII Время составленія П. вр. л. Несторомъ. — 91, 92

130) 2 д. XII Т. а. q. Уличи оттѣснены отъ устья Дуная къ сѣверу. [ср. 129! 130] — Оч. XLIV

131) 1. п. XII Возвышеніе Галича, связанное съ приливомъ въ среднее и сѣв. Поднѣстровье Уличей и Тиверцевъ (съ юга!). — Оч. XLIV

132) ср. XII Вятичи сидятъ (отъ границъ Муромской земли до Подесенья) самостоятельными племенными группами. [ср. 133] — 102

133) 1147 Г. с. л. о приглашеніи Вятичей на сеймъ Давыдовичами. [134] — 102

134) ср. XII Побѣдоносная борьба кнн. Юрія и Андрея съ рязанскими кнн. (Восточнорусами!). [144] — Оч. XLII

135) 1169 Первое разореніе Кіева и паденіе его политич. значенія. [139] — Оч. XLV, XLVII

136) XII-XIII Эпоха, когда на всей территоріи русскихъ гг. установилась, подъ вліяніемъ яз. Кіева, общая языковая жизнь, положившая начало развитію ряда яя., общихъ всѣмъ русскимъ гг. [137] — 85, (84-85)

137) ср. XII Въ памятникахъ древнерусск. письменности впервые обнаруживается паденіе глухихъ. [138] — 84

138) 2 п. XII (до 1. дд. XIII?) Эпоха паденія глухихъ на всей территоріи русскихъ гг. — 85

139) к. XII —нч. XIII Галицко-русское гос. продолжаетъ усиливаться. [ср. 135 и 140] — Оч., XLVII

140) 1203 Второе разореніе Кіева. — Оч., XLVII

141) XIII Т. а. q. должно было произойти отдѣленіе бѣлорусскаго н. отъ потомка восточнорусскаго н. — н. южновеликорусскаго. [изъ 142] — 54

142) XIII Т. а. q. для возникновенія аканія. [ср. 147] — 54

143) XIII Завершеніе процесса оттяжки Вятичей изъ басс. Дона въ средн. Россію (подъ напоромъ Татаръ). [ср. 144] — 121

144) кн. XIII —нч. XIV Эпоха возникновенія великорусской народности и н. [ср. 120/145, 146] — 113

145) кн. XIII —нч. XIV Первые слѣды общевеликорусскаго перехода *у* и передъ *неслоговымъ і* въ *о* и *е* (въ памятникахъ!). —116

146) кн. XIII —нч. XIV Нч. общевеликорусской замѣны звв. *ц, з, с* въ склоненіи и спряженіи звуками *к, г, х*. — 116

147) XIV Первые слѣды аканія въ памятникахъ русск. письменности. [ср. 142!] — 53

148) XIV-XV Эпоха, отъ которой мы имѣемъ памятники древнепсковскаго н. — 60

149) XIV Эпоха, съ которой мы знаемъ н. Зап. Кривичей (древнепсковское). [ср. 148] — 111

150) XIV Эпоха, съ которой смѣшеніе *ж, щ* съ *з, с* засвидѣтельствовано въ яз. древняго Пскова памятниками. [ср. 149] — 60

151) XV-XVI Составители русск. лѣтописн. сводовъ утверждаютъ, что христіанство преподано Влад. Святому Кирилломъ-философомъ. [ср. 117] — 81

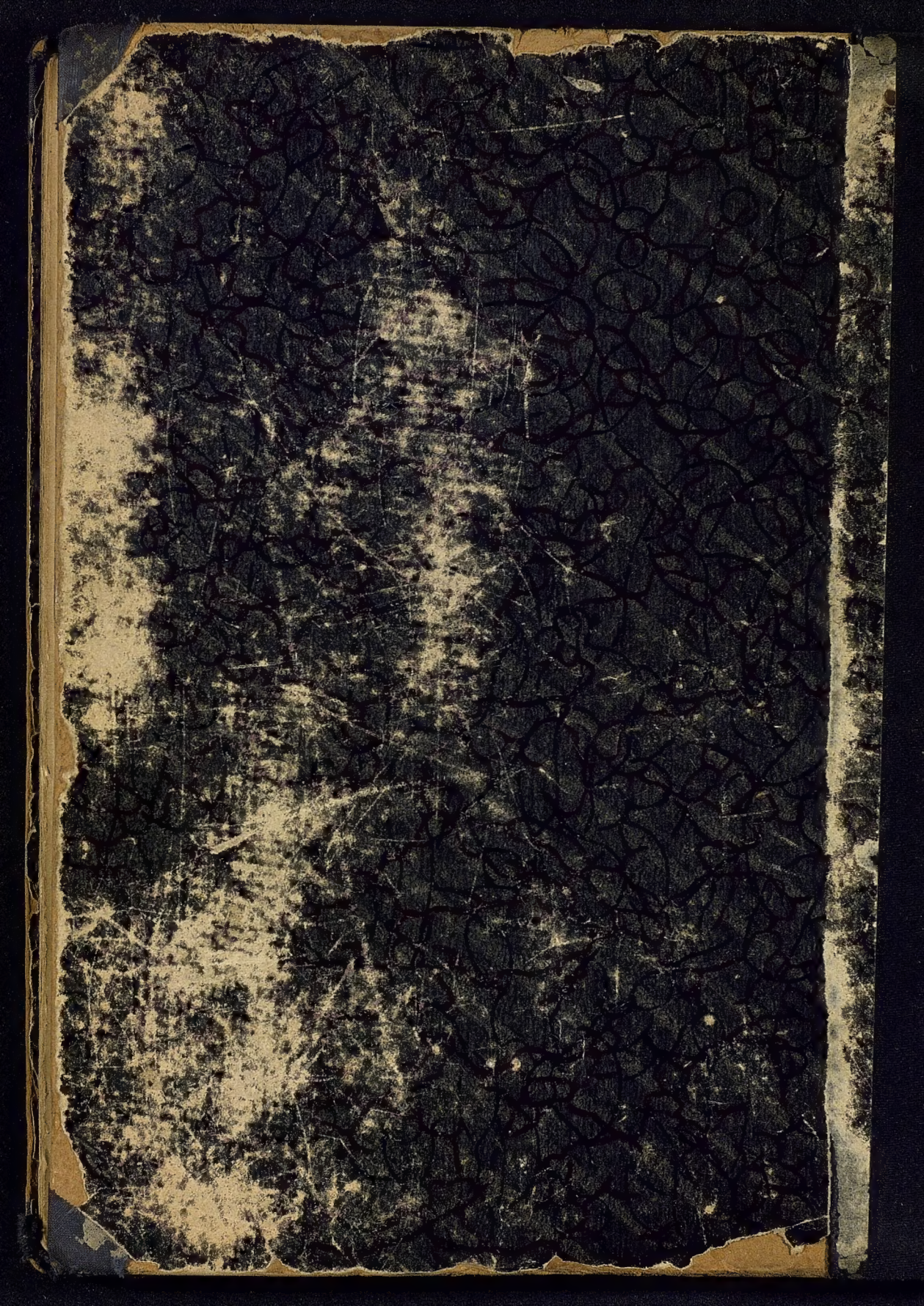
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ Издательскаго Комитета	1
Задачи и планъ курса	3—5
Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій	7—122
Основныя понятія и отправныя точки	7—10
Исходное положеніе	10—17
Общеславянская семья языковъ.—Славянская прародина	18—20
Индоевропейская прародина	20—23
Распаденіе индоевропейской семьи	23—25
Предпосылки о прародинѣ Славянъ	25
Прародина Восточныхъ Индоевропейцевъ	25—26
Общая прародина Балтійцевъ и Славянъ	26—27
Распаденіе Балтійско-славянской семьи	27—29
Первая прародина Славянъ	29—40
Сосѣди Славянъ въ ихъ первой прародинѣ	32—36
Другіе взгляды на прародину Славянъ	36—37
Данныя древнихъ историковъ и географовъ	37—40
Отношенія съ Восточными Германцами	40
Вторая прародина Славянъ	40—42
Отдѣленіе Западныхъ Славянъ	42—44
Движеніе Южныхъ и Восточныхъ Славянъ къ Дунаю	44—45
Распаденіе Южно-восточнаго Славянства и первая прародина Восточныхъ Славянъ (Русскихъ)	45—47
Вторая прародина Русскихъ	47—49
Первое раздробленіе русской семьи	49—51
Восточная вѣтвь Русскихъ Славянъ	51—54
Сѣверная вѣтвь Русскихъ Славянъ	54—63
Южная вѣтвь Русскихъ Славянъ	63—64
Русское государство	64—77
Путь „изъ Варягъ въ Греки“	64—65
Броженіе на сѣверѣ и „Русь“	65—67
Вопросъ о „Руси“	67—69
Продолженіе броженія на сѣверѣ и „Варяги“	69—71
Зарожденіе Русскаго (Кіевскаго) государства	71—72
Роль Кіевскаго государства въ исторіи русскихъ племенъ	72—77

Стран.

Связь языковыхъ явленій съ образованіемъ и жизнью Кіевскаго государства. . . . . 77—87
Объединяющее значеніе процесса созиданія Кіевскаго государства. . . . . 77—79
Объединяющее значеніе христіанства. 79
Объединяющее значеніе Кіева, какъ городского центра. 79—83
α. *Языкъ господствующихъ классовъ Кіева.* . . . 80—81
β. *Языкъ образованныхъ классовъ Кіева.* . . . . 81—83
Механизмъ измѣненій въ языкѣ, какъ таковомъ. . . . 83—84
Лингвистическое обоснованіе положенія объ объединяющей роли языка Кіева. . . . . 84—87
Источники нашихъ свѣдѣній о древнерусскихъ племенахъ. . . . . 87—100
1.—Данныя Константина Багрянороднаго. . . . . 87—91
Данныя русской лѣтописи. . . . . 91—92
2.—Данныя Начальнаго свода. . . . . 92—94
3.—Данныя „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. . . . . 94—100
Итоги. 99
Дополнительныя соображенія о Дреговичахъ, Радимичахъ и Вятичахъ. . . . . 101—103
Причины измѣненія древнихъ группировокъ русскихъ племенъ и новыя группировки ихъ. . . . . 103—113
Составные элементы малорусской народности и языка. 103—104
Составные элементы бѣлорусской народности и языка. 104—110
Составные элементы великорусской народности и языка. 110—113
Взаимныя отношенія двухъ великорусскихъ нарѣчій и средневеликорусская діалектическая группа. . . . . 113—121
Явленія великорусскаго нарѣчія, какъ такового. . . . . 114—117
Явленія, связывающія отдѣльныя части сѣверноруссскаго и южновеликорусскаго нарѣчій. . . . . 117—119
Средневеликорусская діалектическая группа. . . . . 119—121
Говоръ города Москвы . . . . . 120—121
Заключеніе. . . . . 121—122
Указатели. . . . . . 123—146
I.—Указатель географическихъ названій и именъ. . . 123—128
II.—Указатель народовъ, племенъ и т. п. . . . . 128—131
III.—Указатель языковъ, явленій и словъ. . . . . 131—135
IV.—Указатель предметный. . . . . 136—140
V.—Указатель хронологическій. . . . . 140—146
Опечатки и исправленія. 147
Оглавленіе. . . . . . 148—149

Важнѣйшія опечатки и исправленія.

Рекомендуется исправить передъ чтеніемъ книги.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
9	1 св.	лавнымъ	главнымъ
13	18 св.	*– p'atyĭ*	*p'atyĭ*
13	18 св.	**o**	**o**
13	22 св.	**č**	**č**
13	25 св.	**č**	**č**
15	20 св.	ѧ	*іотированый* ѧ
22	2 св.	Сѣвернаго	сѣвернаго
32	33 св.	*Сѣверной Двины.*	*Западной Двины.*
32	4 сн.	Сѣверной Двины.	Западной Двины.
33	21 св.	любимый,	любимый
39	2 сн.	(Τυδωνες),	(Τύδωνες),
44	3 св.	ниже.	ниже (стр. 61).
45	20 св.	нижнюю Австрію,	Нижнюю Австрію,
46	20 св.	Въ	— Въ
47	1 сн.	выше,	выше (стр. 46),
51	7 св.	условія.	условія (см. стр. 63—64).
52	5 св.	Игиль,	Итиль,
57	6 сн.	пути	пути,
59	6 сн.	бассейны	бассейнъ
59	5 сн.	Двины, рѣки	Двины и бассейны рѣки
63	22 св.	(см. стр. 59)	(см. стр. 64—72)
63	24-25 св.	Поднѣстровьѣ	Поднѣпровьѣ
77	22 св.	(стр. 51)	(ср. стр. 50 и 51)
89	14 св.	(Μιλινισκα)	(Μιλινίσκα)
94	5 сн.	(ср. стр. 37, 62),	(ср. стр. 32, 62)
96	4 сн.	о Радимичахъ, Дреговичахъ	о Дреговичахъ, Радимичахъ
100	15 св.	Добрыни	Добрыни,
100	16 св.	Малуша	Малуша,
103	16 сн.	, на	; см. стр.
104	2 сн.	Славянъ	Словѣнъ
105	19 сн.	взвар,	взваръ,
114	11 сн.	общія	новыя общія
114	5 сн.	явленіяхъ.	новыхъ явленіяхъ.
115	3 св.	общихъ	общихъ новыхъ
121	17 св.	Верхней Волги	верхней Волги